

Донецкий государственный университет управления
кафедра социологии управления

Донецкое отделение социологической ассоциации Украины

Исследовательский центр им. А.А.Зиновьева
Московского гуманитарного университета

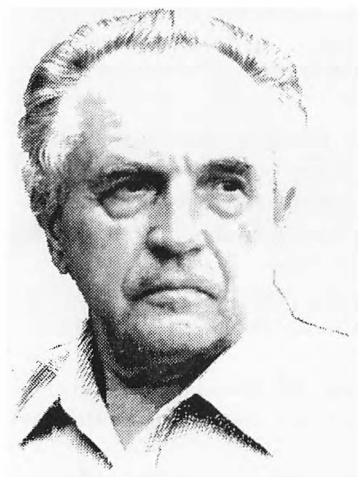
Материалы
международной научной
конференции
«Зиновьевские студии»
13 мая 2009 года

Донецк 2010

*Донецкий государственный университет управления
кафедра социологии управления*

Донецкое отделение социологической ассоциации Украины

*Исследовательский центр им. А.А.Зиновьева
Московского гуманитарного университета*

*Материалы
международной научной
конференции
«Зиновьевские студии»
13 мая 2009 года*

Донецк 2010

УДК 316

ББК 63.3(2)61

3 65

Зиновьевские студии: материалы международной научной конференции 13 мая 2009 года. – Донецк: ДонГУУ, 2010. – 160 с.

В сборнике представлены материалы выступлений участников международной научной конференции «Зиновьевские студии», посвящённой творчеству выдающегося русского логика, философа, социолога, писателя А.А. Зиновьева.

Редакционная коллегия

Председатель редколлегии:

Бурга Валерий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления Донецкого государственного университета управления, первый проректор – проректор по научно-педагогической работе ДонГУУ, председатель Донецкого отделения САУ.

Члены редколлегии:

Зиновьева Ольга Мироновна – директор Исследовательского центра им. А.А.Зиновьева при Московском гуманитарном университете.

Мазурик Олег Владимирович – кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления.

Пасько Ярослав Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления.

Саенко Борис Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой специально-правовых дисциплин Донецкого государственного университета управления.

Бухтеев Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления.

Клименко Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗИНОВЬЕВ

(29 октября 1922г. – 10 мая 2006 г.)

Выдающийся русский мыслитель (логик, социолог, философ, писатель, художник). Крупнейший российский идеолог конца XX – начала XXI веков.

Александр Александрович Зиновьев родился в 1922 году в Костромской области в многодетной крестьянской семье. По окончании школы он в 1939 году поступил в московский ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории - основной гуманитарный вуз университетского типа в те годы), из которого он был исключен без права поступления в другие вузы страны за выступления против культа Сталина.

Вскоре он был арестован, бежал, скрывался от органов госбезопасности. От дальнейших неприятностей его спасла служба в армии, куда он ушёл в 1940 году и прослужил до 1946 года. А.А. Зиновьев участвовал в Великой Отечественной войне в качестве боевого летчика и закончил ее в 1945 году в Берлине. 1946 - 1954 годы он - студент, а затем аспирант философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1954 г. А. Зиновьев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). Став в 1955 году научным сотрудником Института философии Академии наук СССР, он проработал в нём до 1976 года. В 1960 году А.А. Зиновьев защитил докторскую диссертацию, вскоре после этого он получил звание профессора и короткое время (1965-1968) заведовал кафедрой логики в Московском университете.

В 1976 году А.А. Зиновьев выступил с книгой "Зияющие высоты", представлявшей собой выполненное в художественной форме критическое исследование некоторых сторон советского социального строя. Книга была опубликована на Западе. Этот факт решающим образом предопределил восприятие книги. А.А. Зиновьеву отвели роль антикоммуниста, со всеми вытекающими в те годы последствиями: он был исключен из партии, выгнан с работы, выслан из страны, лишен гражданства, всех научных степеней, званий, наград, в том числе военных. Вокруг него была создана атмосфера замалчивания. Все было организовано так, как будто вообще не существовало такого человека.

С 1978 года начинается эмигрантская жизнь А.А. Зиновьева, которая продлилась 21 год. Все эти годы он жил в Мюнхене (Германия), занимаясь научным и литературным трудом, не имея постоянного места работы и источника существования. В 1980 году выходит его научный труд "Коммунизм как реальность". В ней он излагает основы разработанной им теории реального коммунизма. За этот труд он удостоен премии Алексиса де Токвиля – премии в области социологических исследований (1982 г.).

Одновременно с этим появляется огромное количество научных и публицистических, статей, докладов, интервью, излагающих, уточняющих и развивающих его теоретические и социальные позиции.

А.А. Зиновьев своим творчеством создал новый жанр социологического романа (повести), в котором научно—социологические результаты излагаются в художественной форме. Понятия, утверждения, отчасти даже методы социологии используются как средства художественной литературы, а последние, в свою очередь, применяются как средства науки. Его социологические романы принадлежат одновременно и к области науки, и к области художественной литературы. В результате этого ему удалось, с одной стороны, интегрировать в социологическую теорию человеческий, индивидуально—личностный аспект жизнедеятельности, а с другой — изобразить индивидуальные человеческие типы, отношения между ними с учётом их глубокой социальной обусловленности.

В середине 80-х годов XX в. начинается новый период в творчестве А.А. Зиновьева. Он расширил исследовательскую тематику, обратившись к изучению современного Запада. В итоге исследований коммунизма и западнизма, их борьбы между собой А. Зиновьев систематизировал свои социологические представления. Дополнил их новыми понятиями человеиника, предобщества, общества и сверхобщества (монография «На пути к сверхобществу», 2001). Его социология не знает оценочных суждений, отрицает историзм как методологический принцип познания общества.

В 1990 г. Зиновьев был восстановлен в гражданстве, соотечественники получили открытый доступ к его трудам. В 1999 г. он вернулся на постоянное место жительства в Москву. Работал профессором в Институте философии РАН, преподавал МГУ им. М.В. Ломоносова и в других вузах страны, активно участвовал в общественно-политической жизни в качестве публициста, эксперта, лидера обще-

ственного мнения. В Московском гуманитарном университете был создан исследовательский центр А.Зиновьева. В этот период выходят такие обобщающие труды как «Очерки комплексной логики»(2000г.), «Логическая социология(2002г.), «Логический интеллект»(2005г.). К этому времени издано более 40 книг на 22 языках мира тиражом свыше 3 млн. экземпляров. Последним произведением А. Зиновьева стала книга «Фактор понимания» (2006 г.). В ней он подводит итог жизни, излагает своё мировоззрение в единстве философско-методологических, логических, социологических и этических аспектов.

Отдавая дань памяти крупного учёного, а также для привлечения внимания студенчества к его творчеству, кафедра социологии управления Донецкого государственного университета управления, Донецкое отделение Социологической ассоциации Украины и Исследовательский центр имени А.А. Зиновьева Московского гуманитарного университета 13 мая 2009 года провели Международную научную конференцию «Зиновьевские студии». Конференция проходила в зале заседаний Учёного совета ДонГУУ. В её работе приняли участие ректор ДонГУУ, доктор экономических наук, профессор А.С. Поважный, глава Донецкого отделения САУ, заведующий кафедрой социологии управления ДонГУУ, доктор социологических наук, профессор В.В. Бурега, директор исследовательского центра имени А.А. Зиновьева при Московском гуманитарном университете О.М. Зиновьева, представители высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений. Согласно плану конференции были проведены пленарное заседание, дискуссия по творчеству А.А. Зиновьева, просмотр кинофильма «Завещание».

Подводя итоги первым в Украине «Зиновьевским студиям», О.М. Зиновьева отметила высокий уровень понимания участниками студий творчества А.А. Зиновьева . В заключение В.В. Бурега, как глава оргкомитета конференции, указал на важность проведения данного мероприятия, отметив, что приобщение к творческому наследию А.А. Зиновьева без сомнения нужно современному украинскому обществу.

ПРИВЕТЛИВОЕ СЛОВО ОЛГЫ МИРОНОВНЫ ЗИНОВЬЕВОЙ

Дорогие товарищи, дорогие друзья, дорогие коллеги! Моя неформальная вам благодарность - от сердца. От всей души благодарю вас за идею, за готовность и за желание услышать о чём-то таком, о чём раньше не слышали, за вашу живую заинтересованность ознакомиться с тем миром и с той духовностью, которая оказалась за пределами вашего сознания и не по вашей вине, а по вине всех тех политических процессов, которые происходили на территории нашей некогда огромной родины. Я хочу с начала моего выступления сказать, что это не будет выступление как на политбюро, оно не будет длиться 10 часов. Я очень хочу услышать всех вас - вас так много собралось. Знаю, что регламент довольно жесткий, а мне бы хотелось услышать мнения всех присутствующих, потому что нет ничего дороже, чем человеческое общение, тем более что оно посвящено Александру Александровичу Зиновьеву. Это как отражённый свет: одно дело, когда ты что-то сделал, а потом вдруг реакция на свершённое возвращается к тебе в форме какой-то люминесценции, в форме каких-то отражений, в форме критики. Это есть результат творческого процесса, результат освоения материала.

Я хочу вам передать огромный привет, пожелания творческой работы от директора Института философии РАН, академика РАН Гусейнова Салама Керимовича. Также поздравления передавал академик РАН Лекторский Владислав Александрович, главный редактор журнала «Вопросы философии», журнала, которому исполнилось 60 лет. Академик-секретарь РАН Степин Вячеслав Семенович также просил передать вам свои поздравления. К сожалению, информация о «Зиновьевских студиях» дошла до Москвы позднее, чем того бы хотелось. В любом случае они передавали огромный привет и глубокую заинтересованность в том, что происходит на «Зиновьевских чтениях» сегодня в Донецке, в вашем Университете.

Идея «Зиновьевских чтений» появилась после 10 мая 2006 года. Исследовательский центр А.А. Зиновьева был создан в 1999 году по возвращению Александра Александровича и всей нашей семьи в Россию. По идее говорить о возвращении можно было бы, если бы мы собирались вернуться в Советский Союз, но т.к. его уже не было, то мы летели в Россию. Это была совсем другая, третья страна. Алек-

сандр Александрович принял решение возвращаться в Россию под давлением тех политических обстоятельств, которые, безусловно, мимо вас не прошли. Речь идёт о циничном вторжении натовских войск в суверенное государство – Югославию, которое, как и СССР, вы тоже больше уже не найдете на политической карте мира.

Когда развязался этот страшный сценарий, Александр Александрович не мог оставаться безучастным, он сказал, что «я не могу больше жить в Германии (куда мы не добровольно приехали, нас выслали в 78-м году), я должен быть и умереть с моим народом». Это фраза не была рассчитана на журналистский эффект, то были слова, сказанные сердцем. Александр Александрович - человек высокой морали и бесконечно чистой глубокой совести. За всю свою жизнь он не совершил ни одного поступка, за который ему пришлось бы извиняться, краснеть или объясняться. Всё, что он делал, он делал во имя высокого и глубокого понятия, во имя Родины. Хотя Родина (не Родина, а те, кто исполнял какие-то акции от её имени) не всегда реагировала адекватно на его непредвзятое, честное, объективное отношение ко всем историческим и политическим процессам, происходившим на просторах нашей великой страны. Как известно, обычно редко благодарят тех, кто говорит правду. Александр Зиновьев никогда не играл ни в какие подковёрные игры, проблемы бесстрашно называл своими именами, защищал феномен коммунизма в том виде, каким он его видел, анализировал и понимал.

К этому моменту он пришёл, открыв и оставив за собой огромный пласт знаний по имени «математическая логика». Он, по всему тому, что успел сделать в профессиональной жизни, входил в тройку ведущих логиков мира. Открыл интересные очень области в этой строгой науке - комплексная логика, логическая социология, логическая физика (логика макро- и микромира); ввёл квантор неопределенности; доказал недоказуемость Великой Теоремы Ферма, (над которой бьётся человечество последние 400 лет). От всех этих лавров у него никогда не возникало головокружение. Он просто понимал, что его главная цель в жизни - говорить правду и думать. Он как настоящий русский мастеровой знал свое ремесло. Думать он умел уникальным образом. Он видел то, что не видели мы, живущие в то же самое время, ходящие по той же самой земле. Все это мимо нас пронеслось каким-то историческим потоком, который нас как-то задевал. Мы сидели на собраниях и играли в морской бой, а он думал. Он ду-

мал, фиксировал, анализировал. Весь процесс, касавшийся истории нашего времени, который фокусировался для него на феномене коммунизма, это все проходило через его голову. И не окажись такой ситуации в его «цехе», когда Зиновьев сделал слишком много, когда его избрали в Финскую академию наук как единственного от Советского Союза вместе с Капицей, когда его логическая школа вышла далеко за пределы СССР. Его учеников и соратников, кстати, теперь вы можете встретить и в Киеве. Это академик Мирослав Попович, профессор Сергей Крымский и другие. Это грузинская школа, это Беларусь, Таджикистан, Казахстан, т.е. это была огромная школа. И где-то на каком-то уровне, то ли это был ЦК КПСС, то ли это было в каком-то другом учреждении, было принято неявное решение не развивать культ Зиновьева.

Культу не было как такового, был Зиновьев с его работами, с его учениками, с людьми, которые стремились к нему со всего мира. Вёлся мониторинг ссылок на советских ученых, на советских философов, в частности. Как-то так получилось по одному списку (это было в 71-м году), что на профессора А.А. Зиновьева было 86 ссылок, а на академика Бонифатия Кедрова – две. Никоим образом я не хочу умалить роль Бонифатия Михайловича Кедрова, признанного авторитета в области естествознания. Но на Зиновьева ссылок было больше, чем на всех остальных. И он не прилагал к этому абсолютно никаких усилий. Среда, профессиональная среда...

А вы, здесь присутствующие, уже знаете, что такое профессиональная среда, что такое цеховые отношения; вы знаете, что людям свойственны человеческие слабости. Я не стану никого конкретно в чем-то обвинять. Я знаю всё, все элементы этой трагедии. Я знаю поименно всех тех людей, кто приложили руку к тому, чтобы Зиновьева изгнали из Советского Союза, из советской истории, из советской логики, из советской социологии. И вот когда сегодня журналистка вашей газеты «Вечерний Донецк» обратилась ко мне с вопросом: «Вы знаете, а мы не знаем, кто такой Зиновьев», естественно я не должна была занимать позицию оскорблённой вдовы. Если кто-то что-то не знает и если ты в состоянии что-то объяснить, ты обязан. Как говорил в свое время выдающийся немецкий педагог и врач д-р Хаас: «Если можешь, то ты должен». Так вот если можешь объяснить, если можешь рассказать, если можешь дать это людям, то ты должен это сделать.

Александру Александровичу свойственна открытая форма отношений с людьми. Он мог объяснять часами, он мог выступать перед гигантскими аудиториями, где три, четыре, пять тысяч человек. Одновременно он был готов потратить несколько часов, донося истину до одного-единственного собеседника. И никогда не изменял он истине: истина должна быть и только истина. Причем, говорить истину, когда остальные утверждают нечто обратное, согласитесь, это огромное мужество.

Прославлять перестройку, когда она началась в известное вам время, то не было каким-то мужеством. И он не прославлял, он анализировал. Ему было всё равно – заниматься президентом Клинтон, или Горбачевым, или каким-то фильтрующим вирусом. Для него всё это были объекты изучения. Он не выступает против перестройки, он её анализирует. Причём, анализирует таким образом, что она, проходя через специфический его интеллектуальный мир, приобретает форму «катастрофы», - так называется его книга, посвященная перестройке. Насколько случайно это название? Вы сами понимаете, что, конечно, неслучайно. Зиновьеву вообще было свойственно видеть в нашем обыденном мире что-то, что вызывало потрясение людей, которые потом воспринимали так: «Ну, я же это тоже видел». – «Да, ты видел, но ты не разглядел», т.е. смотрят, но не видят; слушают, но не слышат.

Таким образом, он разглядел зияющие высоты нашей страны, нашего звенящего коммунизма, проживавшего на 1/6 территории нашей планеты, со всеми положительными и негативными сторонами. Александр Александрович никогда не был антикоммунистом, он никогда не сражался за свержение советской власти. Это позиция вообще ему не свойственна. Он был аналитиком, он был философом, логиком. Всё, чего он добивался, - это проанализировать и познакомиться руководство страны и тех, кому это было бы необходимо знать, с реальным положением вещей. Не запудривать какие-то неприглядные вещи, а анализировать, вскрывать, преодолевать, а после этого идти дальше.

Но часто так бывает, что гражданская позиция одного человека становится камнем преткновения в глазах массы, которая принимает решение идти другим путём. И 78-й год в этом плане как раз и оказался для нас трагичным: нас выставляют из Советского Союза, нас лишают гражданства, лишают права въезда на территорию нашей

страны. Захлопываются железные ворота железной крепости по имени Советский Союз. Зиновьева надо было изъять. Его изымают из спецхранов, из всех библиотек, из всех учебных циклов по логике (он заведовал кафедрой логики в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова). Его труды надо было забыть, отодвинуть, сделать вид, что и физически не существовал такой человек по имени Александр Александрович Зиновьев, соль земли русской. Началось бессовестное растаскивание всех его идей. Появилось определенное количество диссертаций после его изгнания с бесцеремонным использованием его идей, но уже без имени их открывателя и автора.

Но Александр Александрович знал, что «собаки лают, караван идёт». И он шёл дальше. Он шёл в социологию. Он шёл в познание коммунистического мира. Он оттачивал свое интеллектуальное оружие. О том, что он видел, он говорил в своих лекциях. Он прочитал огромное количество лекций в Старом и Новом свете. На его лекции в Вашингтоне сказали: «Вы знаете, мы вообще не понимаем, почему вас изгнали из Советского Союза. Всё, что вы пишете в «Зияющих высотах» (они показали книгу, которая была вся исчерчена пометками, значками на полях), мы изучаем доскональнейшим образом. Мы изучаем Советский Союз по вашей книге». Причём, это же вроде бы не научный или политический трактат, строго говоря. На самом деле, в этот социологический роман попал весь сонм переживаний, весь спектр научного инструментария, которым владел Александр Александрович. И вот появился этот феномен, взорвалась книга «Зияющие высоты», появился автор бестселлеров, «первый автор XXI века», как его назвали в сотнях статей, интервью журналисты и общественное мнение на Западе.

Нам был закрыт путь в страну. Коллеги, друзья, ученики с праведным гневом отвернулись от отщепенца. На последнее, разоблачительное, партсобрание Института философии, задуманное аутодафе, он, естественно, не пошел. Он написал заявление с просьбой исключить его из партии, т.к. считал, что не отвечает её критериям. Это абсолютно честный поступок честного гражданина. Но его нужно было протащить через огонь инквизиции. На том собрании присутствовал представитель ЦК КПСС и КГБ. Дружное собрание Института философии - коллеги, друзья, ученики, аспиранты, студенты – единогласно требовали его исключения из партии. Нашлись особо ярые, которые вообще настаивали с пеной у рта расстрелять его. Самое пара-

доксальное, что представитель КГБ их увещевал: «Ну что же так топиться. Давайте разберёмся». Понятно, что представитель КГБ нисколько не был на стороне Зиновьева, но сам факт того, что сотрудник КГБ на тот момент сказал: «Давайте разберёмся», говорит о многом.

И вот в 1999 году мы возвращаемся в Москву. Наше возвращение произвело очень тяжёлое впечатление на тех, кто еще остался жив; на тех, у кого руки были если не в крови, то в подписывании многочисленных протоколов по изгнанию Зиновьева из советской академической школы. Они вдруг стали приходить к нам, и каждый из приходящих говорил: «Вы знаете, я же был единственным, кто проголосовал «против». И по нашим подсчётам получилось, что против проголосовало почти всё собрание. Я это говорю к тому, чтобы продемонстрировать вам, насколько гибко и на что способно человеческое сознание, поведение людей, которые вовсе не находились под дулом пистолета. Это было творчество масс. Это была реакция толпы, которая озверела: «Ах, ты был раньше с нами на одной лестничной площадке, а теперь ты стал какой-то там знаменитостью». Они знали, какой был Зиновьев до этого. Но то, что произошло, то был какой-то взрыв - взрыв страстей, взрыв переживаний. Ничто человеческое, оказалось, и Институту философии не было чуждо. А вот потом они приходили и извинялись. Это было очень страшно. Они извинялись, они признавались в любви. И, в общем-то, оказалось, что это какая-то анонимная сила приняла анонимное решение от имени анонимного ЦК КПСС, от имени анонимного КГБ, от имени анонимного Президиума Верховного Совета, которые лишили всех нас Родины, лишили нас гражданства, лишили нас крыши над головой. Вообще нас лишили всего, как будто нас и не было вовсе.

Указом М.С. Горбачева Александру Александровичу вернули гражданство в 1989 году. Как, нас не спросив, лишили гражданства, так же, не спросив, его вернули. И никто почему-то не подумал, что с нами было за эти годы, на что мы жили, как мы жили. Человек абсолютно незаурядного и независимого стиля мышления и поведения, кем был Александр Александрович, он Западу так же потом не понравился, что было совершенно естественно. Он был независимым. Он, живя и плодотворно трудясь на Западе, методично изучая коммунизм, к 1985 году, когда обнаружились тенденции нового, перестроечного, мышления и перестроечного отношения к жизни, Александр

Александрович предсказывает всё то, что потом произойдет в Советском Союзе, что произойдет с коммунизмом. Все наши друзья, находившиеся в эйфории, и не задумывались о тех страшных, разрушительных, последствиях, которые обрушатся на всех тех, кто жил в стране по имени СССР. Это коснулось не только Советского Союза.

Я здесь не собираюсь никого обличать. Я просто констатирую один факт за другим. Произошла трагедия, в результате которой мы с вами превратились теперь в иностранцев. Процесс пошёл гораздо дальше. И расхожая фраза «Если бы не эти русские, мы бы жили как в Швеции» неустанно повторяется на просторах бывших советских республик. Как в Латвии любят утверждать, что если бы не советская «оккупация», то они, очевидно, возглавляли бы Европейский союз. Конъюнктив, сослагательное наклонение ни в политике, ни в истории не работают. То, что состоялось, состоялось. То, что произошло, произошло, хотим мы того или нет. Но дело в том, что когда обвиняли Россию и ставили её на одну ступеньку с Английской империей, с другими империями, то забывали одно: Советский Союз был империей наоборот. Россия работала на так называемые провинции, или национальные окраины. В России, в советском менталитете, согласно интернациональному воспитанию главенствующей была установка: «ладно, мы уж как-нибудь, но чтобы нашим младшим братьям и сестрам было хорошо». Потому были целевые аспирантуры, потому приезжали студенты из Грузии, Казахстана, Украины, Беларуси. Они учились в Московском университете и других вузах, их было больше, чем русских студентов. Вот это типичная черта русской натуры, которая проявилась, в том числе, и в государственной установке. И, слава Богу, мы успели научить латышей грамоте, объяснить грузинам, как нужно пользоваться вилок и ножом, сняли чадру с казахских женщин, т.е. мы поделились с миром самым дорогим – бесплатным и поголовным образованием, защищённым детством, защищённой старостью; мы дали бесплатную медицину... Мы дали все социальные достижения, к которым Западная Европа шла по нашим стопам. У них всё это было, но было в более замедленной и более финансируемой форме.

То, что имели мы... Так принято было говорить: «Что имеем - не храним, потерявши, плачем». Праздник 9 мая явился проявлением той очень горячей и очень горькой страсти по тому, что утеряно. Людям не хватает ни коллективного тепла, ни товарищеских отношений;

людям не хватает вот той возможности за 10 рублей долететь из Москвы. Сейчас не каждый может себе это позволить.

Я помню времена, когда Рашид Бейбутов пел украинскую песню «Рідна мати моя». С какой стати азербайджанец будет петь по-украински? Я не знаю, спел ли бы он сейчас, но тогда, в те времена он нашёл возможным спеть эту песню, и я не думаю, что это было каким-то политическим заказом. Мы все жили в одной, огромной, богатой и неделимой стране.

Александр Александрович всей своей жизнью, всем своим образом мышления являлся Человеком с большой буквы.

Могу только сказать, что к величайшему моему потрясению он оказался самым великим открытием в моей жизни, самым главным приобретением в моей жизни и вообще самым большим явлением. Примерно такие слова говорил академик Гусейнов. Он сказал, что Александр Александрович Зиновьев - главное событие в его жизни. Человек невероятной смелости, последовательности и решимости. Человек, который один выходил, когда остальные прятались в толпе. Человек, умевший говорить правду, умевший думать диалектично. Человек огромной культуры, для которого история, философия, музыка, живопись, архитектура были его родным домом. Он благодарил за это советскую систему образования с её многоплановостью, с её фронтальностью, с её возможностью приобщиться ко всем этим источникам, невзирая на чин, звание и происхождение.

Александр Александрович происходил из огромной семьи, в которой было 11 детей. Не хочу сказать, что он как Ломоносов босиком пришёл в школу, но босиком ему пришлось походить в жизни больше чем достаточно. Он всегда блестяще учился, был всегда первым среди первых, никогда не кичился. Когда его просили перечислить все его звания, он говорил: «Ну, были звания, были награды». Член многочисленных академий мира, почётный гражданин Франции, Италии; посмертно ему было присвоено звание почётного гражданина Костромы, автор более чем 40 книг. Создатель оригинальной советской логической школы, куда стремилось огромное количество студентов и аспирантов, как из СССР, так и из социалистических и западных стран.

Человек редкой красоты, красоты всех своих поступков, мужественной красоты и щедрости нечеловеческой. Всё, что у нас было, мы отдавали детям, близким, родным, знакомым, студентам. Я не бу-

ду утверждать, что мы жили в бочке, как Диоген, но жили всегда на достойно-скромном уровне. Потому что всё главное, что можно было унести с собой, - это были память и знания. Для этого не нужны ни квадратные метры, ни квадратные километры. С гордостью могу сказать, что за всю нашу жизнь за границей Александр Александрович не воспользовался ни одним из грантов, никогда не получал никаких стипендий. Он оставил за собой одно - право говорить истину. На такое способен только такой человек, который понимает, что он никому ничего не должен, кроме своей совести, своего народа и своей страны.

Поверьте, его жизнь - это жизнь-подвиг. Доведённый до конца жизненный эксперимент. Да, он создал себя как свое собственное государство и не кичился этим. Он, наоборот, относился к каждому другому человеку, гражданину общества как к государству, ожидая от него то же самое. То есть это была высокая мера высокомерия, только понятая правильно - верить во всех и относиться ко всем с высокой мерой.

В 2005 году решением Студенческого совета МГУ Александру Александровичу была присуждена золотая звезда Московского университета. Он единственный шёл по номинации «За верность истине». Именно таким был Александр Александрович Зиновьев.

Я не хочу больше говорить, очень хочу услышать вас. Я надеюсь, вы меня простите за такое эмоциональное выступление. Просто я хотела, чтобы вы немножко почувствовали человеческую составляющую в том, о ком пойдет речь.

И в заключение. На 80-летие Института философии РАН в адрес Института была направлена телеграмма от Президента Российской Федерации Медведева Дмитрия Анатольевича, где в числе выдающихся философов России было названо имя и А.А. Зиновьева.

Пришло время, когда история расставила справедливые акценты. Александр Александрович вернулся в российскую философию, сейчас издаётся масса книг, посвящённых его трудам, посвящённых его интеллектуальной деятельности. В 1999 году был создан, а теперь переименован Исследовательский центр им. Александра Александровича Зиновьева. Издаётся общественно-политический журнал «ЗИНОВЬЕВ. Исключительный журнал».

В телеграмме Президента есть слова, безусловно касающиеся нашей сегодняшней конференции - это «...активное участие в совме-

стных конференциях,... прежде всего, с коллегами по содружеству независимых государств». Конференция, которую проводит Донецкий университет управления, делает вам честь. Киев немножко задержался с принятием решения, но это свойственно столицам - немножко опаздывать. Благодарю вас за внимание.

***ЖИВАЯ ПАМЯТЬ:
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЗИНОВЬЕВЕ***

СМИРНОВ Н.В.

С Александром Зиновьевым я учился на философском факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1946-1951 годах и общался с ним после окончания учёбы до его отъезда за рубеж. В первые дни знакомства нельзя было подумать, что у него в прошлом был нелёгкий жизненный путь, драматизм которого скрывался тем, что его бодрое настроение, чувство юмора всегда преобладало в дружеском общении с товарищами.

Он никогда не жаловался на свою судьбу, не хныкал, не стремился вызвать сочувствие или сострадание. После мы поняли тайну его оптимизма, которая заключалась в огромной роли юмора, помогавшего переносить тяжесть неожиданных ударов непредсказуемой жизни, сохраняя душевное равновесие и любовь к жизни.

Юмор Александра Зиновьева особый, и выполняет двойную функцию: будучи внимательным и очень наблюдательным, он подмечал особенности того или иного товарища и метко в дружеском шарже высмеивал в доброжелательном духе. Его дружеские шаржи гуляли по всему факультету, касались почти всех его друзей, вызывая улыбки. Эту сторону его юмора можно сравнить с теплым душем. Не забуду, как он высмеял неудачное выступление нашей спортивной команды по плаванию, изобразив каждого участника соревнования в виде утопающего. Надо было видеть, какими способами его спасали. Весь факультет хохотал.

Другую функцию юмора Александра Зиновьева можно сравнить с кипятком, ибо она отражала значительные явления жизни, науки и философии. Эта функция отличалась политической остротой, тем глубоким подтекстом, который рождает философские раздумья и многозначные ассоциации, оценки, вызывающие значительный нравственный резонанс. В одно время шли споры о том, к какому виду материализма относится русская революционно-демократическая философия? Много было схоластики и софистики в этих спорах. И вот представьте картину, которую нарисовал в стенгазете Александр Зиновьев: в коридоре напротив кафедры истории русской философии сидят Н. Добролюбов, Н. Чернышевский и А. Герцен, над головой их предупреждение: «Не курить», а Герцен держит папиросу. Чего ждут? Они ждут решения кафедры по вопросу куда отнести русскую философию. Разумеется, этот юмор дойдет не до каждого, но до специалистов дошёл, и одному чиновнику от науки не очень понравился.

После разоблачения культа личности в стенгазете была нарисована такая сцена: в приёмной Бога сидит Сталин и у него под мышкой доклад Хрущева о разоблачении культа личности Сталина. Сталин просит у Бога на пять минут отпустить его на землю. Нетрудно предположить какие ассоциации вызывала эта сцена у многих партийных работников-сталинистов.

Познавательная и нравственно-психологическая ценность сатирического таланта Александра Зиновьева с наибольшей силой проявилась в создании образа "зияющих высот коммунизма". В них заключена огромная мощь прозрения и осмысления идеологических догм КПСС, разоблачения фальсификаций фактов и событий, связанных с политикой правящей бюрократической фракции, опровержение устоявшихся стереотипов мышления, преодоление многих иллюзии дезориентирующих национальное самосознание народа. Недаром этот образ покорило главного идеолога КПСС, распорядившегося "расправиться" с Зиновьевым.

Мне помнится один факт, связанный с бурным обсуждением в одной группе вопроса: почему при Сталине не отмечался праздник дня Победы? Ведь постоянно официальная пропаганда подчёркивала всемирно-исторический характер этой Победы, но проходила мимо её юбилейной даты? Где логика? Интересно и верно ответил на этот вопрос Александр Зиновьев. Он убедительно доказал, что Сталин боялся этого праздника, потому, что на его совести тяжёлым грузом лежала ответст-

венность за трагедию 1941 года. За тот начальный период войны, когда за две-три недели была разгромлена регулярная армия, находившаяся в пограничной зоне, в результате чего немецкие генералы уже в октябре в бинокль рассматривали Москву. Поэтому Сталин апеллировал к 1812 году, подбросив историкам сомнительную аналогию между собой и М.И. Кутузовым. Разумеется, конъюнктурщики стали эксплуатировать эту идею Сталина и делать на этом карьеру, не заботясь о том, какой вред они приносят не только науке, но и воспитанию новых поколений.

Помню, как разговаривали на тему: почему отменили денежные вознаграждения за правительственные награды? Ведь это не только унижение, но и оскорбление народа-победителя, что обнажает цинизм официальной политики, ее лицемерный характер заигрывания перед народом. Покидая Родину, Александр Зиновьев убедительно просил оставить ему отечественные награды, которые он высоко ценил, хотя и мало о них говорил.

Но самым запомнившимся фактом для меня является суждение Александра Зиновьева о такой несправедливости как приравнивание (философски выразим эту мысль, как отождествление) пленных к изменникам Родины. Он не находил тех эпитетов, чтобы адекватно определить мерзость Сталина в этом вопросе, ибо в нём сосредоточились все изъяны сталинизма: лицемерие веры в народ и недоверие к нему, убеждение в том, что оказывается легко идейно разоружить и морально сломить этот народ, если он был на оккупированной территории. Что же эта за вера? Это не вера, а её имитация, если учесть тот факт, что большинство пленными оказалось по вине Сталина, если вспомнить, как весь Юго-Западный фронт был окружен и пленён из-за того, что Сталин не разрешил М. Буденному во время отступить. А на этом фронте был 600 тысяч солдат.

Нельзя, далее, забыть и такой факт в жизни Александра Зиновьева, который свидетельствует о его творческом мышлении, о смелости и самостоятельности суждений о трудных проблемах. Будучи студентом, он не принял философию марксизма в сталинской интерпретации в то время, когда культ личности Сталина был в расцвете, когда каждое слово вождя было святыней. Что же отрицал Александр в этой интерпретации?

Он не согласился с тем, что Сталин предельно упростили и вульгаризировали эту философию, разделив её на два материализма - диалектический и исторический, наделив их жестко фиксированным набором "черт и особенностей", вследствие чего сталинская простота сковывала

творческое начало, препятствовала углубленному анализу обсуждаемой проблемы, не было развития мысли, исчезала диалектика.

Он часто повторял слова своего друга и единомышленника покойного Э.В. Ильенкова: "Сталин распял диалектику на кресте трёх черт". Сталин отрицал и извращал всю классическую немецкую философию Гегеля, Канта и Фихте, назвав её аристократической реакцией на французскую революцию и французский материализм.

Свое несогласие Александр практически реализовал в своей кандидатской диссертации, посвятив её исследованию малоизученной проблеме - диалектической логике, доказательству единства диалектики, гносеологии (теории познания) и логики. Профессор Т.И. Ойзерман (ныне академик) высоко оценил научное исследование молодого учёного, поставив его выше некоторых докторских диссертаций.

Александр Зиновьев был русским патриотом, глубоко переживал судьбу России после распада СССР. С этим событиям связаны многие размышления, отражённые в его исследованиях. Они окрашены мучительной болью за свой народ. Именно эта особенность его как человека и учёного объясняет его исключительную скромность и доброжелательность во всем образе его жизни. Несмотря на большую славу, признание в мировой науке, он абсолютно не меняется в своих отношениях с любыми людьми, лишён звездной болезни, был готов помочь каждому. Я вспоминаю, как он многим студентам помогал овладевать математикой, дифференциальным и интегральным исчислением.

Честность и благородство, мужество и справедливость, скромность и принципиальность, простота и уважительное отношение к суждениям, к любой точке зрения, к разным концепциям – таким Александр Зиновьев останется в памяти тех, кто его знал, и будет знать, той памяти, перед которой бессильна смерть.

Раздел 1

*Вклад А.А. Зиновьева в формирование современной
социологической теории*

*ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ:
РЕФЛЕКСИЯ ПО А. ЗИНОВЬЕВУ*

БУРЕТА В.В.

Провозглашение Украиной курса на формирование правового, демократического государства выводит на первые роли проблематику местного самоуправления. Именно оно, в большей мере, обеспечивает реальное участие рядовых граждан в управлении общественными делами, дальнейшую демократизацию общества. Сущность любых реформ в сфере местного самоуправления должна состоять в постепенном расширении прав местных общин в решении основных вопросов их жизнедеятельности. Вполне возможно предположить, что одной из предпосылок успешности таких реформ могут стать достаточно полное представление об историческом опыте в этом направлении, возможности его использования для решения современных проблем, создания задела для построения гражданского общества в будущем.

В этой связи особый интерес могут представлять взгляды А.А. Зиновьева на историю, в частности, историзм как принцип диалектического подхода к исследуемым объектам. Необходима отчетливая рефлексия (от латинского *reflectere* – поворачивать назад, отражать, размышлять). В свое время еще Локк рассматривал рефлексию как один из источников познания, Гольбах считал его мысленным сосредоточением над происходившим и происходящим, а Гегель понимал под рефлексией особое соотношение понятий, когда одно из них отражается, появляется в другом. Отсюда представляется возможным говорить о местном самоуправлении и его истории как эмпирическом материале для рефлексии.

В своей выдающейся работе «Логическая социология» А.А. Зиновьев говорит о том, что следует различать физический и со-

циальный аспект времени. Если в первом из них предполагаются эмпирические события и их последовательность в качестве опорных точек для абстрагирования и измерения времени, то во втором (социальном) аспекте предполагается, что время как-то осознается людьми, принимается во внимание и измеряется. При этом социальный аспект ориентирует на реальную жизнь людей во времени [1, с. 535-557].

С точки зрения А.А. Зиновьева: «Для отношения прошлого, настоящего и будущего в социальном смысле мало сказать, что они следуют друг за другом во времени. Тут предполагается некий эмпирический субъект, который живет во времени, осознает свою жизнь во временном аспекте и как-то учитывает это в своей жизнедеятельности. Таким субъектом является человек и объединение людей, живущее как единое целое» [1, с. 354].

Осознание происходившего с нашими предшественниками в процессе реализации устремлений самим управлять своей жизнью принципиально необходимо и важно сегодня. Ведь, как справедливо замечал А.А. Зиновьев, выдвигая идею «человека» и управления в нем: «Надо различать управление делом, в которое вовлечено определенное множество людей, и управление людьми независимо от конкретного дела, раз эти люди по каким-то причинам собраны вместе. Управление конкретным делом всегда есть управление людьми, занятыми этим делом, а управление конкретным объединением людей есть, так или иначе, и управление делом, которое свело этих людей вместе, хотя это дело и может заключаться лишь в том, чтобы жить вместе. Доминирование того или иного аспекта (дело и совместность) порождает различные типы управления – деловое и коммуналное (или порядковое). Первое подчиняется общим законам дела, второе – законам коммуналности – законам коммуналности. Но каждое содержит в себе в ослабленном виде свойства другого [1, с. 103].

Наверное, исходя из приведённого выше, при анализе проблематики местного самоуправления (особенно его исторического контекста) целесообразным было бы не забывать о том, что в нем, вполне естественно, сливаются проблемы политики, государственного управления, интересы и местные (специфические) вопросы обеспечения жизнедеятельности людей, бизнеса.

Попытка рефлексии по этому поводу приводит к мысли о необходимости обращать внимание на местное самоуправление как само-

достаточную и равноправную с государственным управлением форму народной власти (со всей ее спецификой).

Местное самоуправление имеет давнюю историю, которая обусловлена общим разделением труда и проявлением отношений подчинения между людьми. В свою очередь, это обусловило возникновение потребности в создании и функционировании определенных социальных институтов, которые призваны обеспечивать управление в обществе. Так возникает власть – социальное явление, как разнообразие взаимоотношений между членами общества, проявляющееся, в конце концов, в управлении.

В истории человеческого общества мы можем найти многочисленные примеры существования как отдельных уровней проявлений власти, так и их комбинаций. На первобытнообщинном этапе развития человеческого общества власть одного человека над другим проявляется, как внутреннее, существенное основание для власти социальной. Позднее такие отношения закрепляются в традициях и обычаях, подкрепляя тем самым именно социальную природу управления.

Община, как форма объединения людей, присущая первобытнообщинному порядку, характеризуется общим владением средствами производства, полным или частичным самоуправлением. Известны общины: родовые, семейные (домовые), сельские (соседские) и т. п., которые сами управляли своими делами. При этом под самоуправлением понимается самостоятельность любого организованного сообщества в управлении собственными делами [2, с. 198, 295].

М.С. Грушевский указывал, ссылаясь на киевского летописца, что в период расцвета родовых отношений «жили каждый своим родом, вместе на своих местах, управляя каждый своим родом» [3, с. 27].

Вместе с ослаблением родовых связей все большее значение приобретают связи соседские. Семьи, живущие в соседстве, хотя бы и не одного рода, не одного происхождения, сообща вели всякие дела, касавшиеся данной местности, с общего совета «веча (совещания) старцев», т.е. старейших представителей местных семейств – «родов».

Объединенными силами для защиты от врагов строили себе «город», т. е. огороженное место, обведенное рвами и валами, куда можно было свезти старых и малых, всяческое имущество при воз-

никновении опасности. Позже такие места заселяются и становятся руководящим центром для менее значимых мест: как решала его община, так действовали и соседние села [3, с. 27-28].

Уже в XI-XII ст. у крестьян существует так называемая «круговая порука», т. е. если возле какого-то села находили мертвое тело, а убийца не был найден, то штраф распределялся между всей «вервью». Вервь – первоначально семейная, а позже соседская община; она могла охватывать и несколько сел [4, с. 175].

Позднее, с усилением княжеской власти сфера влияния общины существенно сужается. Все управление, политика, суд, сбор налогов уже находится в княжеских руках. Но, как отмечал М. Грушевский: «Население иногда вмешивалось в сферу управления... и в некоторых землях такие «веча», на которых разбирались и обсуждались всяческого рода дела, были явлением довольно обычным, и князья признавали за вечею право ставить им требования и даже сменять князей. Но когда князь чувствовал себя достаточно сильным, то не особенно обращал внимание на желания населения и старался подавлять деятельность веча. Впрочем, вече также выражало не столько настроения всего населения, сколько его высших слоев, в особенности городского боярства» [3, с. 95].

История периода формирования государственности на территории современной Украины и расцвета Киевской Руси (XI-XIII ст.), к сожалению, не дает оснований для утверждения о том, что также происходило и дальнейшее развитие самоуправления. Но и нет оснований говорить о противоположном. Дело в том, что в текстах основных документов того времени, существенно повлиявших на характер общественных отношений, не содержится упоминаний о каких-либо учреждениях или процедурах самоуправления. Наиболее известные из этих документов имеют общее название – «Русская Правда». Исследованиями В. Татищева, Б. Грекова, С. Юшкова, Г. Тихомирова, Л. Черепнина установлено, что этот сложный комплекс законов объединял:

- «Правду Ярослава» 1015-1016 гг. с дополнениями к ней в виде «Положения о сборщиках судебных штрафов»;
- «Правду Ярославичей» («Правда Русской земли», которая была утверждена сыновьями князя Ярослава Мудрого – Изяславом, Святославом и Всеволодом около 1072 года);
- Устав Владимира Мономаха – 1113 год;

– «Пространная Русская Правда» 1120-1130 гг. [4, с. 287-289].

Эти документы не отрицают существования самоуправления на местах, так же, как и не подтверждают его существование. Таким образом, можно предположить, что на определенном уровне (бытовом, соседском и т. п.) местной жизни оно, не противореча устоявшимся нормам и правилам, продолжает существовать, поскольку общинная жизнь остается важной формой отношений в обществе.

Об этом непосредственно могут свидетельствовать такие факты. Так, в 1135 году в Новгороде, на который также распространялось действие «Русской Правды», князем Всеволодом (при управлении посадника Мирослава) было составлено «Рукописание», посвященное льготам и привилегиям купеческого братства при церкви «Ивана на Опоках» – корпоративной церкви наиболее зажиточного городского купечества. В соответствии с ним «Ивановскому братству» предоставлялись самоуправление и суд по торговым делам, независимые от влияния посадника. Позднее такие привилегии были сняты и переданы епископу Новгородскому [4, с. 289].

Согласно этому можно констатировать во времена и вследствие феодальной раздробленности упадок вечевой формы местной самоорганизации. Скорее всего, следует говорить о ее преобразовании в иные, более приспособленные к обстановке, формы локальной самоорганизации. Немаловажную роль в этом сыграли факты поглощения украинских земель во второй половине XIII – первой половине XIV столетий Польшей Галицко-Волынского княжества и Большим княжеством Литовским – центральных и восточных княжеств. В это же время Закарпатье подпадает под власть Венгрии. Пребывание украинских земель под властью Речи Посполитой, принудительная полонизация и окатоличивание, особенно вследствие Берестейской унии (1596 г.), оказали существенное влияние на развитие местного самоуправления в Украине. Прежде всего, это было связано с фактами внедрения, так называемого Магдебургского права, создания Запорожской Сечи (1554-1556 гг.) и возникновения на ее основе Казацкого государства.

Наиболее рельефным становится опыт местного (городского) самоуправления с внедрением Магдебургского права – средневекового права, на котором основывалось самоуправление городов. Оно сложилось в XIII столетии, как феодальное городское право немецкого города Магдебург. Его первоисточники связаны с предоставле-

нием архиепископом Вихманом городскому патрициату привилегий в 1188 году и т. д.

Магдебургское право имело универсальный характер, т. е. трактовало разнообразные виды правоотношений: деятельность городской власти, суда (его компетенцию и порядок судопроизводства и устанавливало наказания за различные виды преступлений), вопросы земельной собственности «в пределах города», нарушения владения, захват движимого имущества и т. д. Особое место при этом занимали нормы, регулирующие торговлю и ремесла, порядок налогообложения, деятельность цехов и гильдий.

Такие права предоставлялись городам с разрешения короля или другого властелина. Это означало частичное освобождение городов, которым оно предоставлялось, от влияния центральной администрации (наместников) и власти феодалов, создание органов самоуправления, замену части натуральных повинностей для городского населения денежными сборами [5, с. 394].

Магдебургское право получило распространение на территории Чехии, Венгрии, Польши, Литвы, Беларуси и Украины. Первым украинским городом, который получил в 1339 году Магдебургское право, был г. Санок в Галиции. Позднее это право получили: Львов (1356 г.), Камень-Подольский (1374 г.), Луцк (1432 г.), Житомир (1444 г.), Кременец (1438 г.), Киев (1494 г.), Чернигов (1623 г.), Глухов (1644 г.), Батурин (1654 г.), Прилуки (1683 г.).

Россия таким правом не пользовалась, но в 1785 году с использованием основ Магдебургского права была составлена «Грамота на права и выгоды городам Русской империи (известная также как «Жалованная грамота городам»).

Типичная структура органов местного самоуправления, в соответствии с Магдебургским правом, включала в себя: магистрат, который вместе с советом (административно-распорядительным органом) и сословным судом присяжных, рассматривающим уголовные дела и иски против феодала – владельца города, организовывал и контролировал деятельность коллегий (хозяйственной, торговой, полицейской, финансовой и коллегии по гражданским судебным делам) [6, с. 106].

На некоторой части Украины Магдебургское право оставалось действующим вплоть до 1831 года (до отмены его указом императора Николая I на территориях, которые относились к Российской империи). В городе Киеве оно просуществовало до 1835 года, а некоторые

учреждения и должности, которые образовывались на основании Магдебургского права, продолжали существовать в украинских городах до середины 60-х годов XIX века [7, с. 126; 8, с. 101-103].

Создание Запорожской Сечи, по свидетельству Н.И. Костомарова, стало не только реальным примером освобождения от власти польского господства, но и возрождения опыта свободного самоуправления [9, с. 464].

Запорожская Сечь может рассматриваться как продолжение демократических традиций Киевской Руси. Органы управления Запорожской Сечи стали основой для формирования системы местной власти, территориального устройства Казацкого государства Богдана Хмельницкого и его наследников. Казацкое государство Богдана Хмельницкого стало новой формой государственной самоорганизации украинского народа [6, с. 109-121].

Система органов государственного управления и местного самоуправления в ней состояла из Общего казацкого военного совета, Гетмана Войска Запорожского, генеральной старшины, а на местах – из полковников вместе с полковой старшиной и сотниками.

После Переяславской рады в 1654 г. для организации общей борьбы против Польши Казацкое государство входит в договорные отношения с Россией на правах широкой внутренней автономии. Именно в это сложное военное время гетман Богдан Хмельницкий не поддавался соблазну посягнуть на вольности и богатства городов для пополнения своих ресурсов, необходимых для ведения боевых действий, и не только не отменил или ограничил, а, наоборот, распространял полномочия, предоставленные им по Магдебургскому праву.

Наверное, именно это стало одним из мотивов включения в Конституцию Филиппа Орлика (1710 г.) предложений относительно модернизации государственного управления в Гетманской Украине, где отдельно предполагалось функционирование городского самоуправления по образцу Магдебургского права [10].

В начале второй половины XVII ст. происходит заселение земель будущей Слободской Украины выходцами из правобережной Украины, которые убегали от гнета польских властей. Поселенцы получали от российской власти некоторые льготы и привилегии, в том числе право на самоуправление, но существенно ограниченное (слободское) [6, с. 116].

На протяжении всего времени до 1764-1765 годов Гетманщина сохраняла традиции украинского самоуправления (даже в существенно ограниченном объеме полномочий) вплоть до ликвидации Екатериной II автономии Гетманщины, разгона гетманского правительства и отмены полкового казацкого устройства на Слободской Украине.

По оценке Ореста Субтельного, «...значение Гетманщины, как исторического прецедента украинского самоуправления, поистине тяжело переоценить...». Она «...давала украинцам больше самостоятельности, чем они имели когда-либо со времен Галицко-Волынского княжества... На протяжении почти целого столетия Гетманщина была центром политической жизни Украины... Самоуправление оказывало содействие появлению новой украинской дворянской элиты» [11, с. 228].

Определенный вклад в копилку традиций местного самоуправления было сделано во времена Земской реформы, которая была начата в соответствии с «Положением о земских учреждениях» от 1 января 1864 года и имела целью обеспечение развития основ местного самоуправления в Российской империи.

Земство существовало также и на украинских землях, которые входили в состав Российской империи (сначала, преимущественно, на Левобережной Украине, а с 1911 года и на территории Правобережной Украины). К 1914 году земство получило распространение в 43 губерниях Российской империи и просуществовало до его отмены в 1917 году Советским правительством.

Земство – это земские учреждения, выборные органы местного самоуправления, которые ведали образованием, здравоохранением, строительством дорог, поддержкой земледелия, торговли и т. п. Система земства включала земские учреждения – земские собрания и земские управы, которые действовали самостоятельно в пределах своих полномочий. Они были представлены губернским и уездным уровнями и состояли из гласных, которые избирались на трехлетний срок. Земское собрание имело распорядительные полномочия, а именно: утверждало расписание земских повинностей, рассматривало отчеты земских управ, возбуждало ходатайства перед правительством и т. п. Они собирались ежегодно под руководством соответствующего (губернского или уездного) предводителя дворянства. Земские

управы выполняли функции непосредственного управления земским хозяйством, а именно:

- заведование земскими повинностями, финансами и имуществом;
- заведование земскими образовательными, лечебными, благотворительными и страховыми учреждениями;
- заведование земскими путями соединения;
- содействие земледелию, промышленности и торговли;
- охрана полей от вредителей, ветеринарное дело;
- организация земской статистики;
- организация общественной заботы.

При этом контроль за деятельностью земских учреждений осуществлялся губернаторами и министерством внутренних дел [12, с. 80-81; 6, с. 127].

Нужно заметить, что введение земства было обусловлено событиями, которые связаны прежде всего с отменой крепостничества в России в 1861 году, а точнее, с его подготовкой. Она нашла отражение в материалах, опубликованных А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в сборниках «Голоса из России» в 1859-1860 годах.

Так, в книжке IX содержатся так называемые «Соображения по докладам редакционных комиссий», представляющие собой краткое изложение материалов для российского императора по вопросам подготовки отмены крепостничества [13]. В ней представлялись соображения о действительном состоянии местного самоуправления и о том, что освобождение крепостных должно быть действием многоаспектным. Относительно прав определенных слоев населения указывалось: «Городские слои пользуются только некоторыми личными преимуществами, но в общественных делах совсем не имеют голоса. Их думы и ратуши ничего не могут делать без разрешения, или приказа. На самом деле городским хозяйством распоряжаются губернские управы» [13, с. 23-24].

В отношении логики действий в процессе освобождения крестьян говорилось: «...Освобождение с землей – признание и осуществление одного из начал, которые должны лечь у основания нового общественного порядка. Второе начало, которое необходимо для сохранности и укрепления первого – общинное владение с естественным его следствием, мирским управлением» (*следует думать, что речь идет об общинном управлении. – Б.В.*) [13, с. 54-55].

Но такие проекты не стали реальностью в силу ряда причин, обусловленных собственно природой царской власти. Об этом достаточно метко сказал Николай Бердяев в своей знаменитой работе «Судьба России»: «Государственное овладение необъятными русскими просторами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлениям личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и неразвита была самостоятельность классов и групп» [14, с. 326].

К этому известный философ прибавляет, что «...всякой самостоятельности и активности русского человека ставились непреодолимые препятствия. Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу, русская государственность боялась самостоятельности и активности русского человека, она снимала из него груз ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала от него смирения» [14, с. 328].

А вот как о земстве (точнее, о его реальности) говорил С.Ю. Витте, знающий о делах государственного и местного управления в России из первых рук: «Для крестьянства была создана особая юрисдикция, перемешанная с административными и попечительскими функциями, – все в виде земского начальника, крепостного помещика особого рода. На крестьянина установился взгляд, что это с юридической точки зрения не персона, а полуперсона. Он перестал быть крепостным помещика, но сделался крепостным крестьянского управления, находившегося под попечительным оком земского начальника» [15, с. 497].

Откровенно и цинично высказывался Витте об истинном смысле (далеком от идей местного самоуправления) крестьянской общины как основы общинного управления: «К сожалению, это поклонение общине исходило не столько из аграрных соображений, сколько из соображений полицейских, так как, несомненно, что самый удобный способ управления домашними животными есть способ управления на основании статного принципа» [15, с. 509].

Становится ясно, что опыт земства не дает возможности сделать вывод о реальном влиянии на распространение местного самоуправления, но дает основание думать, что получает подтверждение идея о том, что жестко централизованная государственная власть не в состоянии эффективно решать вопросы управления на местном уровне.

Поэтому вынуждена делать попытки делегирования части своих полномочий и прибегать к произвольному дозированию децентрализации управления.

Исторический опыт государственного строительства Украины на очень короткий срок был обогащен существованием Украинской народной республики. В соответствии с принятой Конституцией, Уставом о государственном устройстве права и вольности Украинской народной республики (принятым 29 апреля 1918 года), координация и контроль за местным самоуправлением осуществлялись Советом Народных министров – высшим органом исполнительной власти. А вся полнота ответственности за местное самоуправление полагалась на соответствующие советы и управы земель, волостей и общин.

Тем не менее, ни данная модель государственного устройства, ни сменившая ее система управления в Директории (ноябрь 1918 г. – ноябрь 1920 г.), которая предусматривала управление в губерниях и уездах на уровне комиссаров и местных трудовых советов (представителей рабочих и крестьян), практически не сработали [6, с. 138-155].

Советский период в истории Украины, в плане приращения опыта местного самоуправления, совершенно не интересен, так как оно не было вписано в систему общественного управления. Местное управление было только местным уровнем государственного управления и ничем иным. В этом убеждают обращения к текстам Конституций разных советских лет: Конституция Украинской социалистической советской республики от 14.03.1919 г., Конституция УССР 1929 года, Конституция УССР 1937 года, Конституция Украины 1978 года – аналог Конституции СССР 1977 года.

Только современная Конституция Украины (1996 г.), уже после провозглашения ее суверенным, независимым, демократическим, социальным и правовым государством, содержит раздел XI – «Местное самоуправление», где статьями 140-146 устанавливается право территориальной общины самостоятельно решать вопросы местного значения в пределах Конституции и законов Украины как непосредственно, так и через органы местного самоуправления [16].

Во исполнение ст. 146 Конституции Украины 21 мая 1997 года принят Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине», который определяет систему и гарантии местного самоуправления, ос-

новы деятельности, правового статуса и ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления [17, с. 3].

Таким образом, предпринятая попытка рефлексии приводит к выводу о том, что местное самоуправление в Украине, органически связанное с государственным управлением, могло в той или иной степени реализоваться в естественном стремлении ее народа к самостоятельному обеспечению своего существования.

Отсутствие на протяжении столетий собственной национальной государственности становилось, своего рода, причиной появления фактов локальной самоорганизации на территориях современной Украины. Такие традиции самоуправления в Украине, без акцентирования их политической окрашенности, могут и должны быть реализованы и в современных условиях.

Будем надеяться на мудрость и жизнеспособность зиновьевского «человеиника»: «Возникновение более высокого уровня социальной организации человеиника означает, что некоторые признаки более низкого уровня организации исчезают («отрицаются»), а некоторые другие сохраняются в новом состоянии в «снятом» виде, т. е. в виде, «очищенном» от исторических форм, преобразованном применительно к новым условиям и «подчиненном» признакам нового состояния» [1, с. 128].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения / А.А. Зиновьев; сост. Ю.Н. Солодухина. – М.: Астрель, 2008. – 606 с.
2. Словарь исторических терминов / сост. В.С. Симakov. – СПб.: ЛИТА, 1998. – 462 с.
3. Грушевский М.С. История Украины с иллюстрациями и дополнениями / М.С. Грушевский; сост. И.И. Бряк. – Донецк: ООО «БАО», 2010. – 576 с.
4. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории / Б.А. Рыбаков. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 351 с.
5. Український радянський енциклопедичний словник. В 3 т. Т. 2. – К.: Академія Наук Української РСР, 1967. – 854 с.
6. Теорія та історія державного управління: навчальний посібник / Г.С. Одінцова, В.Б. Дзюндзюк, Н.М. Мельтюхова та ін. – К.: Видав. дім «Професіонал», 2008. – 288 с.
7. Ілюстрована енциклопедія України: В 3 т. / авт. тексту О. Кучерук. – К.: Спалах, 2004. – Т. 1. – 216 с.
8. История Украинской ССР: В 10 т. Развитие феодализма. – К.: Наук. думка, 1982. – Т. 2. – 591 с.

9. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 4 т. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. – Т. 2. – 576 с.
10. Історія державного управління України: Зб. доп. і матеріалів (XII – поч. XIX ст.): посіб. для практ. занять та навч. / авт.-уклад.: С.М. Коник, Л.В. Покрова, І.І. Тищенко; за заг. ред. Н.Р. Нижник. – К.: Нац. акад. держ. упр. при Президентіві України, 2004. – 80 с.
11. Субтельний О. Україна: історія / О. Субтельний. – К.: Либідь, 1994. – 736 с.
12. Словарь исторических терминов / сост. В.С. Симак. – СПб.: ЛИТА, 1998. – 462 с.
13. Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Книжка IX (1859-1860). Вып. 3. – М.: Наука, 1976. – 204 с.
14. Бердяев Н. Судьба России: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – 736 с.
15. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. – М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – 639 с.
16. Конституція України. – Донецьк: Лебедь, 2005. – 40 с.
17. Закон України «Про місцеве самоврядування в Україні». За станом на 15 лютого 2008 року / Верховна Рада України. – К.: Парламентське вид-во, 2008. – 72 с.

СОВРЕМЕННОСТЬ СОЦИОЛОГИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

НАТОРНЫЙ Б.Г.

Ушедшие оставляют после себя не только свои работы, не только вопросы, которые становятся неожиданно актуальными, но и опыт своей биографии. О А.А. Зиновьеве написано много, но главный анализ его наследия и его биографии еще впереди.

На наш взгляд, среди всего написанного о нем выделяются вступительные статьи А.А. Гусейнова к книгам А.А. Зиновьева [1-2].

Работы и сама жизнь А.А. Зиновьева показывает насколько важен для любого исследователя общества «емкость», насыщенность его биографии.

Ёмкость его жизненной судьбы, ёмкость биографии и научных достижений поражает. Рождение в многодетной крестьянской семье в костромской деревне. Окончание московской школы с отличием. Поступление в знаменитый ИФЛИ. Исключение за крамольные выступления. Скрывался от преследований. В 1940 году добровольцем пошел в армию. Кавалерист, танкист, лётчик войну закончил в Берлине в 1945. Факультет МГУ. Диплом с отличием. Аспирант. Один из основателей знаменитого Московского логического кружка (позднее методологического). Другие основатели – Б.А. Грушин, М.К. Мамардашвили. Г.П. Щедровицкий – (какие фамилии!).

Защита докторской диссертации, заведование кафедрой логики МГУ. В 1976 году в Швейцарии издана его книга «Зияющие высоты». Более чем двадцатилетняя эмиграция в Мюнхене. В 1999 году возвращается на Родину.

Тезис о важности насыщенности биографии любого исследователя (банальный на первый взгляд!) теряет свою банальность, когда мы рассматриваем наличие у него второго важного качества – формирование своего авторского взгляда, своего стиля изложения в научных публикациях.

Насколько трудоемок этот путь показывает анализ двух его работ «Иди на Голгофу» (1985) и «На пути к сверхобществу». Вероятно, никто так близко не подошел к совершенно новому жанру в обществоведении – к жанру социологической повести (романа) как А.А. Зиновьев.

По мнению А.А. Гусейнова, созданный А.А. Зиновьевым новый жанр социологического жанра «позволил освободить художественные познания человека от деформирующих оков морализма и передать ему точность сопоставимую с точностью научных выводов» [2, с.4].

Достаточно полистать названия микроглав «Иди на Голгофу», чтобы понять нестандартный подход к тому, что в академических учебниках по социологии называется процессом социализации, ключевыми категориями «социальное пространство», «социальное время», «ценностными ориентациями» и «установками личности»: «мои враги», «моя профессия», «что есть человек», «мечты», «социальные функции», «искушение», «новое и старое», «трудности профессии» [1, с.35-85].

Эти коротенькие главы являются ненавязчивыми частями нестандартной социологической теории «лаптизма» (по имени главного героя романа Ивана Лаптева, который к тому же пытается создать свою религию).

С этой точки зрения из всего длинного перечня работ А.А.Зиновьева особого внимания, на наш взгляд, заслуживает работа «На пути к сверхобществу». Семь частей этой работы – это конспект спора с будущими исследователями: «Методологический очерк», «Человеюник». «Общество». «Западнизм», «Очерк советского коммунизма». «Коммунистическое сверхобщество», «Западнистский путь в будущее» [3].

Поражает концентрация мысли и оригинальность аргументации при изложении стандартных, казалось бы, социологических тем.

Казалось бы. что нового можно сказать о такой теме, как жизненные ценности и потребности личности. Снова повторить описание классической пирамиды и иерархии потребностей А. Маслоу, но вот как подходит к этой проблеме А.А. Зиновьев: «Фундаментальные индивидуальные ценности касаются естественных потребностей людей в пище, одежде, жилье, семье, общении, здоровье, развлечениях, отдыхе и т.д. и средств их удовлетворения. Как показывает опыт, эти ценности не всегда очевидны. Люди привыкают к ним как к чему-то само собой разумеющемуся, как к дарам природы. И тем более люди, как правило, не отдают себе отчета в том, какой ценой и благодаря каким средствам достигаются эти ценности. А порой люди умышленно отвлекаются от понимания этих средств ибо оценка их людьми

часто не совпадает с оценкой благ, какие благодаря им достигаются. Если бы западным людям систематически разъясняли каким путем достаются им жизненные блага и какую цену им приходится за них платить, то обаяние этих благ резко сократилось» [3, с. 255].

Талант любого исследователя во многом определяется степенью предвидения тех проблем, которые со временем могут возникать при исследовании того или иного социального явления. За долго до возникновения мирового финансово-экономического кризиса он прозорливо сделал вывод: «Формально не существует единый центр управления медиа. Но фактически он функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС. Тут есть своя «невидимая рука». Она почти совсем не изучена. Данные о ней редко попадают в печать. Ее образует сравнительно небольшое число лиц, которые санкционируют рекомендации, выработанные более широким кругом политиков, бизнесменов, политологов, журналистов, советников и т.д., и подают сигнал к согласованной деятельности медиа по определенным проблемам» [3, с. 565].

К сожалению, даже обществоведческая элита не в полной мере ознакомлена, а значит, и не могла по достоинству оценить одну из последних работ А.А. Зиновьева «Идеологические заметки», напечатанную в журнале «Свободная мысль». В этой статье он делится своими тревожными размышлениями о главных, с его точки зрения, тенденциях о развитии постсоветского российского общества (вероятно, его выводы могут быть перенесены и на все постсоветское пространство).

Что тревожит автора? Степень духовной деградации общества, возникший идейный идеологический и духовный вакуум, который заполняется суррогатами западных ценностей, преувеличение значения церкви как социального института.

Он обосновывает тезис о том, что Советский Союз выстоял, победил в величайшей в истории человечества войне против самого сильного врага благодаря высокой духовности советского народа. Автор развивает эту мысль: «Это исторический факт, что инициаторы «холодной войны» Запада против Советского Союза с самого ее начала главной целью своих атак избрали именно духовное состояние советского народа. Они понимали, что Советский Союз можно было сломить только при условии разрушения его духовного потенциала, при условии занижения духовного уровня советского населения, рус-

ского народа в первую очередь. Больше полувека шла (и еще не окончилась) война превосходящих сил Запада против русского народа, в которой шаг за шагом разрушились все основы русской духовности, достигнутой в советские годы... Программа инициаторов и стратегов «холодной войны», сформированная более полувека назад, выполнена почти на сто процентов. Это общеизвестно» [5, с. 81].

А.А. Зиновьев говорит об опасности отсутствия государственной идеологии, состояния идеологического хаоса, который наступил в России «в результате антикоммунистического переворота в горбачевско – ельцинские годы».

«Я вовсе не защищаю марксизм. Наоборот, я считаю, что его крах был предreshен. Сыграв огромную роль в русской революции и в выдвижении России на позиции лидера мировой истории, он в новых условиях второй половины XX века стал терять свое соответствие реальности и превратился в один из факторов кризиса и краха советского коммунизма. Но то, что пришло на смену ему, есть не шаг вперед на пути интеллектуального и нравственного прогресса российского населения, а беспрецедентная в истории человечества деградация» [5, с. 79].

Задолго до того, как П. Штомпка ввел понятие «культурной травмы» у современного человека от темпа изменений в его жизни, Г. Шатарова заявила о «методологической травме социолога» из-за множественности социологических парадигм и растерянности современных социологов из-за катастрофического отставания в оперативного анализа противоречивых общественных процессов, А.А. Зиновьев своей биографией и своими работами высказал старый и мудрый тезис: «Я сделал все, что мог. А Вы?».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусейнов А.А. Учение о житии Александра Зиновьева. Вступительная статья в книге А.А.Зиновьев «Иди на Галгофу».- СПб, 2004.- С.4-24.
2. Гусейнов А.А. Об Александре Зиновьеве и его социологии. Вступительная статья в книге А.А.Зиновьев На пути к сверхобществу.- СПб, 2004.- С.10-29.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу.- СПб, 2004.
4. Зиновьев А.А.«Иди на Галгофу».- СПб, 2004.
5. Зиновьев А.А. Идеологические заметки // Свободная мысль – XXI. – 2005.- С.78-91.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ А.А. ЗИНОВЬЕВА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

САЕНКО Б.Е.

В многогранном творчестве и научных исследованиях А.А. Зиновьева одной из важнейших является проблема изучения общества – различных типов.

С выходом в свет в 1976 г. книги «Зияющие высоты», содержащей критическое исследование отдельных сторон советского социального строя, А.А. Зиновьев был причислен к категории антикоммунистов, хотя он сам никогда не соглашался с такой оценкой. Его критика была направлена не против коммунистической идеи как таковой, а против способов и порядка ее осуществления в Советском Союзе. В подтверждение последовательности своих идейных и научных взглядов, уже будучи в эмиграции, в 1980 г. он издает книгу «Коммунизм как реальность», где излагает основы разработанной им теории не эфемерного, утопического, а реального коммунизма, возможного к реализации в существующем советском обществе.

После 1985 г., с началом периода т.н. горбачевской перестройки, которую, кстати, А.А. Зиновьев воспринял резко отрицательно и окрестил катастрофой, он более углубленно исследует западную модель развития общества, в том числе ее экономическую, социальную, правовую составляющие. Это дало ему возможность провести научный сравнительный анализ советской и западной общественных систем, основанных соответственно на коммунистических и капиталистических идеалах. В результате ученый пришел к выводу, что кризис, а затем и разрушение Советского Союза как государства нельзя отождествлять с крахом коммунистической идеи. Изменив, приведя в соответствие современным требованиям систему социального и государственного управления, отказавшись от догм в самой коммунистической идеологии, общество может достичь существенного прогресса, успешно преодолеть кризисы и спады (наглядный пример – Китай, в какой-то мере – Россия с ее системой жесткого регулирования капиталистических отношений со стороны государства). А.А. Зиновьев в обоснование своей позиции провел исследование эволюции социально-экономической системы западного типа, в результате которого пришел к выводу, что либеральная модель не имеет не только дол-

госрочной, но и среднесрочной перспективы, она ведет в тупик, к глобальному кризису развитые капиталистические страны. Научное предвидение А.А. Зиновьева в полной мере подтвердилось кризисом мировой финансово-экономической системы 2008 г., начавшимся с ведущей страны западного мира – США и поразившего все без исключения страны, на всех континентах. Величина потерь от кризиса, как теперь уже ясно, зависит от уровня социально-экономического развития страны, совершенства ее правовой системы: чем они ниже, тем сильнее для населения, прежде всего его средних и бедных слоев, издержки материального и нравственного характера. К сожалению, в полной мере ощутили это на себе граждане Украины, которая, по международной классификации, относится к развивающимся странам с несформировавшимися до конца государственно-властными, социальными институтами, судебной и финансово-банковской системой. Правительства, эксперты практически всех стран основным способом преодоления кризиса считают усиление государственного воздействия на экономику, социальную сферу, сокращение объемов монетарного регулирования. По образному выражению президента Франции Н. Саркози, ориентация на либеральную модель развития, преобладавшую в западных странах более двух десятилетий, после кризиса начала 70-х годов XX в., связанную с уменьшением влияния государства, оказалась глупостью.

Вместе с тем, автор приходит к выводу, что в последние несколько десятилетий в странах Запада произошел огромный эволюционный перелом. Возник феномен, которого раньше никогда не было. Это принципиально новый тип социальной организации. А.А. Зиновьев условно назвал его американизмом, отличным от западной цивилизации. По мнению ученого, это явление представляет собой угрозу для человечества, поэтому нуждается в глубоком и всестороннем изучении. Эту задачу А.А. Зиновьев считал одной из важнейших для нового поколения ученых-экономистов, социологов, политологов, юристов, философов, историков.

Ученый предвидел, что основой следующего цивилизационного построения мира должен служить человеческий интеллект, базирующийся на всестороннем познании мира в соответствии с правилами логики и научной методологии. Особо важным в общественно-государственном устройстве нового типа А.А. Зиновьев считает установление законности и правового порядка. Так, в книге «Логическая

социология», в разделе «Государство и право» [1, с. 131-131] ученый пишет: «Основная функция государства – обеспечить жизнь и самосохранение общества как единого целого. Она детализируется в сложную систему функций – установление правового порядка в стране и охрана его, защита от внешних нападений и т.д. В число этих функций попадает и забота о частных интересах каких-то категорий граждан, слоев, классов, а также примирение вражды между ними. Но ошибочно сводить к этому сущность государства и его основную функцию. ... Власть является государственной лишь при том условии, что она легитимная, т.е. признана обществом как законная. Говоря о государстве, мы должны говорить о правовых (юридических) законах, а говоря о праве – должны говорить о государстве».

Задача государства – управление обществом как целым. Специфическими средствами этого являются законодательство и принудительный аппарат исполнения законов. Законодательство есть введение в жизнь общества правовых норм (юридических законов), регулирующих взаимоотношения между членами общества, между управляемыми членами общества и управляющей властью, между членами самой системы государственности, а также контроль за соблюдением этих норм, принуждение граждан к их соблюдению и наказание за их нарушения.

Правовые нормы теряют практический смысл, если государство не в состоянии принуждать людей к их соблюдению и контролировать поступки людей с этой точки зрения. Кроме того, правовые нормы теряют смысл, если они составлены так, что допускают взаимоисключающие толкования и применения, а также если в кодексе законов имеются взаимоисключающие нормы.

Правовая сфера общества есть живое явление. Она изменяется с изменением общества. Но это происходит как борьба общественных сил. Адекватность этой сферы потребностям общества никогда не бывает полной. Но есть некоторые пределы, в которых колеблется степень неадекватности, не угрожая тяжелыми последствиями.

В XX в. произошел великий эволюционный перелом в истории человечества. В основе его лежит то, что стали возникать и задавать тон в жизни человечества огромные объединения людей более высокого уровня организации, чем привычные общества, сложившиеся в предшествовавшие столетия – сверхобщества. Первым в истории сверхобщества огромного масштаба был Советский Союз. После

Второй мировой войны по пути эволюции к сверхобществу пошел и западный мир. К концу XX столетия тут сложилось западнистское сверхобщество во главе с США. После разгрома советского коммунистического блока и советской социальной организации оно стало доминирующим фактором мировой истории. В результате рассматриваемого перелома в жизни человечества произошли грандиозные качественные перемены, которые еще не осознаны людьми и не изучены должным образом.

По мнению А.А. Зиновьева, идея «глобального общества» есть идея прежде всего американская [2, с. 542]. После распада советского блока и самого Советского Союза США остались единственной сверхдержавой с претензией диктовать свой порядок всей планете. Однако она есть идея не только американская, а общезападная. Чтобы установить желаемый мировой порядок, США должны мобилизовать усилия всего западного мира. В одиночку им эту задачу не решить. С другой стороны, западные страны по отдельности не в состоянии сохранить свое положение в мире. Они могут удерживаться на достигнутом ими уровне лишь совместными усилиями. А США уже заняли место лидера в их совместном движении к мировой гегемонии.

Единое человечество возможно, но не как мирное сосуществование равноправных стран и народов, а как структурированное социальное целое с иерархией стран и народов. В этой иерархии неизбежны отношения господства и подчинения, лидерства, руководства, т.е. отношения социального, экономического и культурного неравенства. Дело тут не в каких-то биологических причинах и не в плохих расистских идеях, а в объективных социальных закономерностях организации больших масс населения. В качестве составных частей единого человечества народы подчиняются действию общих коммунальных законов, имеющих силу для любых объединений людей. Так что явное или скрываемое стремление какой-то страны к мировой гегемонии есть один из составных элементов тенденции к единству человечества.

А.А. Зиновьев обращает внимание на то, что единая мировая иерархия протупает лишь как тенденция [2, с. 543], как переплетение многих линий. И среди этих линий следует в первую очередь назвать разделение человечества на западную и прочую (незападную) части. Отношения между ними являются совсем не братскими. Ни о каком их равенстве и равноправии и речи быть не может. Западная часть возвышается над западной. В значительной мере первая уже гос-

подствует над второй и имеет тенденцию к полному мировому господству. Каждая из упомянутых частей имеет иерархическую структуру в самых различных измерениях. В западной части на вершине иерархии находятся США. Уровнем ниже находятся ведущие западные страны – Германия, Англия, Франция, Канада. Еще ниже – Италия, Австрия, Бельгия, Голландия. И прочие западные страны как-то упорядочиваются на социальной «вертикали» в том или ином разрезе.

А.А. Зиновьев обращает внимание на разное положение незападных стран в мировой иерархии. Уровнем ниже западных стран располагаются полузападные страны – Чехия, Словакия, Польша, Венгрия и другие. Они не являются западными странами, но из прочих незападных стран ближе к западным. На еще более низком уровне располагаются незападные страны. Причем и они занимают различные уровни в зависимости от степени подчиненности Западу. И на самом низшем уровне находятся страны и народы, враждебные Западу или вообще невосприимчивые к его влиянию.

Современный Запад не есть всего лишь сумма стран США, Англии, Франции, Германии и других и подобных западных «национальных государств». Это есть социальное образование, более сложное и более высокого уровня организации. Оно включает в себя в качестве основы и структурных компонентов упомянутые «национальные государства», но не сводится к ним. Оно является молодым с исторической точки зрения: оно начало складываться после Второй мировой войны и еще находится в стадии формирования. Формирование это происходит в острой борьбе. Внутри его имеют место конфликты и дезинтеграционные процессы. Но это – обычное явление в больших объединениях людей. Существенно то, что интеграционный процесс доминирует, и «национальные государства» все более утрачивают автономию и суверенитет.

Ученый подчеркивает, что стечение обстоятельств, благодаря которым Запад сложился исторически, является уникальным и неповторимым [2, с. 545]. Когда народы Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то, что это уподобление не может стать превращением их в части Запада или в западные страны по двум основным причинам (не считая других).

Первая причина – навязывание этим народам отдельных свойств Запада (капитализм, рынок, демократия и т.д.) не есть пре-

вращение их в части Запада, ибо реальный Запад вообще не сводится к этим свойствам. Реальный социально-политический строй, экономика, идеология другие основы обществ западного типа имеют мало общего с тем идеологически-пропагандистским их изображением, какое навязывалось этим народам. Последние могут лишь имитировать реальный западный тип общества, но не более того.

Вторая причина – место и роль Запада на планете уже заняты, и самое большее, на что могут рассчитывать уподобляющиеся Западу народы, это оказаться в сфере власти, влияния и колонизации со стороны Запада, причем на тех ролях, какие им позволит играть Запад.

Глобальное сверхобщество складывается не по типу обществ западного типа, а по типу сверхобществ. И объединяет их в целое надстроечная часть глобального сверхобщества – «общество второго уровня» мирового масштаба. Именно оно правит человечеством в наше время, а не какая-то небольшая кучка богатеев. Оно включает в себя, конечно, денежный механизм западного мира и использует его как средство управления Западом и прочим человечеством. Но для управления одним Западом, в котором живет до миллиарда человек, этого мало. А для удержания под своим контролем около пяти миллиардов прочего человечества – тем более. Нужны мощные вооруженные силы, политический аппарат, секретные службы, средства массовой информации. Нужно иметь возможность распоряжаться ресурсами «национальных государств» Запада, принуждая к этому их систему власти и управления.

В этом аспекте все западные страны, включая США, являются ареной деятельности этого глобального монстра. Верхушка его находится в США. Но подразделения глобального сверхобщества имеются во всех частях западного и западнизируемого незападного мира.

С возникновением глобального сверхобщества произошел перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это означает, что целенаправленный, проектируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в истории человечества.

Принципиально важно здесь то, что в законном мире сложилась социальная структура, в которой имеются компоненты, ставящие цели эволюционного характера и глобального масштаба, вырабаты-

вающие планы достижения этих целей, обладающие способностью и средствами управлять огромными массами людей, принуждая их к деятельности по реализации этих планов, распоряжающиеся колоссальными материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы исторические процессы, ранее бывшие стихийными, сделать сознательными.

А.А. Зиновьев исходит из того, что в ходе «холодной войны» была выработана стратегия установления нового мирового порядка – стратегия создания реального «глобального общества». Эту стратегию ученый назвал словом «западнизация».

Сущность западнизации состоит, по его мнению, в навязывании незападным народам и странам социального строя, экономики, политической системы, идеологии, культуры и образа жизни, подобных таковым (или имитирующие таковые) западных стран. Идеологически и в пропаганде это изображается как гуманная бескорыстная освободительная миссия запада, который при этом изображается средоточием всех мыслимых добродетелей. «Мы свободны, богаты, счастливы и мы хотим помочь вам стать такими же свободными, богатыми и счастливыми как мы. Но для этого вы должны сделать у себя, в своих странах то, что мы вам посоветуем».

Это – на словах. А на деле, как утверждает А.А. Зиновьев, западнизация (в рассматриваемом здесь смысле!) имеет реальной целью довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному существованию и развитию, включить их в сферу влияния и эксплуатации западных стран, присоединить их к западному миру не в роли равноправных и равномошных партнеров, а в роли зоны колонизации.

Западнизация не исключает добровольность со стороны западнизимуемой страны и даже страстное желание пойти этим путем. Для этого и существует мощная система соблазна и идеологическая обработка. Но при всех обстоятельствах западнизация есть активная операция со стороны Запада, не исключаящая и насилия. Добровольность со стороны западнизимуемой страны еще не означает, что все население ее единодушно принимает этот путь своей эволюции. Внутри страны происходит борьба между различными категориями граждан за и против западнизации.

Была разработана и тактика западнизации. В нее вошли меры такого рода. Дискредитировать все основные атрибуты общественно-

го устройства страны, которую предстоит западнизировать. Дестабилизировать ее. Способствовать кризису экономики, государственного аппарата и идеологии. Раскалывать населения страны на враждующие группы, атомизировать его, поддерживать любые оппозиционные движения, подкупать интеллектуальную элиту и привилегированные слои. Одновременно вести пропаганду достоинств западного образа жизни. Возбуждать у населения западнизируемой страны зависть к западному изобилию. Создавать иллюзию, будто это изобилие достижимо и для них в кратчайшие сроки, если их страна станет на путь преобразований по западным образцам. Заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявления подлинной свободы личности. Оказывать экономическую помощь западнизируемой стране в той мере, в какой это способствует разрушению ее экономики, порождает паразитизм в стране и создает Западу репутацию бескорыстного спасителя западнизируемой страны от язв ее прежнего образа жизни.

Одной из черт западнизации является тактика мирного решения проблем. Но эти мирные методы обладают одной особенностью: они принудительно мирные. Но мирные средства ничто, если они не базируется на мощи военной.

И в случае надобности Запад, как показывает опыт (например, Югославия), не остановится перед применением оружия, будучи уверен в своем подавляющем превосходстве.

Западнизация есть особая форма колонизации, в результате которой в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии (подч.авт.). По ряду признаков это есть продолжение прежней колониальной стратегии западноевропейских стран. Наряду с этим, А.А. Зиновьев выделяет характерные признаки этого относительно нового явления, что является существенным при построении отношений с Западом и для Украины, и для России.

Колониальная демократия не есть результата естественной эволюции данной страны в силу ее внутренних условий и закономерностей ее исторически сложившегося социально-политического строя. Она есть нечто искусственное, навязанное этой стране извне и вопреки ее исторически сложившимся возможностям и тенденциям эволюции. Она поддерживается мерами колониализма. При этом колонизируемая страна вырывается из ее прежних международных связей. Это

достигается путем разрушения блоков стран, а также путем дезинтеграции больших стран, как это имело место с советским блоком, Советским Союзом и Югославией. Иногда это делается как освобождение данного народа от гнета других народов (напр., Косово – авт.). Но чаще и главным образом идея освобождения и национальной независимости есть идеологическое средство манипулированным людьми.

За вырванной из прежних связей страной сохраняется видимость суверенитета. С ней устанавливаются отношения как с якобы равноправным партнером. В стране в той или иной мере сохраняются предшествующие формы жизни для значительной части населения. Создаются очаги экономического западного образца под контролем западных банков и концернов, а в значительной мере – как явно западные или совместные предприятия. Внешние атрибуты западной демократии используются как средства совсем не демократического режима и как средства манипулирования массами. Эксплуатация страны в интересах Запада осуществляется силами незначительной части населения колонизируемой страны, наживающейся за счет этой ее функции и имеющей высокий жизненный стандарт, сопоставимый с таковым высших слоев Запада.

Колонизируемая страна во всех отношениях доводится до такого состояния, что становится неспособной на самостоятельное существование. В военном отношении она демилитаризуется настолько, что ни о каком ее сопротивлении и речи быть не может. Вооруженные силы выполняют роль сдерживания протестов населения и подавления возможных бунтов. До жалкого уровня низводится национальная культура. Место ее занимает культура, а скорее – псевдокультура западнизма.

Массам населения предоставляется суррогат демократии в виде распушенности, ослабленного контроля со стороны власти, доступные развлечения, предоставленность самим себе, система ценностей, избавляющая людей от усилий над собой и моральных ограничений.

Переход к эпохе сверхобществ, сохраняя и приумножая многие достижения эпохи обществ, одновременно означает и утрату многих достижений эпохи обществ. Среди этих потерь следует назвать резкое сокращение числа участников эволюционной конкуренции. До недавнего времени главными конкурентами в борьбе за мировую эволюцию были коммунизм и западнизм. После поражения советско-

го коммунизма инициативу захватил западнистский вариант эволюции. Прочие варианты (мусульманский мир, африканский континент, Южная Америка) суть либо эволюционные тупики, либо подражания западнизму, либо зоны колонизации для Запада. Что бы ни происходило в этих регионах, изменить направление социальной эволюции уже невозможно в силу закона социальной интеграции. А изменить направление эволюционного процесса внутри самого западного мира невозможно в силу его внутренней социальной организации. Поражение коммунистического мира в холодной войне надолго (если не навсегда) похоронило возможность и даже идею социальной революции.

Указанные тенденции и фактический планетарный гегемонизм США как главного субъекта западного сверхобщества были зафиксированы А.А. Зиновьевым более десяти лет назад. За прошедшие годы в расстановке сил ведущих мировых игроков произошли существенные изменения. Во многом они связаны с возрастанием экономической и военной мощи таких центров силы, как Россия и Китай. Наглядно это проявилось, в частности, в период президентства в России В.В. Путина, который, по примеру Столыпина, начал модернизацию России, взывая к ее национальной гордости, но пытаясь при этом достичь либеральных реформ железной рукой. В сферу философии эта идея была введена в свое время Семеном Франком и Петром Струве. Целью было скомбинировать либеральный взгляд на политические и этические пристрастия индивидуума с хорошим пониманием и признанием коллективных ценностей, представленных в обществе и его высшей форме - государстве. Эта двойственность отразилась в хорошо известном утверждении Путина: «Это случится не скоро, если вообще случится, что Россия станет вторым изданием, или, так сказать, Соединенными Штатами или Британией, в которой либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции» [3, с. 438]. Путин ясно утверждал: Россия будет либеральным государством, но пойдет по собственному пути.

А.А. Зиновьев отмечает, что с приходом к власти В.В. Путина в истории России наступил новый период. Этот период не есть нечто выходящее за рамки социального перелома и внешнее для него. Это – закономерная часть перелома, закономерное завершение его, закрепление направления всей последующей социальной эволюции России [1, с. 575]. Вместе с тем, этот период вносит нечто новое в российское

реформаторство. Постсоветская система власти есть не просто копия западнистской, а гибрид западнистской и советской (коммунистической). И в силу объективных социальных законов (а не в силу недомыслия или злого умысла) она имеет тенденцию к сверхгосударственности. Сверхгосударству вообще принадлежит функция реформаторства. Оно вынуждается на это всей организацией жизни общества. Для самосохранения общества необходимо производить какие-то улучшения во избежание деградации. Поэтому борьба против тенденции к деградации принимает форму реформ, навязываемых сверхгосударством. При этом приходится преодолевать косность и инертность населения. Россия переживает становление новой социальной организации, что предполагает социальное творчество, изобретательство. Возникает резонный вопрос: наступит ли в конце концов время, когда реформы закончатся и россияне смогут насладиться жизнью в целом и полностью реформированной стране? Если Россия не исчезнет вообще, то окончание эпохи ее реформирования в обозримом будущем не предвидится. Задача социальных реформ и состоит в том, чтобы мобилизовать миллионы людей на жизнедеятельность в этом духе на многие годы. На эти годы реформы должны стать образом жизни активной части населения страны и под их воздействием – всех прочих граждан. С социологической точки зрения, такая растянутость эпохи реформ есть явление вполне закономерное.

Второе основание для этого утверждения – характер постсоветской социальной организации, создаваемой на месте разрушаемого коммунизма. Это – социальный гибрид сочетающий в себе качества разнородных социальных организаций: разрушаемого коммунизма, искусственно насаждаемого западнизма и возрождаемого национально-русского фундаментализма. Это явление в истории человечества новое. Рассчитывать на то, что сразу будут найдены реформы, наилучшим образом решающие новые проблемы, неоправданно. Неизбежен длительный период проб и ошибок, постепенный поиск наиболее эффективных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения/ Александр Александрович Зиновьев, составление Ю.Н. Солодухина. – М.: Астрель, 2008. – 606с.
2. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу / Александр Александрович Зиновьев. – М.: Астрель, 2008. – 576с.
3. Саква Р. Пути: выбор России/ Вступ. ст. А Чубарьяна; пер. с англ. В. Львова, В. Яковлева, Д. Налепиной. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 480 с.

**ПОВОРОТНЫЙ ВЗГЛЯД НА
СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ:
О ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА**

БУХПЕЕВ Н.М.

В одной из своих стихотворений поэт Роберт Рождественский отмечал, что мы в истории – буквы, лишь немногие – слово. Среди этих немногих находится и А.А. Зиновьев – масштабный, глубокий и пронизательный мыслитель, создавший впервые в истории обществоведения научную социологическую теорию. Базовой предшественницей её является зиновьевская интеллектология, где он рассматривает логику, онтологию и методологию (гносеологию) как различные аспекты одной единой науки, исследующей интеллектуальную деятельность людей одновременно в трёх аспектах — языковом, бытийном и познавательном. И лишь в интересах изложения автор разделяет ее на три части: 1) базисная логика; 2) логическая онтология; 3) логическая методология.

При этом вторая часть основывается на первой и является её продолжением. Третья часть основывается на первых двух и является их продолжением. Затем по мере изложения в рассмотрение вводятся всё новые интеллектуальные объекты. Они характеризуются в упомянутых трёх аспектах как языковые образования, обладающие определённым бытийным содержанием и приобретаемые в определённых процессах познания с помощью определённых операций [1]. Отсюда логическая социология предстаёт как наука о языке и методах исследования социальных объектов в соответствии с критериями логики и методологии науки. Рассмотрим некоторые из них в первом приближении.

Любое явление или объект, отмечал А.А. Зиновьев, порождается совокупностью необходимых и достаточных факторов как внешнего, так внутреннего, как объективного, так и субъективного характера. Поэтому полезно придерживаться определённой технологии рассмотрения, а именно:

1. Выделение объекта из потока конкретно-исторических событий.

2. Установление временных и событийных границ объекта, а также образующих объект конкретных действий людей.

3. Осмысление того, что именно связывает эти действия в единое целое, в одно сложное, совместное действие множества различных людей.

4. Определение понятий объекта, их экспликация.

5. Мысленный эксперимент с объектом.

6. Применение социальной комбинаторики в виде различных диалектических приёмов исследования.

7. Соблюдение принципов научного подхода к исследованию социальных объектов: а) субъективная непредубеждённость; б) правдивое описание исследуемых явлений (Здесь возникают две трудности. Первая: каждый объект имеет два вида признаков: видимые, на показ, и латентные, умалчиваемые. Вторая – ни один объект не хочет знать о себе истину (поэтому их места заполняют социологические артефакты и дискурсы); в) наблюдение реальных, существующих объектов, а не представлений, мнений, суеверий о них; г) познаётся то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д. независимо от того, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть, по его мнению; д) учёт исторического характера социальных объектов и эволюции этих объектов во времени и пространстве; е) соблюдение правил логики и методологии науки (в частности, однозначность и ясность понятийного аппарата и вне идеологии; сравнение, отбор, обобщение) [2]. И, наконец, эмпирические, прикладные исследования (по необходимости).

Собирающим принципом такого порядка выступает комплексный подход [3]. Его буквенное выражение имеет вид: $A = a^1, \dots, a^n$ при условии ($n \geq 2$), где $a^1, \dots, a^n$ есть причины появления, условия существования, специфические признаки и ингредиенты социального объекта А. Они образуют соответствующий комплекс, если и только если выполняется такое условие: каждый из $a^1, \dots, a^n$ по отдельности необходим для указанной роли в отношении А., а все вместе достаточны для этого. Такой комплекс определяется путём логического исчисления, а проверяется разрешением исследовательских задач. И если первое соблюдено, то и второе предопределено.

Интеллектологические идеи и правила автора нашли своё воплощение в его социологических романах, эссе, публицистике и ло-

гической социологии. Поскольку отправным и ключевым для неё является понятие «общество», на нём и остановимся с учётом двух факторов: 1) качеств строительного материала общества – человека как социального атома, и 2) принципов организации больших масс людей в единое целое.

Согласно А.А. Зиновьеву существующее и возникающее человечество представляет собой человеиник, внутри которого различают предобщество – общество и сверхобщество. Понятно, что разные народы находятся на различных стадиях созревания цивилизации, обусловленных множеством факторов их исторических черт и свойств. Предобщество – это начатки общества, его, скажем, зародышевое состояние. Рождающееся за ним общество – явление более сложное и более высокого уровня организации, чем предобщество. Само же общество суть совокупность людей, которые проживают на определённой территории и воспроизводят себя из поколения в поколение как единое целое.

В качестве определённой стадии, этапа или формы социальной жизни людей, общество имеет следующие признаки: а) люди из поколения в поколение живут совместной исторической жизнью; б) они действуют как целое; в) имеют внутри себя сложное строение с разделением функций; г) занимают определённую территорию и относительно автономны во внутренней жизни; д) владеют внутренней и внешней идентификацией; е) имеют государство как форму политической власти; ж) экономику как форму ведения хозяйства; з) идеологию как форму коллективного менталитета и т.д.

Общество возникает, организуется, живёт и эволюционирует как многомерное образование. Это означает: 1. что каждое измерение имеет свои закономерности, несводимые к закономерностям других измерений. Ни одно из них не вырастает из другого.

11. Структурные компоненты общества формируются и живут одновременно в разных измерениях. Их переменные взаимосвязи образуют ткань или тело общества по принципу клеточек (ячеек). Они различны по масштабу, типу и сложности. И ни одна из них не может функционировать до тех пор, пока внутри себя не разделится на управляющих и управляемых. Иными словами, когда произойдёт расщепление единого целого на взаимосвязанные части. При этом одна без другой невозможна, как невозможно само общество без учёта такого закона.

Социум возникает и становится там и тогда, где и когда созревает общий интерес людей как условие реализации их частных, разноречивых интересов. При этом люди взаимодействуют не как индивиды в своей отдельности, а как представители тех или иных социальных ячеек, клеточек. Данное обстоятельство и превращает общество в систему, сущность которой проявляется в её повседневности. То есть, в том, что считается в нём нормальным, обычным, принятым, допустимым. И лишь затем, во вторую очередь, суть общества проявляется в крайностях, в отклонениях от нормы. Специфику обществ обуславливает, как правило, смешанная природа их создания и развития. То есть у них можно заметить элементы и свойства обществ разного типа. Совокупность же однотипных обществ образует цивилизацию, переходящую в сверхцивилизацию, а через них - в сверхобщество.

Несущую конструкцию общества образует его социальная организация: всё то, что как-то осмыслено и закреплено в социальных связях. Прежде всего, это: 1) сфера государственности; 2) управление как сфера реализации власти; 3) сфера экономики; 4) идеосфера как форма коллективного менталитета, а также другие сферы, являющиеся результатом развития упомянутых основных. Каждая сфера, в свою очередь, дифференцируется внутри себя на более мелкие структуры. Все они в нормальном обществе образуют единый комплекс. Это означает: 1. Между ними имеет место такое разделение функций, при котором они совместно обеспечивают единство общества и условия жизнедеятельности всех его членов.

2. Между ними устанавливаются отношения взаимного соответствия. Последние заключаются в том, что звенья социальной организации приспособляются, «притираются» друг к другу. Они координируют свои действия по законам экзистенциального расчёта, имманентной социальной комбинаторики и с учётом специфики противоречивой социальной жизни,

111. Кроме взаимного соответствия между элементами социальной организации устанавливаются переменные во времени отношения субординации, координации, доминирования, производности. В одних члеховейниках может доминировать власть, в других - хозяйственная сфера, в третьих - религиозная сфера.

1У. В социальной организации общества различают также конкретно-исторический процесс формирования общества и процесс ис-

торической жизни сформировавшегося общества. В первом процессе происходит первоначальное появление компонентов общества в конкретной истории. Во втором происходит упорядочивание их в соответствии с их силами и ролями в их комплексе, а не в соответствии с их историческими «заслугами», ролями и формами. Здесь они «сбрасывают» с себя исторические одежды и надевают другие, адекватные их ролям в настоящем состоянии. Эти процессы (скажем, исторический и структурный) отчасти совпадают, а отчасти нет. Обычно отношения компонентов социальной организации изменяются в разных модификациях вплоть до противоположных. Наглядной иллюстрацией тому может быть социальный украинский перелом.

У. Социальная организация общества влияет на характер народа, обладающего этой организацией. Люди, естественно, приспосабливаются к условиям своего социального бытия. Но в то же самое время эти же самые люди создают соответствующий их характеру тип социального устройства. Тут зависимость двусторонняя. Подтверждение тому – характер становления постсоветского украинского социума.

У1. Далее, социальная организация общества есть организация людей как социальных атомов. В силу их природных и социальных свойств происходит воспроизводство социальной организации путём заполнения освобождающихся мест новыми людьми и заполнения вновь образующихся мест. В обществе складывается определённый механизм для этого. При этом чтобы общество сохранялось, оно должно производить достаточно большое число людей, способных выполнять соответствующие функции для поддержания его социальной организации. Т.е. быть адекватными их месту в ней. Этот абстрактный закон действует через нарушения в ожесточённой борьбе различных людей за лучшие места. Так что тут имеет место изначальное и непреходящее неравенство.

Люди обладают различными природными способностями, которые не наследуются социально, и различным социальным положением, которое получают в силу рождения в определённых социальных категориях (классах, слоях, родственных группах и т.д.). Фактически значительная часть (а порою большинство) мест в социальной организации является социально наследственной, т.е. выходцами из семей членов общества соответствующих категорий.

Поскольку для исполнения функций в большинстве случаев достаточно средних природных способностей и образования, получаемого представителями соответствующих категорий людей, наследование социального положения людей обеспечивает в основном устойчивое воспроизводство социальной организации примерно в том же виде. Но лишь в определённых границах.

Постепенно накапливается несоответствие между сложившейся системой распределения людей по местам в социальной организации и потребностями выживания общества. Оно порождает социальную борьбу. Если такая борьба оказывается безуспешной, общество ослабляется или даже разрушается. Действие и следствия указанного закона можно наблюдать на всей территории бывшего СССР.

Общества возникают, организуются, живут и эволюционируют одновременно на трёх уровнях – на микро-, макро- и суперуровне. Объекты первого суть отдельно взятые люди и их объединения в частичные группы. Объекты второго уровня суть объединения объектов первого уровня. Их сфера деятельности – общество в целом. На суперуровне происходит структурирование членов общества вне объектов первых двух уровней, но на их основе. Взаимоотношения между уровнями суть многосторонние переменные в зависимости от условий. Но при всех обстоятельствах имеет силу как тенденция к установлению взаимного соответствия (адекватности) уровней, так и тенденция к его нарушению при некотором устойчивом соотношении.

Глубинными источниками и механизмами вышеуказанных процессов являются законы экзистенциального эгоизма. Их познание, понимание, формулирование и рациональное использование создают предпосылки успешной социальной практики и наоборот. Особый и отдельный разговор А.А. Зиновьев ведёт о типах общественного устройства: коммунизм [4] и западнизм [5], траектории которых сопрягаются по законам привентации.

Как уже отмечалось, по мере эволюции обществ человечество может прийти и к сверхобществу. Сверхобщество – общество в «снятом» виде, более высокого уровня организации, чем нынешняя. Главное здесь – эволюционный перелом, который произошёл во второй половине XX века. Социальная сущность этого перелома – переход развития истории из естественноисторической фазы в планоуправляемую и формирование единого глобального человеиника [6].

В современных условиях этот процесс протекает в рамках глобализации на основе западных ценностей и интересов.

Её отличительная метка проступает как война нового типа – эволюционная война. Она стала нормой и формой основного содержания наступившего столетия. Глубинным механизмом здесь выступают законы социальности. Последние первыми «правят бал» не только в отдельных обществах, но и во всём мире. Следствием этих процессов стал тот факт, что незападные народы и страны занимают подчинённое и периферийное положение.

Подведём некоторые итоги. Логическая социология А. Зиновьева в совокупности её составляющих предстаёт как фундирующая наука. В частности, её эвристический слайд видится как теория социальной организации людей в качестве социальных атомов. Предмет её внимания – социальные объекты – объединения людей и люди как члены этих объединений. Между ними и внутри них возникают и развиваются те или иные виды социальных связей: деловые, коммунальные, менталитетные, структурные, генетические и функциональные. Исследование их и образует основное содержание и специфику зиновьевской социологической теории.

Научный анализ и синтез социальных объектов имеет два уровня: теоретический и эмпирический. Первый является определяющим и ведущим. Пока мы не узнаем и не поймём, что представляет собой тот или иной объект в его концептуальном, целостном виде, отмечал А. Зиновьев, то мы не сможем узнать и понять его истинное значение и назначение. Второй уровень – эмпирический. Он выполняет подсобные, уточняющие функции первого уровня. Основная трудность здесь заключается в умении наблюдать и увидеть значимость общеизвестных и привычных явлений. Осмыслить их и обнаружить именно в них закономерности происходящих процессов.

Новый способ познания, его логическая ясность, определённая и однозначность сводится не только к знанию – обоснованному суждению, а главным образом, к пониманию – положению, которое и обосновано, и в этом есть убеждение. Отсюда определяющим принципом научной истины и смысловой целью социологического исследования, по мысли А.А. Зиновьева, выступает фактор понимания [7]. Общая же проблема перехода от знания к пониманию заключена в его механизмах, а частная – как обосновать собственные суждения и убедить в их истинности себя и других. Здесь необходимо

знать, о чём идёт речь, иметь способ обоснования, аргументацию и убеждение в истинности суждений.

Такой подход формирует достоверное (в диалектическом смысле) знание об определённой области действительности, являющееся моделью этой действительности, и позволяет объяснять и предсказывать явления из данной области [8]. Отступление же от этого принципа приводит к ошибке. Об этом свидетельствует, например, состояние отечественной социологии [9]. Она не знает самоё себя и затрудняется с пониманием и объяснением того, что происходит в стране и со страной. Капканная, скажем, ситуация. И мудрым проводником из неё (разумеется, для неленивых!) может стать зиновьевская социологическая теория и методология. Освоить и реализовать её ресурсы – наша прямая забота [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.А. Логический интеллект. М.: Изд-во Моск. гуман. ун-та 2005. С. 4.
2. Зиновьев А.А. Логическая социология, - М.: Социум, 2002. С. , 10-11; 41-49. Его же. На пути к сверхобществу. – СПб.: Изд. дом «Нева» 2004. Часть первая. Методологический очерк; Скворцов А.А. Социология А. Зиновьева: между логикой и этикой. В кн. Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А.А. Гусейнова.- М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 246-270.
3. Зиновьев А.А. Логический интеллект.- М.: Изд-во Мос. гуман. ун-та, 2005. С. 256.
4. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность: избранные сочинения. – М.: Астрель. - 2008.
5. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма.- М.: Центрполиграф, 1995.
6. Зиновьев А.А. Распутье.- М.:Элефант,2005. С.273.
7. Зиновьев А.А. Фактор понимания.- М.: Алгоритм, 2006.
8. Наглядным образцом тому может служить прогнозный социологический роман А.А. Зиновьева "Глобальный человек" - М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000, и его же « Очерки комплексной логики» / Под ред.Е.А. Сидоренко.- М.: Эдиториал УРСС, 2000.
9. Розов Н. С. Стагнация социологии как выражение общего недуга российского обществознания - / www.nsu.ru/filf/rozov/, а также "Основные принципы развития информационного общества в Украине на 2007-2015 годы". Утверждено законом Украины от 9 января 2007 г. № 537-У.- / Голос Украины, 6 февр. 2007; и др. В общем и целом состояние социальных наук в постсоветском украинании схоже с их состоянием в середине прошлого века. См.: П. Сорокин «Декларация независимости общественных наук».-/ Социологический журнал - №2, - 2002 г. или <http://www.socjournal.ru/article/505>.

10. Зиновьевские чтения: материалы 1-й Международной научной конференции. Москва, 15-16 мая 2007 г. - М.: Изд. - во Моск. гуманит. ун-та, 2007. Готовятся к выпуску материалы вторых Международных зиновьевских чтений, развернута организация третьих. Регулярно выходит журнал «ЗИНОВЬЕВ. Исключительный журнал». Вышел в свет шеститомник зиновьевских социологических произведений, готовится к печати сорокатомник. Словом, шаг за шагом социологические идеи А.А. Зиновьева становятся достоянием всё большего круга людей мыслящих.

ДЕМОКРАТІЯ І ТОТАЛІТАРИЗМ У ФІЛОСОФІЇ ОЛЕКСАНДРА ЗИНОВ'ЄВА

АНДРІЄНКО О.В.

Перехід від тоталітаризму до демократії є одним з найбільш гострих питань, що постало перед багатьма суспільствами сучасного світу, і зокрема, перед країнами колишнього СРСР. Цій проблемі присвячені чисельні монографії, наукові статті, телепередачі й публічні виступи, проте вона й досі залишається невирішеною. Така ситуація пов'язана з багатьма факторами, серед яких слід виділити почасти неадекватні уявлення про світоглядну та соціальну сутність демократії та тоталітаризму, їх реальне співвідношення та основні риси. Важливим кроком у цьому напрямку є звертання до досвіду вирішення цієї проблеми талановитим російським філософом та «Моцартом соціології» Олександром Зинов'євим.

Метою даної роботи є розкриття світоглядного наповнення демократії і тоталітаризму, спираючись на філософські погляди О. Зинов'єва.

Дослідженням філософського та соціологічного спадку О. Зинов'єва займається ціла низка сучасних вчених різних галузей знання. Серед них – М. Бухтєєв, О. Гусейнов, М. Кирквуд, В. Лекторський та ін. Проте погляди відомого мислителя на проблему демократії та тоталітаризму досі не стали предметом спеціального

дослідження. Цей факт, а також безумовна актуальність питання свідчить про необхідність ведення наукових пошуків саме у цьому напрямку.

Сьогодні демократію та тоталітаризм у ЗМІ здебільше представляють як непримиримі речі, такі ж різні, як світло й тінь. Таке ідеалістичне розуміння демократії призводить до суспільного розчарування у змінах, створює передумови для маніпуляції масовою свідомістю та породжує суспільну агресивність і нігілізм. Сьогодні як ніколи, необхідним є тверезий погляд на всі позитивні та негативні аспекти демократичного ладу, його спільні та відмінні риси порівняно із тоталітаризмом. Саме такий тверезий, а іноді й дуже різкий погляд представлений у роботах О. Зинов'єва. Якщо у ранній період своєї творчості О. Зинов'єв займався переважно логікою та методологією науки (на той час вони були порівняно менш ідеологізованими галузями знання), то вже починаючи з 1978 р. він багато писав про недоліки комуністичного ладу, а згодом звернувся до дослідження і критики західної демократії.

Критичний аналіз зовсім не означає повне неприйняття демократичних цінностей. Проте важливо розібратись, що саме розуміється під цим поняттям у кожному конкретному випадку. Горбачівсько-ельцинський переворот так і не призвів до автоматичного встановлення демократії. На думку філософа, «у Росії немає, або ж недостатньо справжньої демократії» [1, с. 15]. Цю думку червоною ниткою проходить майже через всю сьогоднішню англomовну пресу та наукові видання [2].

При цьому для О. Зинов'єва демократія, якої немає у Росії, це «західна» демократія. У ній він виділив два аспекти: 1) демократія як компонент системи влади та управління (передбачає виборність людей в органи влади та зміни їх кадрового складу, обмежену законом діяльність влади, багатопартійність, участь широких мас населення у виборах); 2) демократія як компонент громадянського суспільства (включає в себе всю систему громадянських свобод та прав людини, а також механізми та засоби, які їх гарантують). Проте така «західна» демократія не є ефективною сама по собі, а чітко вписана у західну культуру та спосіб життя, разом із такими концептами як «плюралізм», «капіталізм», «відкрите суспільство» [3, с. 75]. Якщо штучно перенести західний варіант демократії в інше соціокультурне та економічне поле, вона відразу втратить свої переваги і прийме абсурдну

й потворну форму (шось на зразок «рогатого зайця» – трофею, який філософ побачив в одному з музеїв Мюнхену).

Сьогодні в Росії та Україні існує величезне різноманіття політичних партій, що висувують різноманітні програми розвитку держави. На перший погляд, це є ознакою демократизації в її «західному» розумінні, а також відмовою від авторитарних традицій. Так, до проголошення незалежності України в державі існувало 4 партії, на початку 1998 р. їх спектр розширився до 52, і до сьогодні їх чисельність постійно зростає. Звичайно, у даному випадку можна говорити про світоглядний та ідеологічний плюралізм і толерантність, і цей момент дійсно є позитивним. Але не можна забувати й про зворотній бік цих явищ, в основі яких лежить конфлікт цінностей, інтересів та соціальної дезорієнтація. Корінням такого становища є намагання слідувати глобальному (тобто, західному) проекту демократизації, що вступає в конфлікт з основами історично сформованої слов'янської ментальності, що завжди була зорієнтована на одну-єдину, абсолютну істину, (свого часу це дало поштовх для масштабного поширення комуністичного універсалізму). На відміну від держав Західної Європи, де демократичні традиції формувались протягом багатьох століть, і де в період середньовіччя діяв принцип васалітету (сутність якого може бути виражена у відомій формулі «васал мого васалу – не мій васал»), на тій території, де сьогодні розташовані Росія, Україна та інші східноєвропейські держави, під впливом татаро-монгольського завоювання відбулась заміна васалітету стосунками підданства за зразком східної імперії з деспотичною формою правління. Намагання побудувати демократію за західним зразком без урахування місцевої культурно-історичної специфіки задалегідь приречене на невдачу.

Як цілком вірно відзначає О. Зинов'єв, демократія, яка не є закономірністю соціальної еволюції, а нав'язана зовні і зверху, є лише підробкою, імітацією Заходу, яка ніколи не перетвориться на оригінал (для цього просто відсутні необхідні умови) [1, с. 17]. Так, західний принцип розподілу влади було перейнято (у Росії законодавчу владу здійснює Федеральне зібрання, а виконавчу – президент та великий чиновницький апарат). Але на практиці президент вибирається, а чиновницький апарат залишається практично незмінним. Невідповідність задекларованих принципів соціальній дійсності присутня у в релігійній політиці – при формальному відокремленні церкви від дер-

жави православна церква у Росії користується великою кількістю преференцій, яких немає в інших релігійних рухів.

У своїх роботах О. Зинов'єв руйнує міф про радянське суспільство як сукупність покірливих маріонеток, які не мали жодного впливу на розвиток держави. В історії СРСР неможливо заперечувати наявність багатьох демократичних елементів (Ради, зібрання, пленуми, конференції, трудові колективи тощо). Навіть феномен такої особистості як Йосип Сталін О. Зинов'єв пов'язує саме з народовладдям, що було породжено комуністичними відносинами. За словами філософа, зібрання у комуністичному суспільстві були вищою формою демократії для індивідів, які знаходились на нижніх ланках соціальної ієрархії, інша справа – у тому, що сила цієї демократії не виходила за межі дрібних інтересів окремих комун [4, с. 246]. Загалом, ідея про абсолютну полярність демократії та тоталітаризму є однією з найбільш поширених у сучасному світі. На цій опозиції сьогодні побудовану цілу низку філософських і соціологічних концепцій та класифікацій політичних режимів. Проте, якщо вгледитись у сутність проблеми, стає очевидною наявність багатьох спільних моментів демократії і тоталітаризму. До їх переліку слід віднести:

1. Створення потужного загальнодержавного міфу (через активну державну пропаганду);
2. Уявлення (почасти неадекватні) про зовнішніх «друзів» та «ворогів»;
3. Ідея про вирішальну значущість думки народу для формування державної політики;
4. Абсолютизація ролі патріотизму у суспільному житті та історії країни, переконання в особливій історичній місії власної держави;
5. Акцентування уваги на державних міжнародних місіях;
6. Історичні дослідження, псевдодослідження та висновки, спрямовані на легітимацію або виправдання дій органів влади та підкріплення в масовій свідомості ідеї необхідності певних жертв заради підтримки влади;
7. Розвинені соціально-політичні культи (культи історичних звершень, особистостей, подій та ін.)

До основних розбіжностей між демократією та тоталітаризмом відносяться наступні аспекти:

1. Свобода слова (яка в реальному житті практично ніколи не є абсолютною);

2. Характер влади (при цьому існує точка зору, згідно якої влада тоталітарного режиму є реальною, а влада демократичного режиму – маріонетковою, тому що належить не одному сильному лідерові, а ряду «сірих кардиналів»);

3. Характер економіки (тоталітарна економіка – регульована, демократична – ринкова, хоча в чистому вигляді ці форми існують лише в теорії).

Як зазначає О. Зинов'єв, лише у науковій літературі сучасності існує кілька десятків визначень демократії. Це значно ускладнює усвідомлення її реального співвідношення з тоталітаризмом. При протиставленні демократії і тоталітаризму часто вказується чітка межа втручання держави в життя особистості; механізм обмеження бюрократичного свавілля влади, що претендує на вирішальне право визначати долю народу; підтримка плюралізму поглядів (у тому числі і політичних) в суспільстві та захист прав меншин. Проте всі вищезазначені ознаки також носять неоднозначний характер, що говорить про значну умовність опозиції «тоталітаризм – демократія». Так, теза про чітке розмежування приватної та державної сфер в сучасних демократичних суспільствах співіснує з наростаючим поширенням електронних баз даних, що містять особисту інформацію про кожного громадянина, скористатись якою може будь-який чиновник. Сучасні футурологи та критики демократії говорять навіть про формуванні «електронних концентраційних таборів» та «електронних тюрем», і, хоча подібні ідеї є надто емоційними, вони містять і раціональний компонент.

Стосовно ж західного плюралізму поглядів та свободи вибору, вони також є відносними, оскільки вибирати, частіше за все, можна лише між демократичною партією та її ліберально-демократичними або соціально-демократичними варіаціями. Різноманіття політичних сил далеко не завжди означає плюралізму поглядів. Це ще раз доводить правильність тези про відсутність «чистих» режимів та відсутність непорушних меж між демократією та тоталітаризмом. З огляду на це словосполучення типу «тоталітарна демократія» або «диктаторська демократія» втрачають свою парадоксальність і набувають нового глибокого сенсу. Адже, як влучно сказав ще один визначний російський філософ М. Бердяєва, «державна завжди мала тенденцію переходити свої межі... Держава хоче бути тоталітарною» [5, с. 48].

Таким чином, філософські та соціологічні погляди О. Зинов'єва становлять значний внесок у дослідження сутності демократії та її відмінностей від тоталітарного режиму. Мислитель досить аргументовано довів неможливість пристосування західного варіанту демократії до реалій пострадянського суспільства. Так, навіть спроби побудувати громадянське суспільство у Росії виявляється лише фарсом, «спектаклем демократизації». Насправді це не означає, що на території колишнього СРСР не може бути демократії. Вона можлива, але це має бути не західна, а місцева «російська» або «українська» демократія, пристосована до потреб конкретного суспільства.

ЛІТЕРАТУРА

1. Зиновьев А. Их демократия нам не подходит / А. Зиновьев // Российская Федерация сегодня. – 2005. – №5. – С. 15 – 18.
2. Hassner P. Russia's Transition to Autocracy / P. Hassner // Journal of Democracy. – 2008. – Volume 19. – №2. – P. 5 – 15.
3. Зиновьев А. Запад / А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2000. – 508 с.
4. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность / А. Зиновьев. – М.: Астрель, 2008. – 759 с. – (Социальная мысль России).
5. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Бердяев Н.А. – М.: Республика, 1995. – 384 с.

МАРКСИСТСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

НИКИФОРЕНКО А.Р.

НИКИФОРЕНКО Н.А.

Под «социальным проектом» (от лат. «projectus» – брошенный вперед) в социологической литературе понимается некий прототип, прообраз социальных объектов, социальных качеств, социальных процессов, отношений и состояний, усовершенствование которых выступает как социально значимая потребность. В современной прикладной социологии социальные проекты, преимущественно, предстают в виде словесного описания (зачастую сопровождающегося графическими изображениями, необходимыми расчетами, числовыми показателями) модели предполагаемых действий по осуществлению планируемых изменений в ближайшем социальном окружении.

При создании научно обоснованных социальных проектов обязательным является учет таких параметров, как противоречивость социального объекта, многовекторность его развития, принципиальная неформализуемость социального объекта (т. е. невозможность его описания конечным числом терминов какой-либо социальной теории), а также влияние на социальный объект множества объективных и субъективных факторов.

В отношении термина «социальное проектирование» среди социологов однозначного понимания нет. Одни под «социальным проектированием» подразумевают научно-теоретическую и одновременно предметно-практическую деятельность по созданию проектов развития социальных систем, институтов, социальных объектов, их свойств и отношений на основе социального предвидения, прогнозирования и планирования. Другие же – помимо собственно деятельности по созданию социального проекта – к социально-проективной деятельности относят и деятельность социально-конструкторскую, связанную с целенаправленным коренным изменением конкретных социальных институтов.

Как отрасль социологической науки социальное проектирование оформилось и получило распространение в XX веке. Как идея – оно возникло значительно раньше – на заре Нового времени, в рамках

картезианского рационализма, а овладело умами многих интеллектуалов в эпоху Просвещения.

В вопросе о мере научности социального проектирования социологи придерживаются двух точек зрения. Согласно первой, апеллирующей к формальным параметрам современного социального знания, социальное проектирование может быть либо «научным» (если оно вышло из недр современной социологии) либо «утопическим» (если имеет иное «происхождение» или же – если оно научно по содержанию, но характеризуется крупномасштабностью). В рамках второй точки зрения подобное разделение не используется, идентификация же социального проектирования осуществляется по типу мышления его субъектов (инженерный подход) и их целевых установок (переустройство общественных институтов).

Практическое преимущество второй точки зрения состоит в том, что она позволяет в терминах социального проектирования анализировать и понимать конкретно-исторические реалии (и прошлое, и настоящее). Методологическое – в ее соответствии фактическому содержанию социального проектирования как идеи (в основе последней лежит сциентистская установка: социальное знание способно проникать во все области общественной жизни и переустраивать их на рациональной основе, обеспечивая таким образом прогресс всего общества).

Марксистский социальный проект представители первой точки зрения относят к числу «утопических», как бы отказывая ему в «полноценности». Мысля сугубо формально, они размещают его на периферии социального проектирования и фактически уходят от рассмотрения указанного проекта в этой плоскости. Ссылка на принципиальную нереализуемость утопии дает исследователям возможность найти достаточно простое (и никак не связанное с изначальными пороками социального проектирования) объяснение плачевным итогам реализации марксистского проекта. Примечательной в данном случае представляется прямолинейность логической цепочки: конкретно-историческая «реализуемость» выступает критерием оценки степени научности и эффективности социального проекта.

В рамках второй точки зрения на «проектном характере» коммунистического эксперимента, наоборот, делается акцент. Марксистский социальный проект (в его различных модификациях) признается не только самым крупномасштабным в истории цивилизации, но и

весьма показательным, «типичным» в плане появления непреднамеренных последствий при его осуществлении (что предполагает безусловное соотнесение с этим проектом всего, создаваемого в дальнейшем в сфере социального проектирования).

При анализе тех или иных аспектов советской действительности вторую точку зрения разделяли по преимуществу представители того направления, которое было известно в СССР как «западная советология». Ныне вторая точка зрения доминирует и в постсоветской общественно-политической мысли. В социологических же кругах продолжает господствовать первая, что во многом отражает факт преемственности советской и постсоветской школы социального проектирования, а также косвенно свидетельствует о половинчатости общественных изменений конца 1980-начала 1990-х гг.

Советские исследователи не рассматривали реалии того типа общества, в котором они жили, в терминах социального проектирования. Причиной тому были факторы политические (цензура) и методологические («объективизм», «материализм»). Тем не менее, имели место отдельные попытки осмысления советской действительности в соотнесении ее (как итога переустройства общества), с идеями К. Маркса (как предвосхищением данного результата).

Одним из тех, кто задавался вопросом о существовании марксистского социального проекта, о его свойствах, о характере связи между ним и советскими реалиями, был выдающийся российский ученый и писатель А.А. Зиновьев. Уникальность рассмотрения им данной проблематики состоит в том, что, будучи выходцем из советской философской школы (опираясь на тот же диалектический метод, объективизм, социальный детерминизм), он сумел дать весьма оригинальную интерпретацию марксистскому социальному проекту.

Заметим, что исследователи творческого наследия А.А. Зиновьева, как правило, обращают внимание на его более масштабные, значимые и перспективные идеи («коммунизм как реальность», «сверхобщество», «планирование и делание истории»), истолкование же А.А. Зиновьевым марксистского социального проекта, хотя и находится в контексте этих идей, не было надлежащим образом изучено.

Для понимания интерпретации А.А. Зиновьевым марксистского социального проекта важно учитывать тот факт, что его взгляды по данному вопросу эволюционировали. Это происходило как в силу

мировоззренческих подвижек у самого Зиновьева (прежде всего в отношении диалектики роли субъективных и объективных факторов в историческом процессе: от меньшего влияния субъективного фактора к большему), так и в под влиянием изменений конкретно-исторической обстановки, в которой жил и творил мыслитель, особенно – с учетом его нонконформистской позиции. Не менее существенно и то, что модификации в указанной интерпретации часто являются следствием применения А.А. Зиновьевым специфического исследовательского инструментария. Речь идет о целенаправленном сталкивании противоречий, мышлении парадоксами (в духе древнегреческих софистов), гиперболизации.

По А.А. Зиновьеву, XX век является веком так называемого «качественного перелома», проявляющегося в переходе к «сверхобществу», когда сознательные, планомерные действия становятся доминирующими в комплексе факторов социокультурной эволюции (отдельные личности или их объединения начинают определять цели социальных процессов, строить планы (проекты) достижения целей, принимают сознательные усилия по управлению людьми для осуществления этих целей) [1].

Наиболее грандиозной попыткой планируемой и управляемой социальной эволюции А.А. Зиновьев считал исторический эксперимент в СССР по созданию коммунистического общества на основе марксистского социального проекта. В работе «На пути к сверхобществу» (2000) А.А. Зиновьев прямо утверждает, что «коммунисты не просто высказывали идеи относительно устройства человеческих объединений в будущем, но и выдвигали проекты переустройства реальности в соответствии с их идеалами. Особенно отчетливо это выразил Маркс. Он превратил проблему думания о будущем в проблему делания будущего по заранее придуманному проекту. Мыслители, говорил он [Маркс], до сих пор стремились объяснить мир, задача же состоит в том, чтобы изменить его. Маркс и его последователи (особенно Ленин) разработали программу и стратегию преобразования социальной реальности по своему проекту» [2].

Признание факта существования марксистского социального проекта у А.А. Зиновьева не носит безусловного характера. В работе «Гибель «империи зла» (очерк российской трагедии)» (1994) он писал, что «такого проекта не было в марксизме, за таковой потом стали выдавать хаотичные и как правило бессмысленные высказывания

классиков марксизма, которые они наверняка воздержались бы делать, если бы всерьез верили в реализуемость их научного коммунизма» [3, с. 62]. Ранее, на страницах «Коммунизма как реальности» (1980) утверждалось, что «коммунистические общества построены и строятся по проекту «научного коммунизма», хотя этот проект и не имеет ничего общего с наукой» [4, с. 22]. Именно в «Коммунизме как реальности» дается емкая и самобытная характеристика «марксистского социального проекта» как проекта не научного, а идеологического. Остановимся подробнее на ее рассмотрении.

Детального описания содержания самого проекта А.А. Зиновьев не дает, но указывает на такие его элементы, как «ликвидация частной собственности на средства производства и частного предпринимательства», «ликвидация социального и материального неравенства», «гарантии удовлетворения основных жизненных потребностей широких слоев населения», «отмирание государства».

Отсутствие научной обоснованности у марксистского проекта А.А. Зиновьев усматривает в том, что: во-первых, в нем не учтены неотъемлемые качества «строительного материала общества» – человека «марксистский проект нового общества подобен проекту дома с неподвижными кирпичами, эквивалентом которых в обществе являются не реальные, а абстрактно мыслимые индивиды». На деле же оказывается, что это «кирпичи с сознанием и волей, со способностью перемещаться, менять форму, размеры, уничтожаться и порождать новые кирпичи, со стремлением пробиться в верхние этажи здания и вытеснять другие кирпичи» [4, с. 16]; во-вторых, в нем проигнорированы принципы организации больших масс людей в единое целое; образование же иерархии групп и должностных лиц, с необходимостью происходящее в большом скоплении людей, образующих единое целое, делает тщетными любые надежды на социальное равенство; в-третьих, в марксистском проекте не предусмотрены возможные последствия реализации целей (таких как национализация земли, банков, заводов, транспорта, почты), и особенно отрицательные, которые впоследствии имели место (разрастание бюрократического аппарата, снижение качества продукции, неэффективное ведение хозяйства, снижение заинтересованности в работе); в-четвертых, данный проект сформулирован так, что возможно различное (до прямой противоположности) истолкование его положений. А.А. Зиновьев приводит пример с «отмиранием государства», обещанным создате-

лями «научного коммунизма». Первоначально под таковым понималось, что исчезнут тюрьмы, полиция, государственные чиновники, армия и прочие атрибуты государства. Когда же практика показала, что они не исчезают, а усиливаются, появилось и иное понимание («тюрьма – уже не тюрьма, а средство воспитания трудящихся, а бесчисленные министры, генералы, партийные чиновники – уже не прислужники буржуазии, а слуги народа») [4, с. 17].

Сам факт противопоставления «научного проекта» и «идеологического проекта» (в «Коммунизме как реальности»), равно как и используемая структура аргументации, дают основание предполагать, что на момент написания указанной книги научное социальное проектирование признавалось А.А. Зиновьевым принципиально возможным. Более того, он вполне четко представлял себе параметры научного социального проекта. Со временем (на более позднем этапе творчества) А.А. Зиновьев пришел к выводу о том, что социальный проект будущего в принципе не может быть научным: «Наука в данном случае может появиться только как опытная, то есть исходящая из факта существования человеческого объединения в реальности, а не только на бумаге. А проект создается тогда, когда такого объекта в реальности нет и нет стопроцентной гарантии, что он будет создан и создан именно таким, каким проектируется. Объект, создаваемый по данному проекту, в силу условий и объективных социальных законов оказывается весьма далеким от проекта. У людей вообще возникает сомнение в том, что это и есть неизбежная реальность воплощения проекта в жизнь. При построении социального проекта наука может использоваться, но лишь в той мере, в какой она подкрепляет соблазнительные обещания изобретателей проекта» [1].

Обосновав ненаучность марксистского проекта, А.А. Зиновьев, тем не менее, не дает ему отрицательной оценки. Он диалектически заключает, что «быть ненаучным – не обязательно плохо. Быть научным – не обязательно хорошо» [4, с. 16]. Качество социального проекта как организующей формы деятельности людей, по мнению мыслителя, определяется не степенью его истинности (или полноты описания) и подтвержденностью практикой, а в терминах социального успеха, измеряемого масштабностью, мобилизационным потенциалом проекта.

Успех марксистского проекта А.А. Зиновьев считает грандиозным, сравнимым с социальным успехом христианства, именно в силу

его идеологичности, в силу того, что для мобилизации широких слоев населения на достижение марксистских идеалов использовались исключительно привлекательные обещания, сулящие массам выгодное положение «на арене истории». Вряд ли можно было надеяться на этот успех, если бы в проекте говорилось о репрессиях, о том, что социальное неравенство останется, что людей прикрепят к местам работы и жительства и т.д.

«Коммунистическая идеология» и «коммунистическая реальность», по А.А. Зиновьеву, сосуществуют автономно; взаимоотношения между ними нельзя сводить к отношению проекта и его реализации, так как идеология возникла в одних исторических условиях, на базе одного жизненного материала и формировалась по специфическим законам феноменов такого рода, реальность же возникла в других исторических условиях, на базе другого жизненного материала (не в центре, а на периферии западной цивилизации), и сформировалась по объективным социальным законам, отличным от законов идеологии [3, с. 62]. По данному поводу А.А. Зиновьев высказывается и более категорично: «коммунистический социальный строй (реальный коммунизм) сложился в России не по марксистскому проекту; «реальный коммунизм возник в России вопреки фундаментальным принципам марксизма» [3, с. 62], «реальный коммунизм мог сложиться и без марксистской идеологии» [4, с. 37].

Заметим, что столь однозначное разграничение идеологии и реальности – скорее не позиция А.А. Зиновьева, а методологический прием; это его путь к истине. Данное разграничение воплощает в себе стремление выйти из-под влияния историзма и понять «ставшее общество как данность» (то есть социологически); оно есть своего рода допущением с вполне просматриваемым смыслом: уйти от стереотипов, характеризующих взаимодействие элементов исторического процесса («причинно-следственные связи», «условия», «предпосылки», «последствия», «взаимосвязи»). Как утверждает А.А. Зиновьев, апологеты марксизма ищут подтверждения воплощению марксистских идей на практике, критики – сосредотачивают внимание на ошибках проекта, искривлениях в его реализации, негативных последствиях. Но это лишь иллюзии исторического объяснения. Исторически ориентированное сознание лишает и тех и других возможности увидеть и понять коммунизм как таковой, т.е. «выяснить, что из себя представляет этот социальный зверь с точки зрения внутренних

процессов и во внешнем поведении, что от него можно и следует ожидать и чего ожидать не следует ни при каких обстоятельствах» [4, с. 48].

Сознательно уходя от рассмотрения связи марксистской идеологии с реальным коммунизмом, ничего не дающей для понимания коммунизма, А.А. Зиновьев сам факт ее существования не отрицает. Он указывает на весьма специфический характер подобной связи. Идеологический проект по отношению к реальности фактически выступает «лишь символом, освящающим деятельность», в нем «бывает частичное содержание, которое соответствует деятельности людей. И люди делают вид, будто они поступают в соответствии с этими пунктами проекта, хотя на самом деле совпадение здесь бывает случайным и кажущимся. А остальную часть проекта люди либо игнорируют, либо истолковывают так, будто они следуют ему, а свои действия стараются строить в такой форме, чтобы они выглядели как исполнение инструкций проекта [4, с. 17].

Коммунистическая идеология в ее марксистской форме сыграла огромную роль в возникновении «коммунистического человеки», однако зародившись, «русский коммунизм начал складываться во многом совсем не так, как рассчитывали революционеры и идеологи», он стал результатом исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нем весьма смутно и истолковывали на свой лад и то, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский «проект» [5].

А.А. Зиновьев подвергает сомнению возможность сознательно-го, рационалистического, научного переустройства социальной действительности (в том числе – и претензии на научность социального проектирования) прежде всего в силу принципиальной невозможности просчитывания, учета «субъективного фактора» из-за подвижности последнего. По нашему мнению, в интерпретации А.А. Зиновьевым марксистского социального проекта это – наиболее ценный и актуальный аспект (учитывая тот факт, что на сегодняшний день претензии сциентизма в социогуманитарном знании по-прежнему доминируют, а негативный исторический опыт не заставил интеллектуалов усомниться в их обоснованности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.А. Планирование и делание истории. Режим доступа: <http://fox.ivlim.ru/docs/fun.html>
 2. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/zinov_ev-aleksandr/zinova04/page-25-zinova04.html
 3. Зиновьев А.А. Гибель «империи зла» (очерк российской трагедии) // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 61-75.
 4. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
- Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии // <http://www.situation.ru>

**ЧЕЛОВЕК И СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ
АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА**

ДАВИДЕНКО А.А.

Элементарными частицами общества являются личности, как в отдельности, так и объединенные коллективом, группой или обществом в целом. Правильные принципы реализации общественных функций, оптимальные системы и процедуры играют, несомненно, важную роль, но реализация всех возможностей зависит уже от конкретных людей, от их знаний, компетентности, квалификации, дисциплины, мотивации, способности решать проблемы, восприимчивости к обучению. Для постсоветского общества, находящегося на стадии демократических преобразований, особенно актуальной является проблема построения новой системы управления человеческими ресурсами.

На сегодняшний день существует значительное количество работ по социологии, в которых исследуются различные проблемы государственной кадровой политики, такие как мотивация работников и служащих, социально-психологические характеристики служащих и прочее. Но в то же время недостаточно разработан социально-

философский подход к изучению государственной кадровой политики, который обобщал бы исторический опыт.

Среди наработок в развитии социально-философского подхода важное теоретическое и методологическое значение имеют работы А.Зиновьева, работы которого содержат анализ и сравнение советской и постсоветской системы государственного управления. В своих критических работах автор оперирует главным образом понятиями «бюрократия» и «чиновничество».

Цель статьи – основываясь на социально-политических воззрениях А.Зиновьева и используя его философскую методологию, охарактеризовать процесс формирования государством социальной организации постсоветского общества. Объект – политика государства в управлении человеческими ресурсами. Предмет – социально-психологические аспекты социальной организации постсоветского общества. Используются структурно-функциональный подход, метод сравнения, дедуктивный метод.

При анализе социальных аспектов работы системы государственного управления А.Зиновьев исходит из того, что любая общественная и умственная деятельность характеризуется как социальная функция, программируемая государством. Философ, художник, ученый или же государственный функционер есть определенные ступени общественной иерархии, клетки общества. В бюрократической системе не имеет значения, кто занимает указанные социальные ячейки – человек, имеющий для этого все необходимые качества или же не имеющий таковых качеств. Функция такого работника – не творческая деятельность, не производство новых смыслов и ценностей, а просто занятие должности.

Таким образом, человек становится производным от занимаемого места, должности. Не важно, что Мазил из "Зияющих высот" [1] намного талантливее Художника, получающего государственные заказы. В общественной иерархии Художник имеет весомое значение, а Мазила, несмотря на старания, остается Мазилой. Чтобы стать крупным художником, ученым, философом и так далее, необходимо сделать хорошую карьеру в интересующей вас области. Искусство же формирования карьеры дается не всякому, и прежде всего не дается яркой индивидуальности, как считает автор. В бюрократической системе ни в коем случае нельзя показывать, что ты обладаешь исключительными характеристиками. Если же среди твоих аргументов есть

талант или желание организовать действительную работу взамен имитации, на место начальника надеяться не стоит.

На страницах работ А.Зиновьева появился новый тип человека - «гомо советикус» [4]. Этот человек осознает свою полную зависимость от среды и использует ее себе во благо. Он привык жить в трудных условиях, постоянно готов к еще большим трудностям. Он не хочет никаких изменений, поскольку до конца создает нерушимость общественной структуры. Он покорен властям, поскольку знает: любой протест принесет ему только вред. Он агрессивно настроен по отношению ко всему нестандартному, ибо оно несет угрозу ему самому.

«Гомо советикус» реализуется только в массе себе подобных. Только в коллективе он личность. Занимая социальную нишу, он приобретает ее признаки и становится непохожим на представителей остальных социальных ниш. При переходе в другую клеточку социальной иерархии все признаки индивидуальности меняются. Поэтому отдельный «гомо советикус» - существо изменчивое, у него нет и не может быть устойчивых убеждений.

В этом пространстве тотальной неопределенности индивида важнейшую роль играет идеология. Как элемент мировоззрения, идеология дает объяснения существующему устройству общества и роли индивида в нем. Она настраивает человека на абсолютную ценность «мы», воспитывает готовность в любой ситуации пожертвовать во имя страны собой. Говоря о значении идеологии, А. Зиновьев отмечает, что «...функция...идеологии — ... формирование у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения, побуждение людей к такому способу мышления и поведения, - формирование сознания людей и управление ими путем воздействия на их сознание. ...Идеология не просто формирует и организует сознание людей, она создает и навязывает людям определенные стереотипы (алгоритмы) сознания, проявляющиеся в стереотипах поведения. Задача идеологии — приучить какое-то множество людей сходным образом думать о каких-то явлениях реальности и совершать какие-то поступки под воздействием такого понимания сходным образом» [3].

Идеология предлагает человеку набор стандартных социальных ролей, из которых необходимо выбрать одну. Впрочем, в случае необходимости ее всегда можно поменять на другую. А.Зиновьев под-

черкивает, что если же от человека надо избавиться, лучший способ - уличить в несоответствии официального и истинного облика, то есть как несоответствующего идеологии. Факты остаются прежними, изменяется их социальная трактовка, официальная оценка.

Особо важное значение, продолжал А.А. Зиновьев [3], - советская идеология имела для деятельности руководящих органов страны, поскольку содержала целый ряд инструкций для их поведения. В сталинские годы идеология имела нормативный характер. В последующие годы эта роль идеологии внешне вроде бы ослабла. Но по сути она лишь изменила форму и ушла вглубь. Идеология ставила перед руководителями страны общую цель, которая играла организующую роль и определяла направление стратегической деятельности руководства.

Таким образом, делает вывод автор, идеология в советское время давала общую ориентацию жизни коммунистического общества и устанавливала рамки и принципы деятельности системы государственной власти.

Каковы же основные характеристики современной, постсоветской системы государственного управления? Как отмечает А. Зиновьев в публичной лекции «Постсоветизм» [5], структура не претерпела существенных изменений. Система сохранилась и живет. О человеке по-прежнему судят по занимаемой должности.

А. Зиновьев называет основные характеристики новой социальной системы. В этот комплекс входит и экономика, и система власти, и идеология, и правовая система, тип культуры, тип образования. Он отмечает, что если социальная система разрушается, но сохраняются человеческий материал и геополитические условия, а это все, в общем, сохранилось после распада Советского Союза, то новая система оказывается по многим важным признакам близкой к разрушенной. И новая система естественно включила в себя многие черты советской социальной системы. От советизма (термин А. Зиновьева) многое сохранилось и по сегодняшний день.

Сохранилась вся структура чиновничьих организаций, чиновничий аппарат. Автор подчеркивает, что нынешний постсоветский управленческий аппарат превосходит советский, даже не РСФСР, а всего Советского Союза.

А. Зиновьев подчеркивает, что если сформируются благоприятные условия, можно за один год построить систему власти такого

уровня, какая была в Советском союзе. Экономiku можно исправить за пять-шесть, максимум, за десять лет. Чтобы исправить интеллектуальное состояние, в котором сейчас находится страна, психологическое и моральное состояние, на это нужно несколько поколений. Надо выработать новую идеологию, нужно ее каким-то образом пропагандировать, нужно менять систему образования, ведь она тоже разрушена.

А. Зиновьев в «Идеологических заметках» [2] считает, что марксизм утратил значение не потому, что был преодолен идеологическим учением более высокого интеллектуального уровня и более адекватным потребностям и условиям конца XX и начала XXI века, а потому что был просто отброшен, искусственно лишен возможности для существования. Вместе с КПСС был разрушен идеологический аппарат. Прекратилось обучение марксизму в учебных заведениях. Прекратилась подготовка специалистов. Прекратилась его пропаганда. Допущена и поощряется его критика. Марксизму создается репутация не только ложного, но и преступного учения.

Идеологические течения, что пришли на смену марксизму, видятся А. Зиновьеву не шагом вперед на пути интеллектуального и нравственного прогресса российского населения, а деградацией общества [2].

Была разрушена коммунистическая социальная организация, включая советскую идеологическую сферу вообще и ее составную часть – коммунистическую систему ценностей. Постсоветская социальная организация стала создаваться как гибрид из элементов советизма (коммунизма), западнизма и дореволюционного (до 1917 года) феодализма, то есть из явлений социальных организаций различного типа и даже различного эволюционного уровня. Естественно, система ценностей и весь механизм ее создания и функционирования не могут быть не чем иным, кроме как гибридом из элементов упомянутых социальных организаций, которые во многих отношениях вообще несовместимы. Невозможно рассчитывать на то, что сложится единая, гармоничная и устраивающая хотя бы достаточно значительную часть граждан система ценностей, которая служила бы направляющим деятельность вектором общественного развития.

Причиной неэффективности постсоветских преобразований А. Зиновьев видит не только сохранение бюрократических элементов социальной системы, но и отсутствие единой государственной идео-

логии, на основании которой происходило бы структурирование общества. В современном обществе при программировании социальных функций должно цениться развитие индивидуальности и личности. Но в то же время следует выработать на научной основе объединяющую общество систему ценностей, то есть идеологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Зиновьев Зияющие высоты // Сайт Alexander Zinoviev - <http://www.zinoviev.ru/rus/heights.html>;
2. А.Зиновьев Идеологические заметки // Свободная мысль-XXI, 2005, №2, с. 32-40;
3. А. Зиновьев Философия как часть идеологии // Государственная служба, 2002, №3 (17), с.12-18;
4. Е. Пономарев Homo postsoveticus. Творчество Александра Зиновьева вчера и сегодня // Звезда, 1997, №7, с. 16-22;
5. Постсоветизм. Лекция Александра Зиновьева // Сайт ПОЛИТ.РУ – <http://www.polit.ru/lectures/2005/09/21/psizm.html>;

***ЭПОС СВОБОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ЗИНОВЬЕВА:
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ***

ПАСЬКО Я.М.

В своем выступлении я хотел бы фокусировать внимание на социальных измерениях свободы в теоретических и публицистических работах А.Зиновьева. Тема эта тем более актуальна для современной Украины, которая в силу исторических обстоятельств, волею ее политиков оказалась на пересечении разных социо-культурных путей, измерений „поливариантного развития”[1, с. 155]. В этом контексте эволюция личностной и творческой позиции А.Зиновьева, его анализ двух парадигм общественного развития западной и коммунистической западнизма и коммунизма представляет особый интерес, так как позволяет проецировать будущее развитие Украины, оценивать ее прошлое и настоящее.

Творчество Зиновьева это ключ к пониманию многих современных проблем, талантливая интерпретация ученого публициста, гражданина. В течении своего творческого пути его творческие оцен-

ки и мировоззренческие подходы менялись, подвергались коррекции базовые понятия. Неизменной оставалась принципиальность творческого человеческого и научного этоса А. Зиновьева, его ориентация на высокие этические идеалы и научные постулаты. Вся его жизнь это постоянный конфликт представителя гражданского общества, свободного и самодостаточного человека, высокого интеллектуала с властью, которая вначале способствовала высылке его из страны, а потом уже в посткоммунистическое время сделала все, чтобы нивелировать его влияние на современную российскую жизнь. Его научные, творческие таланты постоянно расширялись, находя отклик в самых разных аудиториях. Он никогда не ограничивался тем, что смог достигнуть, его идеи и взгляды постоянно эволюционировали, подвергались коррекции.

Оценивая взгляды А. Зиновьева необходимо обратить внимание на принципиальность его моральной и социальной позиции, которую подвергали сомнению многие его критики. Интересным в этом контексте можно считать ремарку самого ученого, который, соглашаясь с определенной двойственностью своих теоретических подходов, констатирует „могу в одной ситуации высказать и обосновать одно суждение, а в другой – нечто противоположное ему. Это не беспринципность. Это – желание взглянуть на дело с другой точки зрения, рассмотреть другой аспект проблемы”[2, с. 209]. И действительно творческая и жизненная позиция ученого, писателя и гражданина не дает оснований сомневаться в его высоких моральных добродетелях, отсутствии сепарации между словами делами и мыслями. Высокий этос свободы и моральности ученый пронес работая и в институте философии и в Московском государственном университете, где не поступившись принципами вынужден был долгие годы нести тяжкий крест эмигранта, человека преследуемого и третируемого властью.

В этом отношении А. Зиновьева можно считать человеком античной эпохи с ее высокими претензиями к моральным, личностным качествам человека, особому отношению к измерениям публичности. Публичные выступления Зиновьева в широких аудиториях, его лекции и семинары в студенческих коллективах всегда вызывали живой отклик аудитории, открывая все новые неакадемические грани таланта автора „Зияющих высот”.

Мы можем проследить несколько этапов в его духовной эволюции, на которые справедливо указывает исследователи его творчества, в частности британский социолог Кирквуд:

- 1) советский период 1976-1986;
- 2) период определенной мировоззренческой неопределенности 1987-1990;
- 3) постсоветский период 1991-1995;
- 4) глобализация и проблематика наступающего сверхобщества.

Действительно изучение произведений Зиновьева позволяет сделать вывод, что его взгляды эволюционировали от определенной критики коммунизма (Зияющие высоты, Записки ночного сторожа), к позиции резкого неприятия глобального европейского проекта (западной идеологии), угрожающей самобытным цивилизациям, убивающим их автономность и самодостаточность.

Речь идет о манипулятивности проекта глобального западного человеиника, который сужает пространства самобытных культурных цивилизаций – „жизненного мира” человека, способствует разрыву горизонтальных связей, погружает его в безличное пространство „аномии”. Для нас украинцев особенно интересным является третий период его творчества, когда Зиновьев, отрешившись от определенного „западного романтизма” углубляет свой анализ Западной цивилизации. Речь идет прежде всего о базовой проблематике современной социологии и социальной философии связанной с феноменом западнизма и глобальным человеиником. Можно позавидовать методологической интуиции Зиновьева, который подвергает анализу самые уязвимые проявления Западной цивилизации. Отдавая должное ее цивилизационным составляющим и приобретениям, ученый подвергает критике присущий глобальной цивилизации феномен колонизации – расширение западных институтов, стандартов, форм жизни, не учитывающий специфических особенностей автохтонных народов. В этом контексте важное значение для понимания позиции Зиновьева имеет книга „Запад”.

Книга „Запад” – воплощение попытки Зиновьева найти объяснение событий краха, развала Советского Союза – которые он не смог предвидеть, но которые анализирует со всей тщательностью и скрупулезностью. Последствия этого поражения для него ясны: западнискская идеология восторжествовала, а коммунизм как социальная альтернатива западному способу существования канули в лету. В

этом контексте уместно привести слова Зиновьева сказанные им в 1978 году: „Россия опасна для Запада отнюдь не своими вооруженными силами, а своей потенциальной возможностью ворваться в мировую культуру не в качестве коммунистических агитаторов, а в качестве крупных имен в музыке, в литературе в живописи. В задачи колониальной демократии входит разрушение этого, навязывание стране псевдокультуры, той псевдокультуры Запада, которая заполонила весь мир”[3, с. 45].

Утрата точки опоры и духовная капитуляция перед западом, с точки зрения Зиновьева не была исторически предопределена и тем печальнее, по его мнению, сознавать последствия этого духовного „Ватерлоо”. Критика западной цивилизации для него таким же искренним моральным выбором, как и критика Советского способа жизни в 70-80е годы. Очевидно, что именно расширение его культурного горизонта способствовало переосмыслению советского коммунистического и западного опыта, с точки утраты смысла социального бытия людей, их растворенности в прагматически материальных ценностях западной цивилизации. Побежденному миру стал навязываться насильственно определенный способ понимания реальности, редуцируемый к количественным параметрам, игнорирующий традиционные основания, уклад жизни сложившийся в покоренных западом культурах. Очевидно, что во многом взгляды Зиновьева близки как к теоретикам культурно - цивилизационного плюрализма Шпенглера, Тойнби, Данилевского, так и представителям евразийства. В тоже время в контексте идей американского исследователя Ф. Фукуямы, А. Зиновьев говорит о победе „западнизации как особой формы колонизации”, в результате которой, в колонизируемой стране принудительно создается социально-политический строй колониальной демократии, где колонизируемая страна подвергается дезинтеграции и идеологической манипуляции[4, с. 44].

Обозримое будущее для ученого представляется сумрачным: полная колонизация планеты Западом, „становление глобального сверхобщества, сверхгосударства, сверхэкономики – денежного тоталитаризма, сверхвласти пропитанных западнистской идеологией”[5, с. 27].

Зиновьевское сопротивление западной идеологии фокусируется по двум направлениям: по линии формирования новой социологии и новой идеологии. Новая идеология основана на принципах логиче-

ской социологии и рассматривается как противовес западной идеологии. Он предлагает воссоздать жизнеспособное альтернативное общество в противовес западному на основе исследования колоссального практического опыта реальных коммунистических стран.

Зиновьев справедливо отмечает, что анализ микроструктуры западного и коммунистического общества показывает, что они несовместимы в самой своей основе. Очевидно, что пафос его критики направлен не столько против западных форм социальной организации, сколько против характерного для западного мира забвения этических оснований, которые он называет сверхчеловеческими отношениями. По мнению Зиновьева эти отношения качественно отличаются от собственно человеческих отношений. Они возникли как результат приспособления индивидов к условиям функционирования западного общества, которое ориентирует индивидов на достаточно высокий уровень материальных и карьерных притязаний, формирует навыки далекого от культурных оснований индивидуалиста. Очевидно, что такой индивидуалист практически не нуждается в поддержке коллектива. Такой индивид расчетлив и ориентируется на упрощенные формы прагматизма, которые предполагают выгоду и полезность, но в тоже время далеки от аутентичного прагматизма, основания которого находятся в высоких моральных основаниях ответственности не только за собственную судьбу, но и за судьбу всего человечества.

Как мне представляется, Зиновьев в контексте полемики коммунизм – западнизм более ориентирован на традицию комунитаризма, в соответствии с которой не существует единой идеально-типовой модели общественного развития. В тоже время, в соответствии с таким подходом должны существовать разные культурно-исторические конкурирующие формы, каждая из которых укоренена в основаниях культуры. Очевидно, что никакие правовые, моральные, рыночные институты и императивы не могут быть легитимными, если они не находят поддержки в национально-культурных традициях. Такой подход фокусирует внимание на опасности европейской тенденции расширения частных интересов индивидуалистов – одиночек, которая органично приводит к широкой экспансии в общественное пространство индивидуального выбора, растворении в индивидуальном пространстве всех наследственных связей и чувств. Рыночная система в европейских странах органично способствует либеральному

выбору одиночек, часто игнорирует понятие справедливости, права, моральности. Она не способствует людскому предназначению, моральным добродетелям, воспитанию, которые формируются в контексте культурных традиций, традиций семейного воспитания.

Комунитаристы (и тут подход Зиновьева является очень близким) фокусируют внимание на том, что личность исторически укоренена в символических традициях, а ее глубокая идентичность формируется совместными взаимоотношениями, которые пересекаются и которые исторически не выбираются людьми. В соответствии с таким подходом сверхчеловеческие отношения не являются глубокими, в силу своей чрезмерной расчетливости. Следствием таких отношений является холодность сдержанность, отчужденность во взаимоотношениях граждан и неэффективность политических институтов, которые не легитимизируются общими ценностями, традициями, архетипами-символами, этосами коренными в прошлом. В этом контексте Зиновьев говорит об уникальных культурных пластах российской ментальности, которые в контексте глобализационных изменений (агрессивной экспансии) подвергаются невиданной доселе экспансии со стороны западного колониального проекта, игнорирующего славянский „гранднатив“, культурную составляющую уникального евразийского мира, наиболее важным и глубоким периодом которого, по мнению Зиновьева, был период коммунизма.

По-сути наследие Зиновьева ставит перед нами ряд фундаментальных вопросов существования европейской цивилизации, которая стала ареной борьбы двух аксиоматически разных императивов – западной и коммунистической. Каждая из этих парадигм имеет собственную, не способную к субсидиарности аксиоматику, что делает невозможным конвергенцию этих парадигм.

Эти парадигмы невозможно рассматривать в количественном измерении, можно лишь констатировать их принципиально различный качественный характер. Человек, который усвоил ценности одной из этих двух парадигм, никогда не откажется от них под влиянием логических аргументов. Тут действуют совсем иные механизмы. Смена парадигм может быть следствием определенных культурных изменений и поступательного хода самой истории. Именно поэтому, западный мещанин прекрасно информирован касательно определенных негативных последствий имплементации частной собственности в общественную жизнь, недостатков западной формы социальности,

однако ему и в голову не придет подвергать сомнению базовые постулаты этой модели развития. Он не будет подвергать сомнению тезис Платона, что демократия является одной из наиболее коррумпированных после тирании форм правления, или мысль Аристотеля касающуюся опасной склонности демократии органично перерождаться в охлократию и тиранию.

Согласие с этими идеями не означает однако для континентального бюргера в отличие от представителя коммунистической цивилизации, что западный цивилизационный каркас следует изменить на принципиально противоположный: аксиоматическими категориями которой являются государство, единая государственная или клановая собственность, единая идеология, опека, концентрация власти в руках неэффективной бюрократии.

Очевидно, что социально-политическая культурная платформа Зиновьева это прежде всего позиция нравственного совестливого советского человека с его недостатками и достоинствами, который волею судьбы был заброшен в чуждый ему западный мир, который он понимает исходя из собственного опыта и исторического горизонта. Такой теоретический подход очень полезен в плане понимания тех проблем, которые стоят перед современной Украиной, которая волею судьбы и беспринципностью ее номенклатурных элит выброшена на маргинес современной цивилизации. Она мучительно ищет возможность конвергенции двух парадигм, не обращая внимания на утопичность и даже опасность совмещения этих проектов. Именно об этом и говорит А.Зиновьев, призывая к комплексности и важности этой проблемы для нашего будущего и будущего последующих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А. Посткоммунистическая Россия. – М., 1996. – С. 155.
2. Зиновьев А. Фактор понимания. – М., 2006. – С. 209.
3. Зиновьев А. Запад. – М., 2002. – С. 45.
4. Зиновьев А. Логическая социология. – М., 2004. – С. 44.
5. Зиновьев А.А. Кризис коммунизма. – М., 1999. – С. 27.

Раздел 2

Моделирование социальной реальности

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА КАК ФОРМАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

СПАСЕНКО С.А.

Позитивистская программа, в рамках которой происходило формирование методологии научного социального познания, до определенного момента времени обеспечивала надежный рост социального знания. Но со второй 2-ой пол. XX в. когда основы индустриального буржуазного общества зашатались и начал формироваться новый экономический, политический, культурный ландшафт человечества, возникли новые цивилизационные ориентиры, надежды и страхи следовало бы ожидать, что с изменением объекта – общества и цивилизации – необходимо должна была измениться и методология социального познания. Но этого не произошло – позитивистские настрояния продолжают играть важную роль в методологическом обосновании социогуманитарного знания, а попытки построить целостную социальную теорию без следования позитивистским принципам приводят к философскому импрессионизму, постмодернистской эклектике. Вместе с тем достаточно ощутимой является необходимость трансформации позитивистской программы в сторону более гибкой методологии, которая была бы более адекватной своему изменившемуся объекту.

Таким образом, целью данной статьи является выделение тех методологических трудностей, которые возникают при представлении общества как формальной системы, а также тех границ позитивизма, которые социальное познание принципиально не сможет преодолеть, не переступив тем самым из сферы науки в сферу проповедничества или утопии. Следовательно, в качестве задач данного исследования можно выделить следующее. Во-первых, дать характеристику основных черт позитивистской программы с точки зрения их применимости к социальному познанию. Во-вторых, провести анализ результатов применения принципов позитивизма в современной соци-

альной философии, в частности, в аспекте представления общества как формальной системы, и обозначить методологические проблемы такого представления в современной социальной философии на примере творчества А.А. Зиновьева. В-третьих, выделить основные черты и специфику социогуманитарного познания в контексте соблюдения принципов и правил формальной логики.

В качестве теоретических источников данной статьи можно назвать работы В.С. Степина [1], В.А. Лекторского [2], Г.П. Бейкера, П.М.С. Хакера [3], В.Т. Павлова [4], В.И. Шинкарука [5], Р.А. Аронова [6], О.В. Белокобыльского [7], Е.Б. Агошковой, Б.В. Ахлибинского [8] и др., в которых фиксируется попытка целостного анализа логического позитивизма как методологической программы науки, изложены наиболее общие принципы философии науки, в т.ч. эпистемология социальных систем, определение онтологического базиса современной науки, а также результаты применения принципов формально-логического анализа в отношении социальных систем. Но в целом, данная тема остается недостаточно изученной и нуждается в дальнейшей разработке.

Позитивизм возникает во второй половине XIX ст. как попытка обосновать науку средствами самой науки. Базируясь на идеале «научности» как высшем критерии познания, абсолютности прогресса, уверенности в возможности организации общественной жизни по принципам научной рациональности и т.п. позитивизм оказался одним из самых долго живущих философских направлений. Эти принципы находили отклик в широких слоях научного сообщества, превращая позитивизм в существенный фактор формирования единой научной картины мира, по сути, в единственно возможную форму философии, философию науки [1, с. 26].

В данном контексте особый интерес представляет неопозитивизм, который можно считать наиболее взвешенной и системно упорядоченной разновидностью позитивизма. Исходным предметом анализа неопозитивистов был выбран язык, как интересубъективная данность. Методологический принцип эмпириокритицизма, заключающийся в сведении объекта к сумме составляющих его «комплексов ощущений», так или иначе, принимается в неопозитивизме. Только речь здесь идет не о «комплексах ощущений», на которые распадаются объекты, а о сложных высказываниях, как комплексах, состоящих из простых суждений, которые полностью описывают эти

комплексы. Причем, формальная истинность сложных высказываний легко определяется, исходя из очевидной истинности или ложности простых высказываний, из которых они состоят.

Высказывания языка о существовании атомарных фактов описывают действительность, исходя из ее внутренних свойств. Следовательно, логическая структура языка является также и структурой мира. Как отмечает Л. Витгенштейн, «границы моего языка означают границы моего мира. Логика заполняет мир, и границы мира являются и ее границами» [9, с. 70]. Применительно к сфере социального познания это означает, что социальные системы и объекты следует представлять только как формальные системы, сложные комплексы, сводимые к более простым и элементарным. Язык, являясь формальной системой, функционирующей по внутренне присущим ему правилам, неразрывно связан с социальной практикой и, таким образом, детерминирует ее. Как отмечают Г.П. Бейкер и П.М.С. Хакер, поздний Л. Витгенштейн полагал, что «правило определяет, что является корректным, но то, что вообще существует правило, определяется сложной человеческой практикой» [3, с. 18]. И здесь, надо полагать, допустимы ассоциации с марксизмом, считавшим практику критерием истинности. Здесь также угадывается тезис о «диктате языка», который станет одним из программных в постмодернизме.

Правомерным является вопрос: не будет ли акцентуация формально-логического аспекта социального познания в ущерб его интуитивно-метафорической стороне серьезным искажением действительных, реальных социальных процессов, которые, кажется, протекают хаотично, алогично, стихийно? Ответ на этот вопрос следует признать утвердительным, потому что социальная действительность не является жестко детерминированной, как любой из вариантов логического исчисления, а там, где существует свобода, существует и иррациональность.

В целом, необходимо четко разграничить сферы, которые можно описать при помощи формально-логических средств и сферы, где применение формально-логического инструментария не приведет к адекватному описанию. Здесь необходимо такое же различие, какое существует между философским и физическим смыслами понятия «время». Например, для И. Канта время является способом упорядочивания внутренних впечатлений, априорной формой созерцания, в которой сознание воспринимает мир. В физике время неотделимо от

движения и является отношением расстояния к скорости: $v=s/t$. Между философским и физическим смыслами понятия «время» существует бесспорная связь, хотя выводить одно понятие из другого или сводить одно к другому нельзя, поскольку это абстракции разных сущностных уровней. По правилу Б. Рассела, правильно построенная атомарная формула – это формула вида «... ...», где каждая переменная, входящая в ее состав имеет номер своего уровня. При этом номер уровня переменной, стоящей слева в j -формуле должен быть ровно на единицу меньше, стоящей справа. Формула вида $x^i \rightarrow y^j$ является правильно построенной формулой тогда и только тогда, когда $j=i+1$. Резюмируя, следует подчеркнуть, что в философской и физической дефинициях речь идет о совершенно разных уровнях познания, которые недопустимо смешивать.

Это же относится и логической онтологии, которую предложил неопозитивизм, хотя в современной социальной философии существуют довольно интересные примеры достаточно плодотворных концепций, которые, являясь исключением из сказанного выше, только подтверждают сказанное. Речь идет о т.н. «логической социологии» А.А. Зиновьева.

Будучи выдающимся логиком, плодотворным социологом, интересным писателем, А.А. Зиновьев неоднократно подчеркивает, что его социологические взгляды и обобщения базируются исключительно на логическом анализе социальных процессов и исключают идеологию, как таковую. В действительности, если взять последние социологические работы А.А. Зиновьева, то в них, как правило, присутствуют два независимых блока: в первом излагаются общенаучные и логические принципы познания, а во втором – собственно оригинальная социологическая концепция. Причем, между этими двумя блоками отсутствует переход и взаимосвязь: логика остается логикой, а социология – социологией.

Стремление А.А. Зиновьева превратить социологию в точную науку, в целом, может быть истолковано в духе позитивизма, как попытка очистить язык науки от псевдонаучных и идеологических конструкций. В частности, он отмечает, что «в сфере социальных исследований сложилось такое положение, что лишь отдельные фрагменты ее языка и лишь частично удовлетворяют критериям логики и методологии науки. А основная масса слов живет и функционирует по правилам дологического, внелогического и псевдологического мыш-

ления. Это особенно сильно ощущается в теоретической социологии, где логические средства должны играть главную роль» [10, с. 25]. Он также констатирует, что «часто встречается логическая ошибка, когда высокую степень вероятности рассматривают как необходимость. На такой ошибке основывается, например, уверенность в том, что во Вселенной должны быть планеты, на которых возникла живая материя и даже разумные существа вроде людей и даже совершеннее людей. Другая ошибка – низкая степень вероятности рассматривается как невозможность. Например, низкая степень вероятности реставрации коммунизма в России многие расценивают как невозможность» [11, с. 68].

Можно привести другой пример совершения грубой логической ошибки, которую можно обозначить как «от сказанного с условием к сказанному безусловно». Если кейнсианство как экономическая стратегия привела к существенным экономическим результатам в одних социально-исторических условиях, то это не значит, что эти же результаты будут повторяться в любых социально-исторических условиях [12, с. 3].

Как бы то ни было, допустимо представлять те или иные социальные объекты в виде формальных систем, но недопустимо впадать, по меткому выражению Р.А. Аронова, в «синдром Пигмалиона» и населять социальную действительность логико-гносеологическими патологиями [6, с. 67].

По отношению к индукции естественные науки, с одной стороны, и социально-гуманитарные науки, с другой стороны, существенно отличаются. В сфере естественнонаучного знания считается, что применение индуктивного метода приводит к достоверным выводам. В частности, применение индуктивного метода в математике дает достоверные выводы, независимо от того, что этот метод представляет собой путь от знания меньшей степени общности к знаниям большей степени общности, т. е. с точки зрения формальной логики вероятностное знание. Например, формула $(n(n+1))/2$, описывающие закономерности соотношения между натуральными числами, по существу, есть вывод, полученный средствами обычной полной индукции. Действительно, достаточно взять ряд первых натуральных чисел 1, 2, 3, 4, 5 и т.д. Затем проанализировать характерные особенности образованной суммы из этих чисел, в результате чего можно установить, что сумма первого числа равняется 1, сумма первых двух (1+2)

= 3, трех – $(1+2+3) = 6$, четырех – $(1+2+3+4) = 10$, пяти – $(1+2+3+4+5) = 15$ и т.д. Отсюда один шаг до обнаружения закономерности $(n(n+1))/2$ в отношении любого натурального числа n [4, с. 32].

Общий процесс построения и развития математической индукции можно выразить такой формулой: $[(k) F(k) \rightarrow F(n+1)] \rightarrow (n) F(n)$, где k – рассмотренные случаи (в данном примере, сумма первых натуральных чисел 1,2,3,4,5 и т.д.), F – свойство этих случаев (в данном примере это свойство выражается формулой $(n(n+1))/2$); $n+1$ – это число предметов, которое больше k на единицу. В целом, данная формула читается так: если для всякого k справедливо, что k есть F , то $(n+1)$ также есть F , то из этого следует, что всякое n есть F . В отношении формализованных систем выполняется правило Д. Локка: если $A(a)$, то $\forall x A(x)$, т.е. знание о свойствах всего класса предметов можно получить путем анализа отдельно взятого предмета — например, нет надобности исследовать все множество треугольников, чтобы убедиться, что сумма его углов равна 180° , в этом можно убедиться на примере отдельно взятого треугольника.

Как правило, в применение индукции в естественных науках, особенно в математике, приводит к достоверным и необходимым выводам. В отношении социогуманитарного знания, необходимо подчеркнуть, индукция приводит всегда к вероятностному знанию и может быть описана схемой: если S_1 есть P , S_2 есть P , S_3 есть $P \dots$, то, вероятно, S_n есть P и все S есть P . Добавление алетической модальности с помощью функтора «вероятно» в данной схеме является принципиальным, поскольку оно выражает специфическую особенность социогуманитарного познания. Эта особенность сводится к тому, что социальная реальность того или иного общества конструируется и функционирует на основании определенных закономерностей, которые могут быть открыты и адекватно описаны, но вместе с тем, действие этих закономерностей ограничивается значительным числом социальных, экономических, политических, культурных и пр. факторов, которые необходимо учитывать. Поэтому выводы в сфере социогуманитарного познания могут быть только вероятностными, что делает невозможным всякий детерминизм в сфере социогуманитарного познания.

Таким образом, позитивистская программа в сфере социального познания предполагает определенную логическую онтологию, согласно которой язык является прямым отражением действительности,

следовательно, логика выражает форму и структуру мира. Перенесенный в сферу социального познания, этот принцип означает представление общества в виде формальной системы, а социальное познание как разновидность формально-логического исчисления, что можно наблюдать на примере социологической концепции А.А. Зиновьева. Однако это допущение является принципиально невыполнимым, поскольку социальное познание имеет свою специфику и не сводится к исчислению классов, предикатов и т.п. Особенности социогуманитарного познания являются: терминологическая многозначность исходных абстракций, необходимость учета значительного числа экономических, политических, культурных факторов при определении закономерностей существования и развития определенных социальных систем, всегда вероятностный характер индукции, недетерминистский характер анализа, исключающий наличие незыблемых аксиом и констант познания, кроме соблюдения общенаучных логических и этических принципов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степин В. С. Философия науки: общие проблемы: учебник / В. С. Степин – М.: Гардарики, 2006. 384 с.
2. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский . – М. Эдиториал УРСС, 2006. – 256 с.
3. Бейкер Г. П. Скептицизм, правила и язык / Г. П. Бейкер, П. М. С. Хакер: пер. з англ. В. А. Ладов. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2008. – 240 с.
4. Павлов В. Т. Математическая индукция // Логика научного исследования: сб. тезисов / Отв. Ред. В. Т. Павлов / В. Т. Павлов. – К.: Изд-во КГУ, 1962 – С. 31
5. Шинкарук В. И. Логические формы анализа «товара» в «Капитале» К. Маркса: к вопросу о познавательных функциях логических категорий // Логика научного исследования: сб. тезисов / Отв. Ред. В. Т. Павлов / В. И. Шинкарук. – К.: Изд-во КГУ, 1962 – С. 34 – 41.
6. Аронов Р. А. Загадка Ньютона и синдром Пигмалиона / Р. А. Аронов // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 63-69.
7. Білокобильський О. В. Від науки до міфу: онтологічні дослідження / О. В. Білокобильський. – Донецьк: Алекс, 2004. – 204 с.
8. Агошкова Е. Б. Эволюция понятия системы / Е. Б. Агошкова, Б. В. Ахлибинский // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 170-178.
9. Вітгенштайн Л. Tractatus Logico-Philosophicus. Філософські дослідження / Людвіг Вітгенштайн: [пер. з нім. Є. Попович]. – К.: Основи, 1995. – 311 с.
10. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев. – М.: Астрель, 2008. – 576 с. – (Социальная мысль России).

11. Зиновьев А. А. Фактор понимания / А. А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с. – (Философский бестселлер).

12. Стреляный А. Устаревший покойник / Анатолий Стреляный // Комментарии. – 2009. – № 3. – С. 3.

«КОММУНАЛЬНОСТЬ» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ТРУДОВОГО ДАВЛЕНИЯ

ШУЛЬГА В.В.

А.А. Зиновьев – колоритная фигура на отечественном научном небосклоне. Пафос и драматизм его жизни, как и произведений, не оставляет равнодушным практически ни одного человека, знакомого с его творчеством. Высокий накал эмоциональности его книг, обилие неологизмов, нестандартность формы и содержания – все указывает на огромный творческий потенциал выдающегося философа и социолога. При этом, отношение людей к идеям и мыслям А.А. Зиновьева находится в широком диапазоне: от восторженного поклонения до резкого отрицательного неприятия. Такие диаметрально противоположные чувства и мысли может вызывать только истинно неординарная личность, чья жизнь и творчество влияет на мировоззрение множества людей.

Одним из важных выводов, красной нитью проходящего во многих работах А.А. Зиновьева, является мысль о том, что русский народ отличается особой гипертрофированностью коллективных форм быта. В общественном строе славянских народностей коммунальный аспект жизни явно превалирует над деловым и формально-юридическим. Это было характерно для досоветской России, характерно для современной – постсоветской – России, однако, свои развитые, классически упорядоченные формы это имело в России советской.

Ученый строит свой анализ коммунизма как реальности, выделяя в качестве предмета исследования характеристики людей, их отношения и правила поведения между собой, обусловленные самим фактом объединения их для совместной жизнедеятельности.

А.А. Зиновьев считает аксиомой существование коммунистического общества на территории Советского Союза. В основе подобных

коммунистических сообществ, по его мнению, лежат глубинные характеристики человеческой общности в целом, существующие всегда и при любом типе общественного устройства, а при коммунизме лишь приобретающие главенствующий и самодовлеющий характер.

С точки зрения А.А. Зиновьева в основе коммунистических общественных отношений лежит некая “коммунальность”, которая является определенной системой отношений между личностями и коллективом. “Положение и поведение человека во внутреннем аспекте жизни коллектива детерминировано определенными правилами (законами), без соблюдения которых человек не может нормально существовать в своей социальной среде и добиваться успеха. Совокупность этих правил и совершаемых в соответствии с ними поступков и образует коммунальность как таковую”[2]. Однако, конкретика “коммунальности”, по Зиновьеву, оказывается куда более определенной, куда более жестко позиционированной и эмоционально окрашенной: «Суть коммунальности была известна некоторым мыслителям прошлого еще много веков тому назад. Она довольно точно выражается формулой „человек человеку — волк”, которую впоследствии стали приписывать лишь буржуазному обществу. Суть коммунальности состоит в борьбе людей за существование и за улучшение своих позиций в социальной среде... Борьба всех против всех».

Какие же формы принимает “коммунальность”, когда на ее основе начинает возводиться социальная структура? Она, с точки зрения А.А. Зиновьева, задает всему происходящему определенный морально-психологический ритм, формирует закономерную среду обитания для человека — среду, в которой каждый человек прикреплен к той или иной “коммуне” и встроен в общую систему взаимоподавления и взаимоугнетения. Среда коммунизма внешне может быть уподоблена концлагерю — в концлагере, как считает А.А. Зиновьев, в концентрированном виде воплощающем основы «коммунальности», жестокость среды задается внешней по отношению к заключенным силой — лагерной администрацией. Повседневный концлагерь коммунистической среды есть результат общественного согласия на взаимное насилие, взаимное ограничение свобод и человеческого достоинства.

Однако, если обратиться к многочисленным исследованиям, проведенным в рамках социологии и социальной психологии, поневоле возникают сомнения в том, что подобная «коммунальность» (в

терминах А.А. Зиновьева) является прерогативой советского коммунистического общества. Явления конформизма, группового давления, огруппления мышления известны со времен опытов М. Шерифа, С. Милгрэма и Дж. Аша. Многочисленные эксперименты, проведенные на разнообразных по своему качественному и количественному составу выборках, свидетельствуют о наличии сильного группового давления на индивида вне зависимости от его социальной и национальной принадлежности [3].

Обсуждая и комментируя результаты своих экспериментов (наказание электрическим током) в одной из телепередач, С. Милгрэм высказал следующие мысли: «Если бы в Соединенных Штатах была создана система лагерей смерти по образцу нацистской Германии, то подходящий персонал для этих лагерей можно было бы набрать в любом американском городе. Наиболее важный урок наших опытов состоит в том, что обычные люди, просто выполняя свою работу и не проявляя никакой враждебности, могли стать участниками ужасных злодеяний».

Наверное, и название страны, и социальную принадлежность людей можно было бы заменить названием любой другой страны и любого другого народа в мире, и Советская Россия в этом не исключение.

Давление группы, социума на личность и, как следствие его, конформное поведение индивида существовало во все времена и во всех человеческих формациях. В первобытнообщинном строе, рабочем, владельческом, капиталистическом, социалистическом феномен группового влияния всегда имел место. Другое дело, что люди не всегда отдавали себе отчет в этом, и не анализировали его как научный и хорошо известный факт. Безусловно, существует различие по многим параметрам по степени давления группы на индивида, но сам факт такого давления для современной социальной психологии является неоспоримым. Групповые нормы существовали всегда и всегда существовали механизмы, которые заставляли индивида принимать эти групповые нормы.

Таким образом, говоря о «коммунальности» сознания русского, в частности, а славянского в целом, народа, нельзя считать это сугубо национальной чертой. Независимо от национальной принадлежности каждый индивид в той или иной мере склонен к проявлению конфор-

мизма, и каждый индивид испытывает групповое давление, которые являются всеобщими человеческими социальными механизмами.

В. Троттер ведет истоки перечисленных социально-психологических феноменов от стадного инстинкта, который присущ человеку так же, как и другим видам животных. Биологически эта стадность есть аналогия и как бы продолжение многоклеточности, а в духе теории либидо дальнейшее выражение склонности всех однородных живых существ к соединению во все более крупные единства. Отдельный индивид чувствует себя незавершенным, если он один. Уже страх маленького ребенка есть проявление стадного инстинкта. Противоречие стаду равносильно отделению от него, и поэтому противоречия боязливо избегают.

Анализируя отличительные признаки находящегося в массе индивида, З.Фрейд отметил следующие: исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заражения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным аппаратом.

Приведенные точки зрения не единичны, они лишь наиболее авторитетны, и это дает основание считать «коммунальность» явлением, присущем всем общественным строям, всем нациям и народностям. Более закономерным является вопрос о степени подверженности этим феноменам представителей той или иной нации. Существует очевидная корреляция между уровнем развития общества и человеческой цивилизации в целом, и степенью выраженности в нем феномена группового давления и конформизма.

Если вести речь об особенностях украинской ментальности, то ее основная черта – хуторянство [1]. Остап Вишня в свое время остроумно сформулировал пять национальных заповедей: «забувся», «спізнався», «якби ж знаття?», «якось воно буде» і «я так і знав», которыми подавляющее число украинцев живет и сегодня.

В обыденной жизни эти заповеди означают, что «хуторянин» считает себя, если не самым умным, то, по меньшей мере, житейски мудрым и прагматичным. Это проявляется в его способности уклоняться от ненужного риска и ненужной работы. Презируя и не любя представителей власти, «хуторянин» раболепствует перед ними. Живя по принципу «моя хата с краю», он сторонится и не понимает лю-

дей смелых и активных. В целом, эта характеристика соответствует индивидуализму, который в украинской нации превалирует над коллективизмом, демонстрируя при этом некий фатальный социальный оптимизм – «якось воно буде», детерминирующий низкий уровень социальной активности. Не вызывает сомнения, что феномен «хуторянства» достаточно сложен, многопланов и неоднороден, он нуждается в отдельном аналитическом разборе, но в рамках данной статьи эти аргументы приведены для того, чтобы на близком нам и родном материале показать, что даже при наличии индивидуалистических тенденций в национальном характере, феномены группового давления, конформности, массового заражения и внушения (если хотите – «коммунальности») все равно присутствует. Факты, подтверждающие этот вывод, нам всем хорошо известны - это и Майдан, это и неистовая вера в заведомо невыполнимые обещания разномастных политиков, это готовность безоговорочного принятия любой информации, которая может, хотя бы иллюзорно, удовлетворить имеющиеся у людей потребности.

По мнению А.А. Зиновьева, единственное, что может стать исходной точкой реальных изменений в обществе, это «Правда о себе. Правда о других. Беспощадная правда». Если общество в целом, и каждый индивид, входящий в него, смогут правдиво и объективно оценивать себя, свои действия, происходящее вокруг них, то самосознание, как нации, так и индивида перейдет на новый, более высокий уровень. Если человек, демонстрируя конформное поведение, сможет отдавать себе в этом отчет и рефлексировать по этому поводу, то уровень развития общества будет определять именно этой степенью правдивости. Такой уровень понимания себя и окружающего мира является еще одним шагом по дороге познания человеком самого себя.

Резюмируя, можно сказать следующее: социальная группа («коммуна» в терминах А.А. Зиновьева) оказывает сильное влияние на своих членов. Такое влияние вызывается и осуществляется многообразными психологическими механизмами, в частности, таким, как давление группы. Разные по составу, возрасту, национальной и социальной принадлежности (и другим параметрам) группы потенциально оказывают различное по силе давление на индивида, но то, что групповое давление существует всегда – непреложная истина. Сам факт

существования группы автоматически предполагает ее давление на индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. - Запорожье: РА "Тандем-У", 1998. - 205 с.
2. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. - 253с.
3. Немов Р.С., Алтунина И.Р. Социальная психология: Краткий курс. - СПб.: Питер, 2008. - 206 с.

**РОМАН А. А. ЗИНОВЬЕВА «ПЛАРА БЕЛУМ»:
ОБРАЩЕНИЕ К ТРАДИЦИЯМ И АВТОРСКАЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ**

СОРОКИН А.А.

Знакомясь с материалами различных конференций, посвящённых А.А. Зиновьеву, осознаёшь многогранность личности публициста, логика, философа, писателя. Поэтому, чаще всего, на конференциях подобного рода (наиболее существенная – «Первые Зиновьевские чтения» [1, с. 208]) слово предоставляется, в первую очередь, политикам и общественным деятелям, затем уже философам и социологам. И только малую часть из предоставленных к выступлениям и к печати работ составляют суждения филологические.

Личность А.А. Зиновьева, с точки зрения филологии, волнует теоретиков литературы, рассматривающих произведения писателя с точки зрения жанра, языковедов, в центре внимания которых лингвостилистический подход к проявлению индивидуальности автора; анализируются и произведения автора – чаще всего, «Зияющие высоты».

К сожалению, наблюдается интерес только к социологическим аспектам художественных произведений Александра Александровича, поэтому обращение к литературному наследию Зиновьева как писателя носит часто пафосно-публицистический характер, не всегда имеющий под собой достаточно аргументированной почвы.

Так, например, политолог Евгений Амбарцумов заявляет: «Соедините Щедрина, Бердяева и Высоцкого и вы, возможно, получите известное представление о Зиновьеве»[2, с. 310]. В этом заявлении настораживает, прежде всего, слово «возможно». Но, помимо этого, подбор имён для «возможного» синкретизма наводит на определённые размышления.

Взяв для рассмотрения социологический роман А.А. Зиновьева «Пара беллум» о периоде истории СССР в андроповское правление государством, мы, во-первых, тем самым обращаем на него внимание, так как роман этот в достаточной мере литературоведами не рассматривался, а во-вторых, мы попытаемся обратить внимание на ту степень «именного» синкретизма, на который указывает Е. Амбарцумов в своём заявлении.

Действительно, подобно тому, как в большинстве произведений А.А. Зиновьева действуют безымянные герои, представляемые в своей определённой функции (например, в романе «Гомо советикус» это Писатель, Художник, Диссидент, Дама, Вдохновитель, Нытик, Циник и т. д. – С.А.), в «Пара беллуме» действуют и размышляют свои персонажи: Западник, Соперник, Немец, Социолог и другие.

Такого рода подход, при котором происходит своеобразная смена артистических масок, был, несомненно, знаковым явлением творчества В.С. Высоцкого. Однако, если известного поэта интересовал человек в его индивидуальном, культурно-языковом проявлении, позволяющем как можно полнее раскрыть его характер, то А. А. Зиновьева интересует человек как социальная личность. Автору романа важнее и интереснее наблюдать и анализировать язык логики своих персонажей, позволяющий автору полемизировать с ними – часто в саркастической форме.

Однако есть и прямые интертекстуальные пересечения двух известных авторов.

Так, в главе «Притча об Эйфелевой башне» романа «Пара беллум» рассказывается о мечте некоего Ивана побывать в Париже. Цель визита – плюнуть с Эйфелевой башни. Мечта героя осуществляется.

У В.С. Высоцкого в песне «Письмо к другу, или Зарисовка о Париже» герой с радостью сообщает своему адресату Ване:

И уже плевал я с Эйфелевой башни
На головы беспечных парижан.

В интерпретации известного барда важно не то, как герой попал в Париж, а важно, что «плюющий» на Париж русский турист Парижу в таком своём проявлении не нужен.

Для А.А. Зиновьева важным как раз является другое: «Десять лет Иван копил деньги на туристическую поездку во Францию. На работе вёл себя как самый образцовый работник и коммунист. Он добровольно записался в осведомители КГБ и занял первое место в соревновании на лучшего доносчика района» [3]. Также важно для писателя и то, что плевок Ивана рассматривается слушателями как момент наивысшего счастья героя, которое они с завистью разделяют: «Когда он вернулся домой, все сослуживцы, знакомые и родственники расспрашивали его о Западе. И он всем с гордостью рассказывал о том, как влез на Эйфелеву башню и плюнул с неё вниз. И все завидовали ему. Вот, мол, счастливчик! На Западе был! С Эйфелевой башни плевался!..» [3].

Ирония и сарказм, присущие А.А. Зиновьеву, конечно же, имеют свои традиционные корни, восходящие к приёмам сатиры прямого литературного предшественника – М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Зиновьевский регламентированный мир чиновников аппарата КГБ сродни щедринскому миру градоначальников города Глупова.

Жизнь Западника с его алогичными проектами и парадоксальными мыслями представлены на страницах романа «Пара беллум» в духе щедринского гротеска.

Сам Западник, предпочитающий жить не по-западному, в отличие от своих детей, вписывается в структуру литературного типа, подобно Иудушке Головлёву.

Так же литературными типами предстают перед нами Генсек и Соперник Западника.

Однако наблюдаются и определённые отличия.

В судьбе Социолога, в ходе его мыслей, представленных в романе, угадывается биографический автор, высланный за рубеж из собственной страны. Немец, в прошлом которого и было самое настоящее, как замечает автор, тоже автобиографичен. В юности этого героя, которая выпала на Великую Отечественную войну, угадывается юность военного лётчика Зиновьева.

Такой автобиографизм, вплетающийся в ткань произведения, для М.Е. Салтыкова-Щедрина не свойствен. Наблюдаются различия и в языке двух разных авторов. Для А.А. Зиновьева всё время важен

язык логики, для его предшественника важно показать противоречия между языком выводимого им литературного типа и народным языком: «Логической социологией я называю логическую обработку языка, на котором люди думают, говорят, пишут, слушают и читают о социальных объектах, т.е. о человеческих объединениях и о людях как о членах таких объединений, а также логическую обработку методологии исследований таких объектов. В необходимости такой обработки я убедился, когда начал более или менее систематически обдумывать ту информацию, которая у меня накопилась о советском социальном строе, о социальном строе современных западных стран и о том эволюционном переломе в истории человечества, который произошел во второй половине 20 века»[4].

Однако сатирические приёмы, используемые А.А. Зиновьевым, сродни щедринским.

Так, например, Западник часто показывается спящим или дремлющим, и сны его, как отмечает автор, «всегда ведомственные»[3].

В одной из глав с повторяющимся названием «Комиссия» сообщается об оживлении микроорганизма, возраст которого составляет пятьдесят тысяч лет. Члены комиссии рассуждают вполне серьёзно об оживлении деятелей коммунистической партии.

«Один член комиссии вполне серьёзно сказал: «Жаль, из Владимира Ильича мозг и все внутренности выкинули! Если бы его оживили, все пошло бы иначе!» А другой член комиссии тоже не в шутку заметил: «Не беда, со временем смогут все внутренние органы новые вставить! Оживят и Ленина!» – «А от Маркса, – сказал третий, – ничего не осталось. Не оживишь!» – «Если хоть одна косточка осталась, – возразил четвертый, – то по ней наши ученые всего Маркса восстановят.... По ним весь Первый Интернационал оживить можно!»[3].

Это сравнимо с тем, как М.Е. Салтыков-Щедрин изображает градоначальников Прыща, с фаршированной головой, и Брудастого, которому вместо мозгов вставлен органчик – с помощью последнего можно управлять всем городом.

Однако наиболее существенно прочтение романа «Пара беллум» в контексте идей Н.А. Бердяева.

Считаем необходимым отметить то, что «Зиновьев ... использовал всю неаналитическую мощь русского языка для решения аналитических, т. е. научных, а не литературных, по сути, задач исследова-

ния советского общества и, что не менее важно, для осознания своей личной ситуации и места в обществе»[5, с. 121– 122].

Поэтому искать прямых подтверждений связи литературных идей пусть даже и философского романа «Пара беллум» А.А. Зиновьева с идеями Н.А. Бердяева не представляется возможным в силу особой природы художественного произведения. Но на уровне определённых соотношений некоторые параллели провести можно.

Так, в одной из повторяющихся номинативно глав – «Будь готов к войне» – говорится о некоем Секретаре, прячущемся в бункере от предстоящей атомной катастрофы: «Вот будет интересно, если он уцелеет один со своей супругой и... с некоторыми прочими. Ведь тогда весь род человеческий произойдет от него, как от Адама, согласно Библии. А может быть, Библия не такая уж чепуха? Может быть, такое уже было однажды? Ведь развитие, согласно Ленину, идет по спирали, как их учили в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Новый шаг в развитии есть повторение прошлого на более высоком уровне. Интересно, как будут потомки изображать его и его супругу – с фиговыми листочками или без? Скорее всего – без. Всё-таки прогресс...._Кроме того, ради спасения человечества Секретарь готов принести в жертву это самое человечество»[3].

У Н.А. Бердяева можно найти следующее: «Материализация мира, его отяжеление и принудительность одной его части для другой – всё это порождение отчуждённости и вражды, т. е. падение Адама-всечеловека. Необходимость есть падшая свобода, свобода вражды и распада, свобода хаоса и анархии (курсив здесь и далее Н.А. Бердяева – С.А.). Принудительная необходимость всегда есть обратная сторона внутреннего хаоса и анархии, сдвига в иерархическом строе вселенной. Подлинная свобода есть выражение космического (в противоположность хаотическому) состояния вселенной, её иерархической гармонии, внутренней соединённости всех её частей»[6, с. 135].

В главе «Этапы пути» романа «Пара беллум» Наставник ведёт разъяснительную беседу с начинающим учеником Западником: «. Труднее всего поверить именно в правду.... В нашей работе это обычное дело. Дело не в том, что есть правда и что есть ложь, а в том, во что верят как в правду и что отвергают как ложь. В жизни вообще правда есть лишь замаскированная ложь, а ложь – слегка подправленная правда. Агентурная сеть – не научно-исследовательский ин-

ститут Академии наук, агентурная работа – не поиски истины. Мы имеем дело с умонастроениями и поведением конкретных людей, а не с абстрактными истинами»[3].

Н.А. Бердяев в работе «Новое средневековье» пишет: «Истина есть соединение, а не разъединение и разграничение, она совсем не заинтересована в том, чтобы так исключительно охранять возможность заблуждения, права на её отрицание и поношение, хотя сама Истина может быть Истиной о свободе. Но ведь что такое гуманистическая демократия, как не провозглашение прежде всего права на заблуждение и ложь, как не политический релятивизм и софистика, как не отдание судьбы Истины на решение большинства голосов? <...> ...время новой истории слишком долго задержалось на формальной свободе в принятии Истины, не совершив своего избрания, и потому образовало оно формы мысли и жизни, обоснованные не на Истине, а на формальном праве избирать какую угодно истину или ложь, т. е. создало беспредметную культуру, беспредметное общество, не знающее, во имя чего оно существует. Так дошло новое время до предпочтения небытия бытию»[7, с. 559].

Можно было бы приводить ещё массу параллелей между «не-аналитической мощью русского языка», которой насыщен каждый роман А.А. Зиновьева, и идеями Н.А. Бердяева. Мы привели только два, на наш взгляд, наиболее показательных примера, через которые ясно просматривается эта связь – не абстрактная связь, под которую можно «подшлифовать» любые философские идеи, а на социально-философском уровне, предполагающем такого рода соотношения между двумя мыслителями двадцатого века.

Однако и сводить всё к философским идеям Н.А. Бердяева не стоит. Достаточно сказать, что автор «Русской идеи» сам отсылает к другим философам – прежде всего, к Платону. Помимо этого, демонстрация регламентированных аппаратов ЦК КПСС и КГБ в изображении А.А. Зиновьева предполагают также и обращённость к систематизации явлений Аристотеля. Как видим в «Пара беллуме» и в других зиновьевских романах, идеи Гегеля автору тоже не чужды.

Также нужно помнить и об общей направленности идей А.А. Зиновьева и Н.А. Бердяева. Последний верит в некое провидение и в то, что «крестьяне и рабочие, социальный вес которых неизбежно возрастёт, будут стремиться к профессиональному, корпоративному представительству и самоуправлению, к «советскому»

принципу...»[7, 574]. А.А. Зиновьев анализирует настоящее, критикует какие-либо проекты, направленные на любое искусственное изменение социума, и предлагает для этого гротесковые модели антиутопических утопий (например, глава «Сказка о будущем»[3] – С.А.).

Таким образом, художественный мир А.А. Зиновьев подчинён определённым традициям, но в то же время проникнут определённым, уникальным своеобразием. Вдумчивый читатель нацелен на сопряжение своей мысли с идеями писателя, выраженными опосредованно, но сориентировано на свой социум.

Зиновьевский художественный мир нельзя сводить только к «возможной» триаде, из которой рождается нечто неординарное.

Исследователи творчества А.А. Зиновьева в последнее время обращают внимание на связь манеры письма автора «Зияющих высот» и «Пара беллума» с проявлением авторской индивидуальности другого писателя – А.П. Платонова [5, с. 121–123]. Но изучение этого соотношения ещё ждёт своего исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьевские чтения: материалы 1-й Международной научной конференции. Москва, 15-16 мая 2007 г. - М.: Изд. - во Моск. гуманитар. ун-та, 2007. – 208 с.
2. Е. Амбарцумов. Интервью с А. А. Зиновьевым//Зиновьев А. Зияющие высоты. – М., 1990. – С. 310.
3. А. А. Зиновьев. Пара беллум. – http://libbox.info/book_reading_140699.html.
4. А. А. Зиновьев. Логическая социология. –<http://www.zinoviev.ru/rus/logic.html>.
5. Фурсов А. И. Содержание, форма и жанр зиновьевских произведений как отражение русской реальности//Материалы 1 Международной научной конференции. – М.: Московский гуманитарный университет, 2007. – С. 118 – 123
6. Н. А. Бердяев. Смысл творчества//Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. – С. 15 – 334.
7. Н. А. Бердяев. Новое средневековье//Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. – С.545 – 628

Роздел 3

Социальное пространство и время

СПІВВІДНОШЕННЯ ФІЗИЧНОГО Й СОЦІАЛЬНОГО АСПЕКТІВ ЧАСУ В РОЗУМІННІ О. ЗИНОВ'ЄВА

СКОК Н.С.

Категорія часу відіграє важливу світоглядну роль у свідомості соціальних груп і класів, у ній виражається розуміння спрямованості соціальних процесів, «оформляється» відношення людей до сьогодення й майбутнього, визначається сенс людського існування. У радянській і пострадянській літературі розглядалися ті або інші аспекти соціально-історичного часу, зокрема проблема визначення об'єктивної сутності часу в аспекті бюджету часу (Зборовський Г.Є., Єлизар'єв Е.А.). Проблема соціального часу досить часто ставала об'єктом уваги таких сучасних учених, як Артемов В.А., Яковлев В.П., Цветков О.М., Нестик Т.О., Рекорд І.Г., Горяінов В.П., Наумова Н.Ф. та ін. Перше звернення до феномену часу у соціології пов'язано з ім'ям Дюркгайма Е., Міда Дж., Ясперса К., Сорокіна П.О., Мертона Р., Гурвіча Ж., Штомпки П.

Віддаючи належне науковій й практичній значущості робіт, у яких розглядаються всі вищевказані аспекти часу, необхідно відзначити, що в них не подається визначення самих понять минулого й майбутнього й опису властивостей суджень про минуле й про майбутнє. Оскільки минуле вважається чимось очевидним й зрозумілим: це те, що існувало й відбувалося до того часу, у який йде мова про минуле і який вважається сьогоденням. Аналогічно майбутнім вважається те, що буде існувати й відбуватися після того часу, у який йде мова про майбутнє і який вважається сьогоденням, але ясність тут примарна [1, с. 463]. Мета нашої роботи – визначити співвідношення соціального й фізичного аспектів часу, а також дослідити відносини минулого, сьогодення й майбутнього в соціальному сенсі, що необхідно для розуміння й структурування соціального майбутнього.

Загальновідомо, що категорія «час», уявлення про нього – один з найважливіших моментів для формування світогляду людини. Залежно від історичних умов змінюється не тільки уявлення про час,

але й відчуття його тривалості. У повсякденному сприйнятті час виступає як якась невизначена субстанція, у рамках якої простирається життя людей і відбуваються всі процеси. Будь-яке операціональне визначення повсякденних уявлень часу показує, що часто референтною рамкою виступають соціальні явища, а одиниці часу визначаються ритмом колективного життя [2, с. 112]. На думку О. Зинов'єва, фізичний аспект часу припускає емпіричні події та їх послідовність як опірні точки для абстрагування, усвідомлення й виміру часу, але самі ці події не є об'єктами дослідження. Соціальний аспект часу припускає, що час якось усвідомлюється людьми, береться до уваги й вимірюється, але увага орієнтується на реальне життя людей у часі [1, с. 464]. Соціальна подія, якщо навіть вона стихійно здійснюється людьми, проходить через їх свідомість, представляється спочатку як мета, стосується інтересу, зустрічає підтримку або опір суспільних сил. Ланцюг подій, ланцюг дій, застигаючи, кристалізується, опредметнюється – разом з ним опредметнюється сам людський час. У повсякденному житті, говорячи про минуле, мають на увазі події, що мали місце до часу, у який говорять про минуле і який вважають сьогоденням, а говорячи про майбутнє, мають на увазі події після цього сьогодення. При цьому зміст тимчасових понять залежить від ситуації. Минулим може бути вчора, минулий рік, минуле сторіччя. Майбутнім може бути завтра, майбутній рік, майбутнє сторіччя. Сьогоденням може бути сьогодні, поточний рік, що поточне сторіччя. У такому слововживанні терміни часу позначають саме час. Для відношення минулого, сьогодення й майбутнього в соціальному розумінні мало сказати, що вони впливають один за одним у часі. Тут передбачається якийсь емпіричний суб'єкт, що живе в часі, усвідомлює своє життя в тимчасовому аспекті й якось урахує це у своїй життєдіяльності. Таким суб'єктом є людина й об'єднання людей, що живуть як єдине ціле. Саме тому, що соціальний час є час людської діяльності, а діяльність людей має як продуктивний, так і репродуктивний характер, соціальний час можна «зупинити», «зберегти» і «розмножити», чого із природним часом зробити не можна [3, с. 6]. Для соціального суб'єкта фізичне теперішнє – це протяжний часовий інтервал, у якому він розрахує й робить свої дії так, начебто час не йде в минуле й не приходить із майбутнього. Своє життя він вважає теперішнім стосовно тих подій у фізичному минулому, про які він пам'ятає або дізнається від інших, але які не бере до уваги в теперішньому, а також

стосовно подій, які мислимі у фізичному майбутньому, і на які він теж не зважає як на реальність в його теперішньому [1, с. 464]. Позначення часу, у розумінні тривалості й вираження, пов'язані із соціальними діями або досягненнями. Періоди, вільні від значущої соціальної діяльності, не наділяють якими-небудь позначеннями. Тут час не триває – розрив можна побачити щоразу, коли конкретний період не містить соціальних інтересу або важливості [2, с. 115], тобто соціальний час розділяється на минуле, теперішнє й майбутнє щодо якихось соціальних суб'єктів. Як відзначав Зинов'єв О., соціальне теперішнє, у міру проходження фізичного часу, зрушується так, що частина сьогодення йде в минуле й частина майбутнього включається в теперішнє, тому соціальним минулим для соціального суб'єкта стають події у фізичному минулому, а соціальним майбутнім для нього є події у фізичному майбутньому, які ще не включаються в його соціальне теперішнє [1, с. 465]. Таким чином, можна відзначити, що соціальний суб'єкт усе більше у своїй життєдіяльності орієнтуються на передбачувані в майбутньому події, у настанні яких вони більш-менш упевнені. Повернутися в минуле фізично людина не може, однак у соціальному теперішньому для даного соціального суб'єкта можливі пожвавлення й відродження явищ, які вважалися явищами соціального минулого, так що еволюція цього суб'єкта сприймається як спрямованість у соціальне минуле [1, с. 468]. Слід зазначити, що ностальгія за достатньо абстрактним минулим, «коли в суспільстві був певний порядок», характерна для сучасної України, є серйозною емоційною основою підтримки конкретних політичних програм повернення до якої-небудь із попередніх політичних систем, якщо вони будуть заявлені досить авторитетними політичними силами. Тут реальне повернення як до архаїчно-традиційного суспільства, так і до соціалістичного. Однак більше реальним є повернення до цінностей комуністичного тоталітарного суспільства. Хоча комуністична система цінностей більшістю населення відкидається в прямій назві, серед населення дуже широко поширені патерналістські настанови й переконання [4, с. 339]. Проблема минулого – це невід'ємна частина майбутнього, творчість для того, який саме буде мати вигляд минуле в майбутньому. Широко поширене переконання, начебто майбутнє взагалі непередбачене. Зинов'єв О. переконаний, що це твердження помилкове, оскільки людська діяльність взагалі містить у собі компонент передбачення майбутнього в якості необхідного. Соціальне майбутнє є

явище у фізичному майбутньому щодо часу, коли робиться прогноз, але воно стане соціальним теперішнім для соціального суб'єкта, для якого робиться прогноз. У тому майбутньому стані цей суб'єкт буде відтворюватися, змінюватися й еволюціонувати в часі. Те, що вирішальним чином визначить цей стан даного суб'єкта в його майбутньому житті, зароджується й певною мірою формується в його соціальному сьогоденні [1, с. 497].

Окремо взяті свідомі дії людей характеризуються наявністю мети, плану й керованості. Ступінь спланованості, вивченості й усвідомленості соціальних явищ і поведінки людей збільшилася, зріс ступінь контролю за ходом процесів і слідування планам. Неймовірно підсилилися засоби маніпулювання масами людей і комунікації, а також засоби вирішення проблем великого масштабу [1, с. 502]. Зинов'єв О. відзначав, що проблема майбутнього це не просто проблема фізичного ходу часу, а проблема соціального статусу майбутнього, ставлення до нього людей, їх поведінки в їх соціальному просторі. Якби не було розходження фізичного й соціального майбутнього, не існувало би проблеми, але вклинився фактор соціального часу [1, с. 512]. У сучасному світі відбувається збільшення темпу життя людей, підсилюється їх ділова активність, але вони при цьому витрачають соціальний час. Соціальне майбутнє ніким не планується. Творчо він має бути вільним, оскільки він – резерв еволюції. Але сьогодні спостерігаємо тенденцію до скорочення соціального часу, заповнення його планами, проектами, справами і т.д. Люди втрачають те, що ще нещодавно було звичайним для дозвільної творчості, для несподіваних відкриттів, для випадків. Світ став практичним понад усякі межі. Творчий компонент у житті людини замінюється механічним, воно стає настільки практичним, що людям залишається в основному той простір, де ними можуть маніпулювати інші. Маніпулювання стало другою натурою людини. Люди вже не можуть нормально жити, коли ними не маніпулюють. Люди взагалі втрачають контроль за атмосферою маніпулювання [1, с. 513]. Маніпулювання в сучасному світі – це універсальний, загальнолюдський феномен. Стиль життя маніпулятора тримається на чотирьох «китах»: неправда, неусвідомленість, контроль і цинізм. Філософія життя актуалізатора відзначена чотирма протилежними характеристиками: чесністю, усвідомленістю, волею, довірою. Перехід від маніпуляції до актуалізації в цілому являє собою континуум від безжиттєвості й нарочитості до повноти життя й спон-

тності [5]. У сучасному суспільстві люди, самі не помічаючи цього, усе більше живуть за законами не соціального організму, а за законами соціального механізму. Відбувається механізація життя у соціумі. Уже зараз фізично детерміновані події соціального життя великою мірою домінують над соціальними [1, с. 515].

Таким чином, слід зазначити, що соціологія розглядає життя суспільства як таке, що спливає в часі. У соціологічному розумінні соціальний час, насамперед, пов'язаний з людською діяльністю, він є об'єднанням тривалості, послідовності, співіснування, а також обсягів людської діяльності та її результатів, які виступають у вигляді подій, процесів, предметів. Для відношення минулого, теперішнього й майбутнього в соціальному розумінні мало сказати, що вони спливають один за одним у часі. Тут передбачається якийсь емпіричний суб'єкт, що живе в часі, усвідомлює своє життя в тимчасовому аспекті та якимось чином ураховує це у своїй життєдіяльності. У сучасному українському суспільстві порушується зв'язок між минулим теперішнім і майбутнім. Повсякденне життя значною мірою впливає на сприйняття людиною теперішнього, прогнозування свого життя у майбутньому, неадекватну оцінку минулого, оскільки усвідомлення погіршень у теперішньому призводять до ідеалізації минулого. Цілком можна погодитися із думкою Зинов'єва О., що наше суспільство рухає до існування у фізичному майбутньому, а соціального майбутнього, швидше за все, у людства немає, оскільки відбувається стирання меж між соціальним і фізичним часом. Може статися таке, що людство буде жити лише у фізичному часі, тому що люди, роблячи своє життя усе більш технічно оснащеним, поступово втрачають його сенс, спрямовуються в рутину фізичного часу й перетворюються на автоматизовані істоти. Згідно з розумінням того, що для сучасного суспільства найбільш актуальним є теперішнє, структурування соціального майбутнього постає як проблема відмови від диктату минулого й розширення можливостей формування альтернатив майбутнього. Оскільки життєвий шлях людини – це безперервний ланцюжок етапів самореалізації, яка є головною метою життя людини, її соціального часу, спрямований у соціальне майбутнє. Ця проблема припускає необхідність знаходження й уточнення компонентів, які би не дали можливості здійснитися прогнозам Зинов'єва О. стосовно перетворення індивідів на автоматизованих істот, й стали підставою існування соціального майбутнього.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.А. Фактор понимания / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.
2. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // СОЦИС. – 2004. – № 6. – С. 112-119.
3. Яковлев В. П. Социальное время. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1980. – 160 с.
4. Панина Н.В. Аномия в посткоммунистическом обществе (на материалах исследований в Украине) // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И. Заславской. Вып. III. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 334-340.
5. Шостром Э. Человек-манипулятор: внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/shost01/txt04.htm>

**ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ**

ШАПОХИНА Н.П.

На основе познавательных способностей человека развёртывается его творческая деятельность, раскрывается его созидательная сущность [1, с. 56]. Понятие творчества ассоциируется с возникновением нового.

Творчество – необходимое условие развития материи, образования её новых форм, вместе с возникновением которых, меняются и сами формы творчества. Творчество человека лишь одна из таких форм. Считается, что выражение «творчество природы» не лишено смысла. Рассмотрение творчества в общей форме, как механизма продуктивного развития позволяет включить проблему творчества в уже исследованную область знания – в диалектику развития. В основу исходного определения творчества должно быть положено его самое широкое понимание. Обращение к специфичности человеческой деятельности, к социальной природе, социальным условиям и социальным результатам его практики заставляет трактовать творчество

сугубо социологически и праксеологически. Г.А. Давыдова, например, считает, что «для творческого отношения главным, определяющим моментом является воздействие человека на мир – изменение материальной действительности» [3, с. 25].

Научно-философский взгляд на мир не оставляет в нём места для какой-либо метафизической надприродной духовной силы – ни для Бога, ни для «животворного дыхания бессознательного», ни для Абсолютного Духа. Понятие деятельности с этих позиций применимо только к человеку; с ним и только с ним соотносится понятие творчества. Предпосылкой человеческого творчества является активность материи, взятой на всех её уровнях, такое атрибутивное свойство материи, как отражение. В получении нового знания большую роль играют логическое мышление, способы и приёмы образования новых понятий, законы логики. Но опыт познавательной деятельности свидетельствует, что обычная логика во многих случаях оказывается недостаточной для решения научных проблем; процесс производства новой информации не может быть сведён ни к индуктивно, ни к дедуктивно развёртываемому мышлению. Важное место в этом процессе занимает интуиция, сообщающая познанию новый импульс и направление движения.

Воображение, позволяющее нам представить себе сразу часть физической картины мира в виде наглядной картины, выявляющей некоторые её детали, интуиция, неожиданно раскрывающая нам в каком-то внутреннем прозрении, не имеющим ничего общего с тяжеловесным силлогизмом, глубины реальности, являются возможностями, органически присущими каждому человеческому уму; они играли и повседневно играют существенную роль в создании науки [2, с. 293].

Касаясь личности великого русского мыслителя А.А. Зиновьева, хочется отметить, что его биография показательна в отношении проводимого нами сравнения диалектического и метафизического принципов в понимании творчества. Достаточно много философов считают Зиновьева гением особого рода, воплощением *синтетического интеллекта*, многогранного феномена из феноменов. Он сочетал в себе вербальный, визуальный и логический интеллект, удивительную многогранность и мощь, вторгался в области и «физического» и «лирического».

Интуиция как специфический познавательный процесс, непосредственно продуцирующий новое знание, выступает столь же все-

общей, свойственной всем людям (правда в разной степени) способностью, как и чувства, и абстрактное мышление. Интуиция поддаётся экспериментальному изучению. Из работ, посвящённых исследованию интуиции посредством эксперимента, можно выделить труды психолога Я.А. Пономарёва, американского психолога Олтона, русмынского психолога К. Факуоару. Распространённость, всеобщность интуиции подтверждают многочисленные наблюдения над людьми в обычных, повседневных условиях; нередки случаи, когда в нестандартной ситуации, требующей быстрого решения в условиях ограниченной информации, субъект производит выбор своих действий, как бы «предчувствуя», что нужно поступить именно так, а не иначе. Категория «воображения» как априорно-трансцендентальной и спонтанно-синтетической способности – детище Кантовского трансцендентального идеализма. Она является первоинтенцией для многих будущих философских построений, в том числе для «идеальной реальности» немецкого классического идеализма, «творческой силы» символизма, «трансцендентального метода» Гуссерля, «пресуществления чувственным» Хайдеггера и т.д. В русле кантовской традиции лежит и точка зрения на то, что воображение – это срединная способность, расположенная между чувственностью и рассудком. Однако следует обратить внимание и на его универсальный характер. Воображение занимает такую же промежуточную позицию между чувственностью и разумом, между рассудком и разумом.

Всеядная сила воображения вынуждает говорить об особой реальности, создаваемой воображением вообще и творческим воображением в частности. Творческое воображение сознательно ищет иной, совсем иной реальности. Её называют Имагинативным Абсолютом. Термин «имагинативный» означает не воображаемый как «выдуманный», как некий иллюзорный обман. Это есть, действительно, нечто созданное воображением и утверждённое им как «бытие», как нечто сотворённое навеки. В современном ключе эта реальность уже именуется как виртуальная, которая позволяет вызывать в памяти образы и заполняет ими виртуальное пространство между нами и реальными объектами.

Воображение вообще и творческое в частности – это особая виртуальная реальность, в которой множество гносеологических реалитетов получает единое пространство для осуществления своих созидательных потенций.

Виртуальная видимость образа творческого воображения порождает реальное бытие философского творчества. Творческое воображение – это пресуществление виртуальным, точнее, пресуществление виртуальным бытием, изливающим своё «пре» через край сознания бытием реальным (образуя горизонт реального бытия). Трансцендентальные основы механизма творчества, как видим, достаточно мощны в своём проявлении и могут выступать в самых различных формах: оговорках, архетипах, сновидениях, подсознательных мотивах, вызывая вдохновение и эмоциональные потрясения. Можно много говорить о природе трансцендентальности, однако очевидно одно: её неоспоримое значение в решении проблемы творчества в русле её гносеологического рассмотрения.

Таким образом, возвращаясь и к феномену интуиции нужно заметить, что он непосредственно связан с отражением, хотя на первый взгляд, они выступают как совершенно разные понятия. Но отражение – это не просто взаимодействие, а результат взаимодействия, да и в получаемом результате не всё относится собственно к отражению, но только то, что остаётся от суммарного эффекта в результате элиминации из него всего связанного с природой отражающего объекта. Собственно отражение и отражаемый предмет соотносятся гомоморфно или изоморфно. Развитие свойства отражения связано с увеличением степени адекватности отражения и, с другой стороны, степени активности отражения (на основе его относительной самостоятельности) и степени его воздействия на отражаемый объект. Интуиция, так или иначе, тоже относится к результатам отражения, хотя и не доказывает это непосредственно.

Исследуя два крайних полюса в понимании феномена творчества, неизбежно приходим к выводу, что многие исследователи не без оснований обращают внимание на противоречивость его понимания, бинарность, двоякую сущность. Объективное и субъективное, слитые, в вечном конфликте, находят особенно яркое проявление для своей борьбы, в творчестве. Мир объективации для творчества имеет следующие признаки:

- 1) отчуждённость объекта от субъекта;
- 2) поглощённость неповторимо-индивидуального, личного - общим безлично-универсальным;
- 3) господство необходимости, детерминации извне, подавление и закрытие свободы;

4) приспособление к массивности мира и истории, к среднему человеку, социализация человека и его мнений, уничтожающая его оригинальность.

Проблему объективации и «приспособленческого» образа бытия, убивающего личность поднимал в своих трудах и А. Зиновьев: «Наш мир есть мир величин, причём величин огромных. Отдельный человек с его индивидуальной судьбой исчезает в этих величинах как безликая единичка не просто в нашем субъективном восприятии и описании реальности, а фактически, в самой объективной реальности. Тут не индивидуальные личности складываются в большие величины – в тысячи, миллионы, миллиарды, а безликие величины распадаются на столь же безликие единички. Личностей тут вообще нет» [4, с. 45]. С точки зрения тезаурусной концепции аргументация этого тезиса Зиновьева, представленная в «Глобальном человечнике», заслуживает особого внимания, поскольку она приоткрывает завесу над действительным строем тезаурусных конструкций, иными словами, частей действительности, освоенных социальными субъектами, и ассоциирует его с миром высших достижений человеческого творчества в аспекте субъектной культурологии [5, с. 93].

Субъективность творчества находит своё проявление в противостоянии добра и зла, что в свою очередь тоже можно назвать его сложной экзистенциальной диалектикой. Постигнуть угрозу зла человек может через страдание, мучение, которому придаётся поистине метафизическое, экзистенциальное значение. Анализ личностного подсознания обнаруживает множество продуктивных фантазий, через подсознание субъективное проявляет своё влияние, сопровождая внушительные аффекты, вдохновение, формируя инфантильно-архаические качества.

Непонятно, какой области знаний принадлежит главенствующая роль в творческом акте, но как объективные так, и субъективные факторы, активно задействованы в этом процессе и потому определяют когда и по каким условиям он развивается, на что и почему направлен.

Признавая в самой структуре творчества некую двойственность, мы неизбежно входим в диалектическое русло. Диалектика пронизывает любое философское течение. В свою очередь, отвергая метафизический подход, невозможно серьёзно и глубоко разобраться в проблеме. Именно поэтому двойственность творчества, которую можно

рассматривать с самых разных позиций, при её детальном изучении, помогает воссоздать более полную и первоначальную картину фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П.В, Панин А.В. «Теория познания и диалектика», М., 1999, с. 56.
2. Бройль Л. де «По тропам науки», М., 1992, с. 293
3. Давыдова Г. А. «Творчество и диалектика», М., 1996, с. 25
4. Зиновьев А. А. «Глобальный человек», М., 2006, стр. 45.
5. Луков В. «Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение, 2004, № 1, с. 93

ВЗГЛЯДЫ А.А. ЗИНОВЬЕВА НА СВЯТЛАЯ

ГОНЧАРОВА О. Н.

Многие ученые, такие как А. Бергсон [1], А. Юхвид [5], Д. Иванов [4], уделяли внимание понятию «виртуальная реальность».

Так, А. Бергсон считает, что главной особенностью живого творчества, является непрерывная изменчивость, сохранение прошлого в настоящем, либо продолжительность. Ученый утверждает, что виртуальное, которое является интеграцией настоящего в прошлое либо воспоминанием настоящего, способно разрушить время. Бергсон не связывает понятие виртуального с возможным. Наоборот, он противопоставляет виртуальное возможному, как реальное тому, что является только дублированием реального. Таким образом, А. Бергсон настаивает на реальности виртуального и рассматривает её как то, что имеет собственную реальность [1, с. 41 - 43].

А. Юхвид же понимает под термином «виртуальность» творческую силу личности, а под термином «виртуальный» - свойство реальности, которое указывает на владение виртусом как творческой, жизненной силой. Под термином «виртуальная реальность» Юхвид видит такую реальность, которая получает жизнь с помощью творческой силы личности – виртуса, которая и лежит в ее основе [4, с. 45 - 47].

В свою очередь, Д. Иванов полагает, что о виртуальности относительно общества можно говорить, поскольку общество становится похожим на виртуальную реальность, то есть может описываться с помощью тех же характеристик. Виртуализация в таком случае – это любое замещение реальности ее симуляцией (образом). Наконец, по мнению Д. Иванова, перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношения между образами, и есть перспектива виртуализации общества [3, с. 30].

Всё вышеназванное, по мнению А. Зиновьев, носит ненаучный характер. Кроме того, считает он и само название «виртуальный» является неудачным, так как оно акцентирует внимание лишь на одной стороне этого явления – на его вымысленности. А тот факт, что это – реализующийся вымысел, при этом игнорируется. Поэтому автор вводит иной, на его взгляд, более «адекватный» термин – «свиптальный мир».

Этимологически выражение "свипт" есть аббревиатура для комплекса таких слов: "символическое", "вводящее в заблуждение", "имитационное", "показное" и "театральное". Свиптальным А. Зиновьев называет такой аспект или признак некоторых действий людей (включая продукты этих действий), социальная роль которого может быть обозначена каким-то из слов, указанных в аббревиатуре, или их комбинаций. Свиптальность, иначе говоря, есть прежде всего аспект символичности, обманности, имитационности, кажущейся важности, показухи и театральности в человеческих действиях [2].

Этот аспект не исчерпывает всей характеристики таких действий. У последних имеется другой аспект, который А. Зиновьев называет субстанциальным, или сущностным. В этом аспекте действия характеризуются другими словами, отличными от указанных в аббревиатуре "свипт", например - такими: полезность, эффективность, рациональность, технологический уровень, социальная значимость и т.д.

Различные действия обладают различной степенью свиптальности. Со временем у людей развивается способность изобретать и совершать действия, специальной ролью (социальной функцией) которых становится свиптальность: производить на людей желаемое впечатление, вводить их в заранее намеченное заблуждение, имитировать субстанциальный аспект, символизировать и изображать действия. В этом случае социальной субстанциальной функцией этих дей-

ствий становится исполнение свиптальных функций. Мир человеческих действий разделяется на мир по преимуществу сущностных и по преимуществу свиптальных действий.

С социальным прогрессом разрастался, усовершенствовался и усиливался и свиптальный мир. Во многих сферах жизни людей он стал доминировать над миром сущностных действий. Стала возрастать степень свиптальности человеческих объединений в целом (человейников). Эта степень определяется числом действий с высокой степенью свиптальности и их значимостью в совокупности явлений жизни человејника. Когда эта степень достигает определённой величины, человејник становится свиптальным по социальному типу.

Свиптальность, с точки зрения А. Зиновьева, есть такое же реальное явление, как субстанциальность. Этим она отличается от того, что называют виртуальностью. Возможны свиптальные явления, которые не существуют эмпирически, существуют лишь на экранах телевизоров и компьютеров, лишь на картинах художников и в книгах писателей. Но свиптальность не ограничивается такими воображаемыми явлениями. И даже в случаях упомянутых воображаемых явлений их свиптальность заключается не в том, что они только воображаемые, а в том, чем они являются в той роли, в какой их изображают.

Как утверждает А.Зиновьев, свиптальность возникает на основе субстанциальности. Она даже претендует на то, чтобы ее воспринимали как подлинную субстанциальность. Свиптальные явления зачастую создаются специально. Свиптальные явления как явления социальные, взятые вне их противопоставления явлениям субстанциальным, подлежат действию общих социальных законов. Вместе с тем, в качестве свиптальных они имеют свои специфические законы, отличные от законов мира субстанциального [2].

А. Зиновьев исходит из того, что свиптальные явления зачастую создаются специально. Говоря проще, создается видимость необходимого события (масштаба, прохождения, его результата). Делается так, что свиптальная «шумиха» оказывается неизмеримо более важной, чем ее субстанциальный повод. В подтверждение этого А. Зиновьев приводит пример с подписанием договора между двумя странами [2]. «...Договор могли подписать чиновники даже не высшего уровня. Подписать в деловом порядке, без всякой шумихи. Однако его значение в средствах массовой информации раздули до размеров

эпохального события, вследствие чего для его подписания полетел глава высшей власти, с охраной, с толпой журналистов. Была торжественная встреча с почетным караулом, речами, банкетами и прочими компонентами ритуалов такого рода. В мероприятие были вовлечены тысячи людей. Были заняты все средства массовой информации ...» Таким образом, свиптальная шумиха стала важнее, чем ее субстанциональный повод.

Связанный с понятием свиптальности является, выведенный Зиновьевым, закон зеркальности [3]. Суть его заключается в следующем. В социальной эволюции одновременно имеют место две противоположно направленные ветви - восходящая и нисходящая. В них действуют одни и те же социальные законы. Но результат их действия в одной из них является зеркальным отражением результата действия в другой. Т.е. является похожим и одновременно противоположным, как это имеет место в случае отражения предметов в зеркале. В реальности явления субстанционального мира перемешаны с их свиптальными зеркальными копиями, что создает определенные трудности в их понимании. В повседневной жизни они существуют наряду друг с другом просто как различные и даже независимые. Требуется особые интеллектуальные средства, чтобы заметить их связь. Однако зеркала бывают разные, замечает А. Зиновьев. Бывают и кривые зеркала, искажающие отражаемые предметы до неузнаваемости. Как в «комнате смеха» с кривыми зеркалами. Как отметил А. Зиновьев, в этом случае сама реальность выглядит как в мире кривых зеркал. И чем сильнее старание в такой ситуации изобразить серьезную историю, тем карикатурнее она выглядит в зеркальном отражении [3]. Примером тому могут служить социальные события, происходящие в Украине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова О.А. Теория и практика виртуальной реальности: логико-философский анализ. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 165 с.
2. Зиновьев А.А. Возрождение Ибанска «Свиптальность». Электронный ресурс. Режим доступа - <http://www.zinoviev.ru/ru/ibansk/zinoviev-ibansk1.html>
3. Зиновьев А. А. Закон зеркальности. Электронный ресурс. Режим доступа - <http://www.Zinoviev.ru/ru/ibansk/zinoviev-ibansk11.html>.
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб: Петербургское Востоковедение, 2002. – 215 с.
5. Юхвид А.В. Философские проблемы компьютерных виртуальных технологий. М: Изд-во РАГС, 2006. – 104 с.

Раздел 4

Глобализация как социальный феномен

РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ЗЫБИЦЕВ В.Н.

В системе методологических подходов к исследованию глобальных проблем особое место принадлежит философскому подходу. Основанный на глубоком знании наиболее общих законов развития природы, общества и познания, философский подход позволяет выявить особенно важные узлы этой проблемы, ее наиболее общие внутренние и внешние стороны, вскрыть диалектику ее развития и связь с другими проблемами.

Феномен глобальных проблем затрагивает весь спектр взаимосвязей природных и социальных факторов. Поэтому их исследование требует комплексного подхода. А философия как раз, в отличие от частных наук, которые рассматривают отдельные стороны проблемы, рассматривает ее в целом, в наиболее существенных чертах и связях, в диалектической взаимосвязи природных и социальных процессов. Этим определяется ряд ролей, которые играет философия в исследовании глобальных проблем.

Прежде всего, следует подчеркнуть мировоззренческую роль философского подхода, благодаря которому происходит формирование всей системы взглядов человека на мир и на его место в этом мире. Ни одна глобальная проблема не может быть разрешена вне общего мировоззренческого контекста, в том числе и такая проблема как экологическая опасность.

От мировоззрения зависит направленность познавательной деятельности человека, практическая ориентация в мире, его готовность не только познавать, но и преодолевать опасности.

Следующая важная роль философского подхода в исследовании глобальных проблем - методологическая. Философия, взятая в единстве всех своих сторон, призвана не только описывать и объяснять феномен возникновения глобальных проблем, но и определять общий характер познания, его методологическое основание.

В то же время она не должна подменять собою конкретные исследования, проводимые в рамках отдельных наук, затрагивающих, так или иначе, проблемы экологической опасности, терроризма, голода, роста населения, ядерной войны и т.д.

Важно также указать на интегративную роль философского подхода в исследовании экологических проблем. Благодаря этой роли становится возможным на единой методологической основе интегрировать такие качественно разнородные науки, как, например, биологию и социологию, экологию и этику, промышленную экологию и медицину, социологию, демографию, и экономику.

Наряду с интегративной следует выделить информационную роль философского подхода. Информационные потоки, имеющие место в комплексе наук, так или иначе связанных с глобальными проблемами, обеспечивают поступление информации от одних наук к другим помимо философии. Но благодаря философии осуществляется обобщение информации, и в таком обобщенном виде она становится доступной для всего комплекса наук.

Благодаря философскому подходу выявляются основные этапы и определяются некоторые общие ориентиры в процессе исследования глобальных проблем. Важное значение имеет и то, что философский подход, в основе которого лежит идея единства мира и общей взаимосвязи предметов и явлений, нацеливает частные науки на учет не только прямых ближайших результатов, но и опосредованных, отдаленных последствий вмешательства человека в окружающую среду.

Следует также отметить организационную, регулятивную и преобразующую роль философского подхода. Он нацеливает на активизацию научной деятельности в процессе познания и преобразования окружающей природы и общества с учетом диалектики взаимодействия различных наук, на организацию совместных исследований по этой актуальнейшей проблеме современности, от решения которой зависит будущее всего человечества.

Философский подход ориентирует на более гибкое и рациональное использование природных ресурсов, совершенствование различных рычагов социально-экологической деятельности, формирование экологического сознания, подготовку компетентных, экологически грамотных специалистов.

И, наконец, философский подход не ограничивается чисто рациональными элементами. Он несет в себе значительный эмоциональный заряд, стимулирующий творческое вдохновение, целеустремленность и терпение в поиске путей и средств решения глобальных проблем, способствует формированию системы гуманистических ценностей и чувства ответственности за сохранение условий, необходимых для нормальной жизни людей.

Человечество в современную эпоху встало перед выбором, от которого зависит его будущее: идти либо по пути оптимизации условий своей жизнедеятельности, либо по пути возрастающей экологической опасности социальной напряженности к глобальной катастрофе. Всякому здравомыслящему человеку ясно, что второй путь неприемлем, что идти необходимо по первому пути, хотя этот путь сопряжен с большими трудностями. Их можно преодолеть, если опираться на все более глубокое знание законов природы и общества, на все более мощные рычаги научно-технического и социального прогресса.

Жизнь постоянно рождает все новые средства и способы решения глобальных задач, стоящих перед обществом. Внимательное отношение к ним, их изучение и использование в процессе совершенствования всей системы современного миропорядка присвоения природных богатств, с учетом ее технико-экономических, социально-политических и духовных факторов - необходимое условие успешного преодоления глобальных проблем и последовательной оптимизации социально-политических отношений в современном мире.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ФАКТОР ПОНИМАНИЯ

ОБУХОВА Н.А.

Говоря о современном украинском обществе, мы определяем его как постиндустриальное. В основе своей оно опирается большей частью не на производство, а на информационные технологии. Сегодня все чаще ставится вопрос не только об уровне социально-экономического развития, но и об уровне развития культуры, в широком смысле этого слова. Уровень культурного развития того или иного государства является объективным показателем не только духовного здоровья общества, но и отражает уровень решения проблем, которые стоят перед ним. О появлении «третьей волны», той самой, которая сейчас накатилась на мир, говорили еще в 20 веке западные футурологи. Это волна информации и культурных изменений. Современное общество, по мнению А. Тоффлера, «...предлагает бесконечное число жизненных ниш, больше свободы передвижения из одной из них в другую и больше возможностей создать собственную нишу, чем все предыдущие общества вместе взятые» [4, с. 12]. Информация сегодня стала движущей силой развития общества. Активное внедрение в повседневную жизнь информационно-телекоммуникационных технологий несоизмеримо расширило и ускорило процесс интернационализации не только экономических и хозяйственных, но также политических и социокультурных связей. Экран телевизора или монитора позволяет отдельно взятому человеку независимо от его географического местоположения получить доступ к социальному и культурному опыту других народов, познакомиться с традициями и обычаями иных культур. Таким образом, формы видения мира становятся значительно более многообразными, нежели в совсем недавнем прошлом. «Несомненно, подобное соприкосновение с иными культурными традициями накладывает свой отпечаток на национальные и религиозные основы жизнедеятельности, стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал, корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество» [5].

Оценка подобных тенденций развития человеческого сообщества весьма неоднозначна. С одной стороны, раздается множество вос-

торженных оптимистических прогнозов о возникновении единой великой культуры человеческой цивилизации на основе общепринятых законов политического и экономического развития. Тезис о необходимости стержневой идеи для успешного развития любой цивилизации или государства не нуждается в доказательствах. При всей множественности моральных норм, обычаев, привычек, форм поведения, люди, живущие в едином политико-культурном пространстве, нуждаются в неких общих ценностях и законодательных и поведенческих нормах, которые регулируют их жизнь. С другой стороны, эти же процессы порождают весьма пессимистические отзывы о начале культурной гомогенизации человеческого сообщества, так как невозможно гарантировать, что при создании "всеобщих ценностей", по которым будет развиваться человечество, будет налажен равноправный взаимовыгодный культурный диалог. Роль культуры в молодом государстве, которое проходит сложные трансформационные процессы, приобретает особое значение. На этом базируется важность формирования национальной культурной политики. В случае, если подобная политика будет взвешенной и продуманной, она сможет обеспечить правовое, институциональные и финансовые условия развития современной украинской культуры как ключевого фактора формирования зрелого демократического общества. Зрелое демократическое общество, в свою очередь, сможет сформировать национальную идентичность и выработать стратегию национального культурного развития в условиях глобализации. Термин «глобализация» употребляется уже довольно давно и широко распространен как в среде мировой научной общественности, так и в читательской аудитории. Существует множество книг, посвященных данной тематике, однако общепринятого определения понятия «глобализация» не выработано до сих пор. Отчасти это объясняется очень широким диапазоном явлений в экономической, политической и социокультурной сферах общественной жизни, к которым применяется данный термин. Следствием этого является возникновение новых понятий, описывающих те или иные изменения современного этапа развития человеческого сообщества, — финансовая глобализация, культурная глобализация, информационная глобализация.

Глобализация, охватившая мир, распространяется на все сферы общественной жизни, в том числе и культуру. Она выступает внешним фактором, обладающим мощным влиянием на характер и на-

правление культурных процессов в отдельном обществе. Подобный фактор характеризуется значительными деструктивными тенденциями унификации культурного пространства, порождая перед национальным государством проблему сохранения собственной культурной самобытности на международной арене и поддержки культурного разнообразия в обществе [6]. Подобные проблемы и угрозы современной культурной жизни являют собой объект внимания многих исследователей. Говоря о формировании национальной культурной политики, мы уже не можем не ставить задачу определить, является ли культура самодостаточным феноменом или же это инструмент развития общества, и, что не менее важно, решить, хотим ли мы интегрировать в мировую культуру или сохранить национальные особенности.

Мировая культура. Явление целиком связанное с процессом глобализации. О ней можно говорить бесконечно долго, и всегда найдутся аргументы в пользу формирования единой культуры в мировом пространстве. Однако при этом всегда следует учитывать опасность утратить идентичность, растворившись в идеалах Запада. Сегодня все больше распространяется тенденция к стандартизации способа существования человека, его материальных потребностей и духовных приоритетов. «Массовая культура». Следовательно, государству просто необходима культурная политика, обеспечивающая на национальном и межгосударственном уровнях направление влияния глобализации на увеличение возможностей развития национальных культур. Утверждается осознание культуры как весомого фактора общественного развития и характера его общественно-политических процессов и творческого потенциала.

Глобализация в истории человечества явление закономерное. Оно вызвано великим эволюционным переломом, который произошел в истории человечества в 20 веке. Его основное содержание заключается в том, что

а) человечество переходит от эпохи господства обществ к эпохе господства сверхобществ;

б) эволюционный процесс стал проектируемым и управляемым. Познавательный срез глобализации имеет два уровня: теоретический и эмпирический. Первый является определяющим и ведущим. Пока мы не узнаем и не поймем, что представляет собой тот или иной объект в его концептуальном, целостном виде, то мы не сможем понять

его истинное значение и назначение. Второй уровень выполняет уточняющие функции первого уровня. «Познать объект – означает понять его» [3]. Фактор понимания открывает дорогу научной истине и цели исследования – открытие законов объектов. Так, зиновьевская социологическая теория поясняет, что всем человеческим миром правят законы социальности. Обусловлены они природой людей и их социальных объединений – социальных объектов. Причём каждый из них стремится к самосохранению, самоупрочению и к расширению. В значительных масштабах тенденция к расширению подкрепляется целым рядом других стимулов. Основные из них – сделать свое окружение однородным и себе подобным. Отсюда – постоянно действующая установка проникать во все области социального пространства, куда есть возможность проникнуть и господствовать там.

В двадцатые годы прошлого столетия на Западе возникло особое социологическое учение – технократия. Оно возникло как отражение колоссального научно-технического прогресса. В результате этого прогресса научно-технический комплекс превратился в особую сферу человекиника, сопоставимую с другими основными сферами. В годы после Второй мировой войны он стал определяющим фактором в материальной культуре западных обществ. Технократическое направление западной социальной мысли еще более усилилось вследствие научных открытий и технических изобретений. Во второй половине XX века в эволюции материальной культуры произошел грандиозный качественный «скачок». Инициатива его исходила из западного мира. Он развил материальную культуру, не имеющую серьезной конкуренции на планете. На короткое время Советский Союз сделал значительную попытку вырваться вперед. Кое в чем она удалась, однако была остановлена.

Материальная культура проникает во все сферы жизни людей, возникает везде, где есть малейшая возможность для нее. Практически в жизни людей не остается места, где бы ее не было – где не ступала бы нога прогресса материальной культуры. «Современная материальная культура западнизма характеризуется такими чертами: предметы ее в западном мире производятся в огромных масштабах, производство стало массовым. Происходит усовершенствование и усложнение ее предметов, растет число их видов. Усложняются правила оперирования ими» [1, с. 212]. В XX веке сфера культурного производства эволюционировала до такой степени, что культурный

капитал и культурная политика становятся неотъемлемой частью развития общества. Образуются многочисленные профессии не только в ее производстве и усовершенствовании, но и в использовании. В большинстве случаев требуется специальное обучение оперирования ее предметами. Практически для всех членов общества требуется длительное обучение навыкам жить в среде современной материальной культуры. Общество тратит на это огромные средства и усилия.

Подобные тенденции можно наблюдать и в Украине. На уровне государственного дискурса можно проследить тенденцию рассматривать культуру как экономический ресурс. Это задает иной вектор развития культурной политики, требующей внедрения управленческих технологий в сферу организации культуры. Сегодня мы наблюдаем некий двойной процесс взаимодействия украинской и массовой культуры. С одной стороны, желание создать конкурентоспособную культурную продукцию ведет к тому, что деятели искусства часто просто копируют не самые лучшие образцы зарубежных песен, телепередач, книг. С другой стороны, стремление сохранить национальную специфику ведет к тому, что этим произведениям масс-культурного производства придают украинские черты. Вследствие этого можно наблюдать не то масс-культуризацию украинской культуры, не то псевдоукраинизацию массовой культуры. В любом случае, мы можем говорить лишь об отдельных жемчужинах современной украинской культуры в общем массиве временных подделок под национальный стиль [6]. В целом, речь идет об определенном приспособлении нашей культуры под иногда примитивные потребности масс-культурных потребителей.

В связи с этим, справедливым кажется утверждение А. Зиновьева о том, что сегодня есть все основания отметить увеличение степени несоответствия человеческого материала той материальной культуре, которая создается его самыми изобретательными представителями и при его участии. На первых порах не замечали, игнорировали или считали временными негативные последствия. Не заметили того, что человек, биологически сформировавшийся в естественной природной среде и развившийся в социальной среде, соразмерной среде природной, почти внезапно оказался в искусственной, созданной им самим среде материальной культуры. Человеческий материал оказался неподготовленным к такому перелому. С восторгом

приняв позитивные достижения этого перелома, он не сразу ощутил их негативных спутников и свое бессилие перед ними.

Новый уровень, на который в значительной мере уже поднялась социальная эволюция человечества и который обещает стать будущим его состоянием, стали называть информационным обществом. Говоря о подобном обществе исследователи разделяют точку зрения о том, что информация и доступ к ней приравняются к богатству и владению средствами производства. А. Зиновьев предлагает альтернативную точку зрения, кажушуюся более справедливой. В частности, он говорит о «захлабленности» планеты информационными отходами, приравняя их отходам индустриальным. «Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности человечества, но миллиарды людей не стали от этого ощущать себя богаче» [1, с. 215]. В мутном потоке того, что называют информацией, основную массу образует псевдоинформация, псевдокультура, средства моральной деградации человечества.

Распространение подобной псевдокультуры является следствием глобализационных процессов. По своей сути глобализация представляет собой новый вид масштабной войны западного мира. Она обусловлена послевоенным процессом превращения западной цивилизации в сверхцивилизацию западнистского типа – глобальное сверхобщество во главе с США. По определению А. Зиновьева, глобализация – это «теплая война». В ней агрессивные невоенные действия перемежаются с «горячей войной», т.е., прямыми военными действиями. Инициатива и основания глобализации исходят с Запада, осуществляется она в его же интересах. Все остальные участники процесса являются ее объектами и используются в качестве расходного материала. Как пример может выступать современная Украина. Нам следует обратить на это внимание, поскольку наряду с позитивными тенденциями интеграции в мировую культуру мы можем не заметить как утратили свою собственную. Открытость новому не должна означать отказ от своего собственного, иначе есть опасность проиграть в «теплой войне» и стать частью безликого западнистского общества, в котором «этнические объединения борются за лучшее положение» и не более того.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А. А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 212.
2. Зиновьев А. А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 215.

3. Бухтеев Н. И. Методологические аспекты изучения глобализации // Вестник Донецкого отделения социологической ассоциации Украины, 2008. – Вып. 1-2 (6-7). – С. 21-29.
4. Toffler A. Future shock. – N. Y. Madison, 1999. – P. 12.
5. Арапова Н. Культурный плюрализм в условиях глобализации культурных и информационных процессов [Электронный ресурс] / Режим доступа к журналу: <http://www.tolerance.ru>
6. Бакальчук Б. О. Культурна самобутність як фактор національної безпеки України: гуманітарний аспект. [Электронный ресурс] / Режим доступа к журналу: www.niisp.gov.ua/vydanna/papogama. – Заголовок с экрана.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА ПЕРЕЛОМЕ XX – XXI в.в.

КАНДУБА Л.Ю.

Международные отношения после окончания Второй мировой войны определялись несколькими факторами: конфронтацией по типу холодной войны, кардинальным изменением соотношения сил, обретшим форму биполярной системы, а также, безусловно, глобализацией. В соответствии с новыми условиями трансформируется внешняя политика практически всех государств. В значительной степени это касается и внешней политики Великобритании, которая утратила статус великой державы и превратилась в государство «второго эшелона», пережила болезненный процесс превращения империи в Содружество, а также оказалась перед лицом непростой дилеммы атлантизм-европеизм.

Целью данной работы является выявление особенностей последствий глобализации для внешней политики Великобритании.

Изучению проблем глобализации посвящено множество специальных и общих исследовательских работ, как в Украине, так и за ее пределами. В 2001 году в Москве проходил международный семинар, посвященный проблемам глобализации. Участия в дискуссии принимали ведущие специалисты по проблемам глобализации. Среди них

Вебер А., Косолапов Н., Кочетов Э., Чешков М. Серьезностью и основательностью в сфере исследования глобализации отличаются труды Володина И., Данилова В., Дахина В., Кувалдина В.

Зарубежная историография представлена работами Ульяка Бека [1], Иммануила Валлерстайна [4], Лоуренса Клейна [10], Мэттью Слотера [11], Энтони Гидденса [5].

Одним из неординарных исследователей такого явления как глобализации являются российский исследователь Александр Зиновьев. В своих работах он рассматривает глобализацию как системный процесс и утверждает, что «этот процесс является в реальности покорением всего человечества западным миром как единым целым»[6, с. 263].

Однако существует множество подходов к пониманию значения глобализации и само отношение к этому процессу неоднозначно [8, с. 32-39].

Международная обстановка после Второй Мировой войны изменилась не в пользу Великобритании. Англия в значительной степени пострадала от изменения характера международной системы. Что выразилось в том числе в значительном увеличении разрыва между экономической и военной мощью Великобритании и США. Лондон прошел довольно непростой путь осмысления своего нового статуса» [6, с. 30-34]. Одним из ключевых моментов в этом процессе стал Суэцкий кризис»[7, с. 560-572].

Хотя Вашингтон возглавил Запад в годы «холодной войны», но речь именно британца Черчилля в Фултоне стала манифестом этой войны, которая во многом определяла не только характер взаимоотношений между Западом и Востоком вплоть до 90-х годов XX века, но и направление внешней политики мировых государств после распада СССР.

Лидерство Соединенных Штатов и в годы «холодной войны», и после ее окончания, природа нынешней мировой политики имеют различные интерпретации. А. Зиновьев, к примеру, считает, что продолжается период «теплой» войны» [9, с. 456]. А Великобритания снова формулирует новые подходы к «особым отношениям» с США. Сегодня граждане Соединенного Королевства волнуют проблемы, которые носят "вечный" и "глубинный" характер.

У России и Англии есть общие моменты в основаниях их стратегии - промежуточное географическое положение: у первой - на

стыке между Азией и Европой, у второй - между Европой и Северной Америкой. Обе страны давно озадачены проблемой поиска своей роли в мире. В России и в Англии часто говорят о Европе в третьем лице, тем самым, подчеркивая своеобразие своей международной субъектности.

Оба государства поочередно испытали шок от потери своих империй. В обоих государствах остро стоит вопрос идентичности, умы взволнованы размытостью понятия "нация", в разгаре споры об унитарном, федеративном, региональном устройстве. На состояние национального самосознания сильное влияние оказывает проблема сепаратизма - Северная Ирландия и Чечня как примеры.

Умы России пытаются разобраться в "российстве" и "русскости", ломают голову над вопросом: Великая Россия или Московское княжество? А на туманном Альбионе бьются над проблемой "британства" и "англичанства", задаются вопросом: Великая Британия или маленькая Англия? Вот лишь некоторые названия книг, вышедших в Англии в последние годы, авторы которых озабочены вопросом самоидентификации страны и реформами лейбористов по федерализации ее унитарного устройства: "Смерть Британии", "Ликвидация Британии", "Как быть британцем?", "Знаем ли мы, кто мы есть?" [14, с. 404-407]. Конечно, в России мы говорим о межкультурном расколе (или слиянии, переходе - как кому нравится) в ментальности, имея в виду азиатскую, восточную и европейскую, западную ипостаси. В Англии это проблема западной внутрицивилизационной неоднородности.

Одна из сложнейших задач, стоящих перед Британией – поиск баланса между ключевыми векторами ее политики: европейским и атлантическим. В условиях глобализации британские евроскептики боятся, что Британия станет провинцией Европы. Британские евроэнтузиасты опасаются, что их страна станет еще одним штатом США. Глобальное лидерство Вашингтона – это один из важных аспектов интеграции Западного мира, поэтому опасения, по сути, это стремление к защите от поглощения индивидуальности.

Еврофобы в Англии давно вынашивают проект англосаксонского союза, союза англоязычных наций, так называемой евросферы, в которую могли бы войти, помимо Англии, США, Австралия, Канада, Новая Зеландия и Ирландия. Еще Уинстон Черчилль говорил о возможности "единого англо-американского гражданства". Конрад Блэк,

один из последователей этой идеи, пишет: "Британия географически, культурно и политически находится в центре Атлантического сообщества, тогда как по всем этим позициям она на периферии европейского порядка"[3,с.3]. Его единомышленник Роберт Конкест в более экзистенциальных тонах говорит об англоязычных государствах: "Мы обладаем физической способностью и моральным престижем сохранить хрупкий мир на международной арене и в перспективе оказаться в ее центре, являя пример мировому сообществу" [3, с.4].

У сторонников англосферы есть свои аргументы. Так, в 1990-е гг. прямые

британские инвестиции в экономику США в два раза превосходили инвестиции в страны ЕС, в то время как инвестиции США и Канады в экономику Великобритании превысили аналогичные вложения стран ЕС вместе взятые. Еврофобы указывают и на то, что США и Британия имеют родственную философию антиэтатизма, свободной торговли и прорыночной политико-экономической культуры.

В США эти настроения встречают понимание. Патриарх американского политического истеблишмента Генри Киссинджер считает нужным сохранить статус "особых отношений" между Англией и США, поддерживает идею двухскоростной интеграции Европы »[9, с. 750-755].

Однако на вопрос, кто в случае кризиса будет главным внешне-политическим союзником Британии, еще больше людей отдают пальму первенства США, за которыми с большим отставанием следует Европа. В то же время большинство англичан считает, что в вопросах экономики Лондон должен учиться у Германии, а в вопросах демократии - у США.

Англия стала главным союзником Соединенных Штатов в Ираке, включая неоднократные совместные бомбежки. Блэр взял на себя незавидную роль главного «разъяснителя» для мировой общественности действий НАТО против Югославии. С другой стороны, когда США заявили о своем выходе из Киотских соглашений по ограничению вредных выбросов в атмосферу, заместитель Блэра Джон Прескотт недвусмысленно осудил это решение.

В ряде вопросов Лондон занимает выжидательную позицию, например, отмалчивается по поводу радарных станций раннего предупреждения в Йоркшире, которые США необходимо задействовать в проекте НПРО - новой версии "звездных войн". Но мало кто сомневается, что

Лондон и Вашингтон в конце концов найдут компромисс. Кроме того, Британия активно подключилась к созданию европейских сил быстрого реагирования, которые, как не клясться в верности НАТО, объективно повысят, хотя и не в ближайшем будущем, независимость Европы от США в вопросах безопасности.

Усиление проевропейских настроений во внешней политике Англии отразилось и на ее отношениях с Россией, в которых она стала занимать более самостоятельную роль. Такого рода позиция закономерна, так как глобализационные процессы вынуждают стремиться к независимости от государства-лидера»[8, с.530]. Всем памятен неоднозначный блиц-визит Тони Блэра в Санкт-Петербург в марте 2000 года, который оказал тем самым неоценимую услугу кандидату в президенты России Владимиру Путину на фоне бичевания Москвы в Совете Европы за Чечню.

Таким образом, вряд ли следует ожидать от Англии в обозримом будущем окончательного выбора в пользу Вашингтона, Брюсселя или какой-либо "оси". Похоже, что в международных делах Лондон будет и дальше использовать выгоды своего срединного геополитического положения, акцентируя те или иные свои предпочтения в зависимости от обстоятельств.

Одним из новейших проявлений дальнейших поисков места Соединенного Королевства в западной системе координат стала концепция "третьего пути", выдвинутая "новыми лейбористами". Один из важных элементов концепции - поиск золотой середины между североамериканской и континентальной европейской моделями развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С.9-34.
2. Вебер А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? //Мировая экономика и международные отношения, 2001, № 12, с.50-51.
3. Великобритания –Евроамерика западного мира// «Независимая газета», июнь 2001 г. - http://www.icas.ru/gromyko_ar1.htm/
4. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века.- М., 2003.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь.- М., 2004.
6. "Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева". / Отв. ред. А.А. Галкин. М.: ИСП РАН, 2003, <http://www.gromyko.ru/Russian/Brit/brit20.htm>
7. Дюррозель Ж.-Б. Історія дипломатії від 1919 р. до наших днів: Пер. с фр. -К.: Основа, 1995.-903 с.
8. Зиновьев А.А. Логическая социология.- М.: Социум, 2002.- С. 263.
9. Зиновьев А.А. Фактор понимания.- М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.- 528 с.

10. Киссинджер Г. Дипломатия: Пер. с англ. В.В. Львова- М.: Ладомир, 1997. - 848с.
11. Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации.//Мировая экономика и международные отношения, № 2, 2002.
12. Лоуренс Клейн. Глобализация: вызов национальным экономикам-
rusref.nm.ru/indexpub204.htm
13. Мэттью Слотер Новый курс для глобализации /"Россия в глобальной политике". № 5, Сентябрь – Октябрь 2007, <http://www.globalaffairs.ru/numbers/28/8543.html>
14. Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. – М.: Анкил, 2008.- 408с.

Раздел 5

История как согласованная картина прошлого

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗИНОВЬЕВ О СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ВИДЕНИЯ

КАПЫШЕВИЦЕВА Е.В.

Изучение творчества А.А. Зиновьева актуально и общезначимо. Для того чтобы убедиться в этом, рассмотрим основные положения его социально-философской концепции в контексте давнего спора об истории и человеке, происходившего в мыслительном пространстве классической и неклассической философии.

Философия классического периода, прежде всего, в лице философии Гегеля, утверждала прогрессистски-оптимистический, разумный путь развития истории и личности. «Все действительное разумно; все разумное действительно» – хрестоматийное высказывание Гегеля, ставшее философским кредо классического новоевропейского понимания истории и человека. В свою очередь, неоклассическая философия от Шопенгауэра до экзистенциалистов, исходила из волюнтаризма, абсурдности, иррациональности истории, необоснованности любых форм прогресса и оптимизма, определяющих иррациональ-

ность поведения человека. Будь то шопенгауэровское понимание человека как «единственного животного, способного истязать других ради самой цели: заставить страдать», будь то экзистенциалистское утверждение духовной выдержки человека, заброшенного в иррациональный, вышедший из-под его контроля поток событий.

Зиновьев, несомненно, правда, не оговаривая этого, участвует в обозначенной дискуссии XIX – XX веков. Однако участвует в ней с позиции философа XXI столетия, осмыслившего принципиально новые «развязки» в данном споре и, внося в него тем самым свои, новые, весьма тонкие и четкие уточнения.

История, по Зиновьеву, как сфера жизни людей есть сочетание естественного и искусственного, биологического и сознательного. Для того чтобы оценить смысл данного положения, необходимо раскрыть существенный для Зиновьева подход к пониманию «сознательного». Данный подход включает в себя две основные мысли. Первая мысль состоит в том, что «сознательное действие не всегда рационально (разумно) в смысле соответствия условиям и успехам» [3, с. 112]. Вторая мысль утверждает, что «степень сознательности действий» [3, с. 299] в истории человечества нарастает; что «сознательный и планомерный элемент» [4, с. 384] стал доминирующим среди факторов эволюции.

Какие выводы следуют из обозначенных положений Зиновьева?

В методологическом плане подход Зиновьева означает актуализацию античного (а античность, как известно, знала все), еще платоновского понимания мыслительных структур сознания как рассудка и разума [5, с. 319–320]. В русской философской традиции «разуму» принято было противопоставлять «ум», который, согласно В.Н. Татищеву, обращается в «разум» благодаря просвещению [1, с. 141].

Возрождаемые Зиновьевым оттенки «сознательного» или, точнее, применение им этих смысловых оттенков к анализу истории и человека, позволяет по новому подойти к проблеме соотношения разумности и иррациональности в эволюции общества и человека. История, по Зиновьеву, коль скоро это история людей (социальных индивидов), не столько разумна, как думал Гегель, а вслед за ним (правда, по-другому) Маркс, сколько рассудочна, причем рассудочна в аспекте «интересов и соотношения сил в настоящем, не считаясь с последствиями будущего» [3, с. 304]. Именно эта рассудочность, а не разумность истории, вытекающая из рассудочности, но далеко не ра-

зумности человека, позволяет Зиновьеву, как мы считаем, говорить об иррационализме в истории, по крайней мере, именно здесь находить ее причины. Нарастание сознательности в истории, по мнению Зиновьева, естественно и даже закономерно. Оно проявляется в «возникновении качественно новых, более высоких уровней организации» [3, с. 84] социальной материи. Так, на месте «предобществ», не имеющих рациональной организации, возникли общества, которые обладают ею. Причем развитие названного процесса шло естественно, т.е. направление эволюционного процесса определялось «в результате ожесточенной борьбы различных сил в течение десятилетий и веков» [3, с. 87] в ходе установления соответствия естественного искусственному, в ходе самоорганизации и самосохранения «человека».

Впрочем, нарастание сознательного в историческом процессе способно иметь свой «потолок», предел, выход за который означает нарушение меры соответствия искусственного естественному. К явлениям такого рода Зиновьев относит широкомасштабную проектно-эволюционную деятельность человека, получившую широкое распространение в XX веке. Осуществляемая «в пользу одних и во вред другим» [4, с. 387], претендующая на волевое изменение направления естественного хода истории социально-проектная деятельность есть, по Зиновьеву, основа социального иррационализма или, как он говорит, «сверхрационализма», имеющего конкретно-исторические формы деструктивности. Их «первыми ласточками» стали массовые общества и феномен массового человека, зафиксированный и описанный в творчестве теоретиков масс. Результатом современного социально-эволюционного «сверхрационализма» Запада являются различные формы антиглобализма в мире как борьбы за право выбора эволюционного развития. «Если советские коммунисты, - весьма недвусмысленно пишет Зиновьев, - стремились перестроить мир по коммунистическому образцу, то после сокрушительного поражения советского коммунизма западный мир перехватил инициативу и начал преобразование образа жизни народов и стран планеты по своему, западному образцу. Но и он подвластен тем же самым объективным законам социальной эволюции» [4, с. 388].

Философ выделяет основные формы современного «сверхрационализма» как осуществляемого Западом социального проекта глобализации мира. К ним он относит разрушение государственной, эко-

номической, социально-политической телесности глобализируемых стран на основе стерилизации «менталитетной сферы» членов соответствующих «человекиков».

Поиск философом путей «блокирования современного «сверхрационализма» определяет его пристальное внимание к биосоциальным, «коммунальным» сюжетам человеческого бытия, объективно выполняющим роль механизмов «сглаживания ущерба, привносимого сознательно-волевой, но отнюдь не всегда разумной активностью людей» [4, с. 387]. Последнее обстоятельство объясняет органицизм и «человекиковость» его социальной философии жизни.

Как соотносится теория Зиновьева с органицистскими, в том числе одноименными («философия жизни») учениями XX века? Известная близость обозначенных концепций теории Зиновьева ограничивается предметной близостью – интересом к жизни человека в ее социоорганическом понимании. Вместе с тем Зиновьеву глубоко чужд волюнтаризм, перспективизм и «текучесть», присущие в понимании человека Шопенгауэру, Ницше и экзистенциалистам.

Бесконечно далек зиновьевский феномен жизни со всеми его законами рационального эгоизма и от социал-дарвинистских концепций, сводящих закономерности человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и естественному отбору.

Предметом социально-философской заботы Зиновьев является жизнь человека и общества во всей их целостности и внутренней адекватности, что привносит в его логику своего рода античный соматизм и «скульптурность». Так, главный персонаж социально-философской антропологии Зиновьева – социальный индивид со всеми его эгоистическими наклонностями – это скорее античный софист с его парадоксом следования природному и неследования придуманному людьми закону. Соответственно социальный индивид Зиновьева ничем не похож ни на обозленного атомизированного индивида Гоббса, ни на массового человека Ортеги-и-Гассета или Маркузе. Первый – есть иллюстрация универсального поведения человека в социуме; второй демонстрирует конкретно-историческую агрессию взбесившегося экономического человека «новоевропейской волны», наконец, третий – есть одномерный вырожденец социального индивида.

Итак, социальный индивид Зиновьева – это социальная подоплека поведения, присущая в той или иной мере поступкам любого че-

ловека, т.е. человека реального со всеми свойственными ему слабостями и недостатками. Последнее обстоятельство в силу имеющегося у реальных людей права добровольного выбора в пользу того или иного поступка не исключает появления среди массы «софистов» и Сократа. Нравственный человек, по Зиновьеву, - это «вспышка» на фоне социальности, проявляющая себя в «добровольном моральном самоограничении» [2, с. 263]. И действительно, история знает миллионы таких вспышек, сопоставимых с сияющим кантовским звездным небом, но отнюдь не с включаемой кем-то лампой дневного света.

Коль скоро это так, то логично в центре внимания социальной философии Зиновьева находится такой социум, такое социально-биологическое целое, в котором человек мог бы жить, оставаясь реальным человеком, человеком, какой он есть. Лучший вариант бытия для своего «софиста» Зиновьев усматривает в рационально организованном обществе – независимом национальном государстве – где существуют предпосылки для того, чтобы не дать «софисту» превратиться в «Iurius»а. Утверждая это, философ прекрасно знает об эфемерности преобразования «софиста» в Сократа. «Софист» хочет жить, поэтому философская смерть во имя идеалов ему глубоко чужда. Поэтому ни о каком этическом рационализме, пусть самого возвышенного, сократического, толка, речи идти не может.

Однако агрессивные попытки построения «глобального чело-вейника» за счет превращения хитроумного Одиссея в жалкого, управляемого низкими инстинктами Вакха заставляют философа неустанно отстаивать свободу внутреннего мира реального человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров М.Г. Развитие понятий и предмета философии в истории ее учений. – Л., 1982.
2. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М., 1994.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М., 2000.
4. Зиновьев А.А. Логическая социология. – М., 2003.
5. Платон. Государство. // Соч. Т. 3 (1). – М., 1971.

ИСТОРИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ В РАБОТАХ А.А. ЗИНОВЬЕВА

КАМЕНКО Е.Ю.

Современная историческая наука развивается в двух направлениях: изучение реальных событий прошлого и отражение их в работах историков. Поскольку история как предмет обладает практической общественной значимостью, и предполагает не только популяризацию знания о прошлом, но и формирование социальной памяти, то ее правильное функционирование неразрывно связано с методологическими концепциями освещения минувших событий. Кроме того обществу на всех этапах его развития необходимы свидетельства своего существования в прошлом, которые объясняют или оправдывают настоящее, часто за счет исторической достоверности. Поэтому механизм социальной памяти наиболее четко проявляется в тех обществах, где закрыт доступ к получению информации и не возможна апелляция к документальным материалам как средству уточнения событий. Таким образом, мы можем говорить о том, что формируя социальную память историк вторгается в сферу воздействия на социальную идентичность, а следовательно проблема методологии исторического познания является стратегически важной для развития общества в целом.

Следует отметить, что на сегодняшний день существует целый ряд методик и стандартных процедур изображения прошлого. Создание гипотез, подлежащих проверке на соответствие имеющимся фактам, представляет собой один из способов «самосохранения» историка от бессознательного подчинения своих интерпретаций прошлого собственным субъективным взглядам. В этой связи следует отметить ценность идей историзма в работах русского логика А.А. Зиновьева, признающего независимость прошлого от идеологических нагрузок настоящего. Рассматривая историческую гипотезу как конкретное применение социальной теории он обратил внимание на необходимость не только предварительного анализа конкретного исторического эпизода, но и на формирование представления о природе общества и его социальной культуре.

Для историков теория чаще всего означает интерпретационную схему, придающую исследованию импульс и влияющую на его ре-

зультат, что не совсем соответствует принципу историзма. В современной научной практике большое влияние на формирование исторического сознания оказывают две четко различаемые группы теорий. Одна из них изучает проблемы смысла минувших событий и отображения их. Другая – научная критика источников. Современная историческая наука использует возможности, предоставляемые другими дисциплинами – психоанализом, социологией, культурой, антропологией и т.д., что дает ей возможность расширить спектр познания.

Изучая историческую ретроспективу природы общества – его социальные структуры, А.А. Зиновьев, опираясь на чрезвычайно богатую интеллектуальную традицию, отмечает, что ни один историк, стремящийся понять характер крупных изменений, происходивших в мире, не может позволить себе игнорировать социальную теорию [3, с. 25]. В этом главная причина, почему марксизм пользовался таким влиянием, и почему историки продолжают обращаться к нему даже сейчас, когда уже ясно, что политическое будущее коммунизма не выглядит многообещающим. Если рассматривать историю с позиций социальной теории, то можно выделить три аспекта исторического познания. Во-первых, это трудности, связанные с постижением взаимосвязи всех измерений человеческого опыта в конкретный период. На практике для большинства историков вплоть до конца XIX в. это не представляло особой проблемы, поскольку их интерес в основном ограничивался политической или конституционной историей, а значит, весь необходимый им концептуальный аппарат сводился к некоему понятию государства. Однако в XX в. расширение сферы исторических исследований и объема источников в сочетании с необходимостью тематической специализации требовали все больше и больше мыслить абстрактными категориями. В XXI веке историк неизбежно попадает в ловушку, раздробляя прошлое на «политическую», «экономическую», «интеллектуальную» и «социальную» историю формируя таким образом «тотальную историю», которая в свою очередь требует создания новой концепции того, каким образом составные компоненты человеческого опыта связаны друг с другом, формируя единое целое – некую структуру человеческого общества. Большинство исследователей ограничиваются тем, что примитивно проводят аналогии с физическим миром, уподобляя общество либо организму, либо механизму, либо структуре. Все эти метафоры

представляют собой попытку преодолеть примитивное представление о том, что какая-нибудь одна сфера жизни человека определяет все остальные, и выразить взаимные и подкрепляющие друг друга отношения между основными категориями человеческой мысли и деятельности.

Особое внимание историки уделяют объяснению перемен или их отсутствию. В связи с этим преобладающим интересом неизбежно возникает вопрос, имеют ли крупные изменения в истории некие общие характеристики? Существует ли «социальный мотор», с помощью которого может быть приведен в движение процесс перемен, и если да, то из чего он состоит? При выдвижении гипотез по конкретным проблемам историкам часто бывает трудно избежать соблазна и не попасть под влияние современных социальных теорий.

Самые амбициозные концепции стремятся объяснить не просто, каким образом происходят изменения в истории, но и определить направленность этих изменений, их цель – дать представление о судьбах человечества, наделив историю смыслом. Средневековые ученые представляли себе историю как линейный путь от Сотворения мира к Судному дню, определяемый божьим промыслом. К XVIII в. эта точка зрения приобрела светский характер, обернувшись идеей прогресса: история стала означать процесс материального и интеллектуального совершенствования, результатом которого в будущем станет торжество разума и счастье всего человечества. Модифицированные варианты этого взгляда сохраняли мощное влияние в XIX в.: история была не чем иным, как формированием национальной идентичности и ее политическим воплощением в виде национального государства. Сегодня приверженцы идеи исторического прогресса в чистом виде встречаются редко, слишком разрушительный след оставила история нашего столетия; но теории прогрессивных изменений все еще пропихивают многие научные интерпретации в области экономической и социальной истории.

Необходимо отметить, что огромное количество историков полностью отвергают теорию как таковую. Они признают возможность существования моделей и закономерностей в истории, но отрицают их доступность систематическому исследованию. Не так уж просто найти убедительное объяснение одного отдельного события в истории, а попытка связать их в цепь или в систему всеобъемлющих категорий означает, что исследователь удаляется слишком далеко от дос-

товерных фактов и невольно вынужден искажать социальную действительность. Пагубность этой тенденции неоднократно замечалась А.А. Зиновьевым и отражена в статье «Игра в историю» [2, с. 24]. С этой точки зрения теоретическая история – это история в виде абстрактных рассуждений, которые следует оставить философам и предсказателям. Возможность того, что теория вытеснит факты рассматривалась А.А. Зиновьевым только на уровне установления причинности, что позволяет весьма вольно выдвигать абстрактные предположения и выдавать желаемое за действительное. В то же время объем данных по многим научным проблемам столь велик, что отбор становится неизбежным. Источников по истории последних столетий так много, и они такие разные, что от характера «допроса», который может им учинить историк, во многом зависят ответы. Применительно к американской истории эта мысль выражена следующим образом:

«В последние 10 лет стало ясно, что Америка строит у себя коммунизм, пока еще не замечая этого» [1, с. 9].

В доказательство почти любой теории можно представить впечатляющий набор отдельных примеров, вписывающихся в желаемую схему.

Ориентированная на теорию историческая наука, несомненно, подвержена этим опасностям, как, впрочем, и работа многих историков, отвергающих теорию, методологию и остающихся в блаженном «неведении». Совершенствоваться в этом отношении – означает не прикрываться неубедительными критическими доводами, а значительно повышать уровень проверки теорий. Историки, пытающиеся просто «следовать за источниками» скорее поддадутся искушению принять желаемое за действительное, чем те, кто начинает исследование с формулирования четкой гипотезы. Если отбор данных необходим, то он должен быть репрезентативным. Если определенной теории соответствует часть данных, относящихся к изучаемой проблеме, то этого мало, она должна коррелироваться со всем объемом имеющихся фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зальцберг М. Исторические параллели// «Зиновьев» Общественно-политический журнал, 2008. – №2(3). – С. 25-27.
2. Зиновьев А. Распутье. – М.: Элефант, 2005. – 318 с.
3. Михайлов И. Момент истины для России// «Зиновьев» Общественно-политический журнал, 2008. – №2(3). – С. 9-13.

ЛЕВАЯ ИДЕЯ В ПОСТЦИВИЛИЗАЦИОННУЮ ЭПОХУ

ЯКОВЕНКО А.В.

Может кому-то покажется странным, что в название публикации вынесено два не очень популярных термина. Обсуждать перспективы левой идеи на постсоветском пространстве стало едва ли не проявлением дурного политического вкуса, равно как и употреблять термин «постцивилизация» в период, когда принято говорить именно о цивилизациях, анализировать их особенности, характер взаимодействия и т.д. Ну что ж, будем считать, что у автора действительно дурной вкус (точнее плохой «нюх» на конъюнктуру момента) и единственное его оправдание, – тот факт, что, и тема левой идеи, и размышления о переходе человечества в постцивилизационную фазу развития не были чужды тому человеку, именем которого названы нынешние студии.

Как известно в своих последних работах Александр Зиновьев четко указывал – эпоха отдельных цивилизаций уходит безвозвратно. И весь теоретический анализ, если он хочет сопрягаться с практикой, должен исходить из данного очевидного факта. Для иллюстрации приведем только одну цитату из сборника «Глобальное сверхобщество и Россия»: «В наше время во всех аспектах человеческой жизни уже не осталось никаких возможностей для автономной эволюции множества обществ в форме особой цивилизации. Цивилизация есть часть человечества, а не все человечество. А в наше время возникновение таких достаточно больших регионов и их сохранение в течение исторического времени исключено. В наше время возникли социальные гиганты более высокого уровня социальной организации, чем цивилизации, которые стали играть доминирующую роль в эволюции человечества. Они достаточно сильны, чтобы разрушать сохранившиеся цивилизации и не допускать появления новых» [1, с. 29].

Что же касается левой идеи, – никого не надо убеждать в том, что А.Зиновьев оставался ее приверженцем до конца, не смотря на новые политические моды и пристрастия, поразившие многих бывших высокопоставленных коммунистов.

Поэтому, думается, все же есть смысл обрисовать ряд моментов, связанных с возможностями/невозможностями левой идеи найти себя, говоря словами А.Зиновьева в глобальном сверхобществе.

Поскольку речь идет все же о студиях (т.е. о разновидности свободной творческой дискуссии), а не традиционных научно-журнальных формах, требующих неукоснительного соблюдения ВАКовских стандартов, автор позволит себе лишь кратко указать, что в своих разработках он сознательно опирался на несколько «центров мысли», выбирая противоположные точки зрения, и пытаюсь найти результирующую. Естественно ряд последующих выкладок базируется на работах А.Зиновьева. В качестве оппонента левой идеи мы избрали О.Шпенглера, не питавшего никаких симпатий, ни к «левизне» (так он ее называл), ни к «советскому коммунизму». В частности, далее мы еще сошлемся на его работу «Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие». В качестве своеобразной альтернативы взглядам О. Шпенглера для нас выступают (в контексте заявленной темы) идеи Э.Фромма, которого нередко называют неомарксистом. Здесь приведем лишь несколько названий его произведений: «Иметь или быть?», «Здоровое общество», «Человек для себя», «Антология человеческой деструктивности». Своеобразную же роль «центриста» мы отвели П. Сорокину («Голод как фактор», «Социальная и культурная динамика»).

Утверждение, согласно которому левая идея переживает кризис, стало уже трюизмом. Другое дело не всегда замечается, что, с одной стороны, нынешний глобальный катаклизм сопровождается кризисом всех идей (точнее идеологий), а, с другой, все чаще звучат голоса, тех, кто требует вернуться «к истокам» именно левой идеи. Всплеск популярности трудов К.Маркса в западных странах лишь банальная иллюстрация данной тенденции. И здесь все вполне закономерно. Нет смысла долго останавливаться на ряде положений незаслуженно забытой работы П. Сорокина «Голод как фактор», где он прекрасно продемонстрировал, как увеличивается привлекательность уравнилельно-распределительных лозунгов в периоды социально-экономических потрясений и, соответственно, возрастает политическое влияние партий и лидеров, умеющих ловко использовать левую фразу в системе организации власти.

Но именно в этом контексте нам и хочется отделить собственно левую идею от леворадикальной фразеологии. Поскольку мы поддерживаем мнение тех ученых, кто подразумевает под левой идеей не политический проект, не идеологическую доктрину, а именно идею, основным фундаментом которой выступают известные принципы со-

циальной справедливости, социального гуманизма и творческой самореализации личности. Причем такое базисное основание как творческую самореализацию личности подчеркнем особо. Поскольку в силу известных историко-политических напластований об этой содержательной части левой идеи, часто как-то «забывают». Кстати говоря, мы убеждены, что в этом смысле последовательный коммунист, либерал, христианин, мусульманин или буддист имеют много общего. Точно также как ничем принципиально не отличаются администраторы-управленцы, заявляющие в зависимости от политической, идеологической и религиозной конъюнктуры, что они приверженцы тех идей, которые обеспечивают им сохранение положения во властной вертикали.

Не очень комфортно нам сегодня читать пророчества О. Шпенглера, который еще в далеком 1933 году предрекал эволюцию коммунистической бюрократии. В частности, он точно указал: «ясно, что фактически мало что изменилось бы, если бы однажды по причинам политической целесообразности коммунистические идеи потерпели крах. Названия были бы другими; административные объединения хозяйственных организаций назывались бы концернами, комиссии – наблюдательными советами, сами коммунисты – владельцами акций» [2, с. 67]. Нам пришлось пережить реализацию данного весьма точного прогноза. Спустя 60 лет А.Зиновьев будет с горечью констатировать, что сам компартаппарат стал основным катализатором отказа от коммунистической идеи, надеясь спокойно трансформироваться в качестве нового слоя управленцев в декоммунизированные админструктуры. В уже упомянутой работе «Глобальное сверхобщество и Россия» А.Зиновьев вспоминает шутку времен перестройки: «... в Советском Союзе осуществлялся разгром КПСС под руководством ... КПСС» [1, с. 118].

В отношении непосредственно кризиса левой идеи в современных условиях, отметим прежде всего две причины, два своеобразных камня преткновения. Именно они, по нашему мнению, не позволяют ей сегодня чувствовать себя также «комфортно», как в прошлом столетии. Первый камень преткновения связан именно с универсализацией всей человеческой цивилизации. Ведь нет никакого секрета в том, что до настоящего времени левая идея, будучи закованной в идеологические шоры, использовалась преимущественно как своеобразная форма защиты национально-корпоративных интересов. Т.е.

выступала в виде специальной светской доктрины, обеспечивающей в первую очередь спасение национального капитала и отстаивание независимости отдельных государств в период серьезных опасностей для их целостности и суверенности. Хорошо известно, что, например, для российской империи коммунизм, как идеология, в начале прошлого столетия стал удобным способом защиты национального суверенитета перед угрозой разрушения в результате экспансии целого ряда западных государств (плюс Япония) по всему периметру ее территорий. И на тот момент, коммунистическая доктрина сыграла для России примерно такую же роль, что и христианство для Римской империи. Благородная свержидея на руинах множества европейских империй позволила Третьему Риму (Москве) на тот момент отстоять свою государственность, вернуться в число ведущих стран мира, а затем стать одной из двух супердержав.

Теперь подобного рода «взлет» в индивидуально-государственном режиме больше не возможен ни для одного национального образования. А у свержидей может быть только универсальное воплощение. Даже не межгосударственное, а именно общепланетарное. Ну а поскольку подобного рода перспектива на сегодняшний день, мягко говоря, просматривается очень слабо – шансы у «национальных» левых чисто локально-политические (временные победы на выборах), а «глобальных» левых пока не наблюдается. Автор не считает антиглобалистов в качестве таковых.

Второй камень преткновения заключается в доминировавшей до сих пор традиции брать в качестве исходной точки для пропаганды левых идей известное почитание «благородной бедности» над «праздной сытостью»; и, соответственно, стремление превращать левую идеологию (именно идеологию) в поистине боевое оружие одних социальных групп против других. Осмелимся утверждать, что в целом значимость левых идеологий как своеобразного способа «подстегивания богатых делиться с бедными» снижается. И если человечество действительно станет продолжать создавать механизмы, позволяющие большинству жителей планеты ощущать достаток, подобного рода утилитарная задача левых доктрин перестанет быть актуальной.

Но означает ли переход к глобальной постцивилизации, умеющей воспроизводить для большей части своих членов иллюзию достатка, историческим приговором левой идее? На наш взгляд, вряд ли.

К.Марксу приписывали фразу: «Если это марксизм, то я – не марксист». Ее можно перефразировать в том смысле, что многое из того, что принято называть левыми идеями, таковыми никогда не являлись. Парадоксально, но сегодня многие верят, что в СССР был коммунизм, который удалось благополучно победить. И зачастую бесполезно доказывать, что подобного рода система организации отношений, социальной, экономической и политической культуры никогда не существовала на практике.

В своем «чистом» виде левая идея вообще не идеологична. Как только она превращается в политический инструмент, она дискредитирует сама себя. Не случайно столько раз тот же коммунизм сравнивали с религиозными доктринами: и по ряду содержательных положений, и по кровавым принципам навязывания. Однако, во всей этой жесткой, а порой даже очень жестокой политической борьбе уже как-то не принято вспоминать, что тот же коммунизм в своих первоисточниках все же обращался (подчеркнем еще раз) к личности, к человеку, а не к системе организации власти. Э. Фромм вообще полагал, что «принцип изменения человека, который характерен для буддизма, лежит в основе и Марксова представления о спасении» [3, с. 393]. И прежде всего этот принцип заключается в том, что необходимо освобождение личности от условий, при которых люди, как писал Э. Фромм, «теряют человеческий облик и становятся рабами вещей, машин и собственной алчности» [3, с. 393]. Но данные задачи с повестки дня никто не снимал. Напротив, сегодня их с энтузиазмом провозглашают, в том числе и те, кто воспринимает левую идею как «исчадие ада». Мы, например, считаем, что развитие новых информационных технологий создает мощнейшие универсальные условия для преодоления человеческой ограниченности, а современный либерализм, требующий освобождения человека от различных форм политического и экономического давления, весьма «коммунистичен» по своей сути.

Кризис левой идеи вызван тем, что длительное время её использовали как удобную идеологию, удачно прикрывающую доктрину национального суверенитета, «забыв» о ее внациональном и внегосударственном предназначении. Также в настоящий момент левая идея больше не может быть доктриной воинственного, агрессивного самоутверждения одной социальной группы над другой, равно как и одного государства (нескольких государств) над другими.

В тоже время, поскольку мы все больше и больше попадаем в постцивилизационный, глобальный мир, человечество обречено искать общегуманистические принципы взаимодействия. И здесь без левой идеи не обойтись. Новые технологии становятся базисом ее обновления. Так, например, левая идея, по нашему мнению имеет свой надежный и расширяющийся социальный плацдарм в Интернет-сообществе, многие участники которого стремятся к свободным формам общения и деятельности. Идеи социальной справедливости и творческой социальноответственной самореализации личности могут быть только универсальными. Они обращены к универсальному миру, которому (да простят автора за осознанный повтор) еще предстоит стать по-настоящему универсальным в своей постцивилизационности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 128 с.
2. Шпенглер О. «Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 224 с.
3. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 448с.

**СОЦИАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА 1917 ГОДА
ГЛАЗАМИ ИВАНА БУНИНА И АЛЕКСАНДРА
ЗИНОВЬЕВА: ВЗГЛЯД ИЗ ПРОШЛОГО И ВЗГЛЯД ИЗ
НАСТОЯЩЕГО**

ПОПОВ В.Ж.

Наращение проблем в современном обществе, финансовый, экономический, политический кризис в нашей стране делают актуальной такую отрасль социологии, как социология катастроф. Такие процессы, как снижение управляемости социума, постепенная утрата эффективности средств социального регулирования, превращение системы из устойчивой в неустойчивую, нуждаются в теоретическом осмыслении, поскольку приобретают все большее практическое значение. Следует также внимательно изучать возможности самоорганизации социума в экстремальных условиях.

События на территории бывшей Российской империи, связанные с революциями 1917 года и последовавшей за ними гражданской войной представляют интерес как для исторического, так и социологического анализа. 1917 год стал временем социальной катастрофы глобального масштаба, поскольку, во-первых, произошло крушение социальной системы, а во-вторых, под воздействием этого крушения изменился весь мир.

А. Зиновьев, изучая посткоммунистическую Россию, часто обращается к России дореволюционной, а также к событиям революции 1917 года и гражданской войны. Так, одним из составляющих элементов постсоветизма он считает маниакальное стремление части реформаторов во главе с президентом реанимировать некоторые явления дореволюционной России — православия, дореволюционных названий, обычаев, явлений культуры, идей монархизма и великодержавности и т.д. В значительной мере (если не главным образом) это делается искусственно, сверху. Сами по себе явления дореволюционной России не возродились бы. Они не столько возрождаются, сколько изобретаются вновь. Изобретаются как идеализация (т.е. фальсификация) прошлого в качестве средства против советизма (коммунизма), как отрицание того эволюционного прогресса, какой

имел место в советское время. В идеологической сфере доминирует тенденция к российскому фундаментализму. Непомерно раздувается православие, которое рвется на роль государственной религии. Православие не предохраняет от нравственного разложения населения и преступности, не несет с собой никакого подлинного духовного возрождения и национального единения, создавая лишь имитацию их.

И. Бунин также следит за нарастанием кризисных процессов в обществе на процессе разрушения старых социальных институтов. Так, заметно изменение отношения народа к церкви. «Церковный сторож запретил попу служить, запер церковь - поп-де «буржуй» (22 августа 1917 г., С. 34). А вот личная оценка Бунина: «В каком жалком положении и как жалко наше духовенство! Слышно ли его в наше, такое ужасное время? Вот церковный собор - кто им интересуется и что он сказал народу?» (134 октября 1917 г., С. 48). «Возведен патриарх «всея Руси» на престол нынче - кому это нужно?» (21 ноября 1917 г., С. 58). Крестьянка отвечает «даме из общества», утверждающей о священности монастыря: «Для тебя он освящен, а для нас камень и камень! Знаем! Видали во Владимире! Взял маляр доску, намазал на ней, вот тебе и Бог. Ну и молись ему сама» (9 февраля 1918 г., С. 70). На Петровке монахи колют лед. Прохожие торжествуют, злорадствуют: «Ага! Выгнали! Теперь, брат, заставят!» (6 февраля 1918 г., С. 68). Подтверждается тезис Зиновьева о том, что «православие фактически не имеет той власти над душами россиян, на которую претендует».

Значительное место в творчестве А. Зиновьева отводится роли, месту, поведению российской интеллигенции. Она полностью (за немногими исключениями) утратила ту роль, какую она играла в прошлые годы российской истории - роль духовного просвещения и воспитания людей в высоком гражданском смысле. Она выполняла эту роль в борьбе с религиозным мракобесием, с сектантством, с псевдонауками, с околонульным шарлатанством и т.п. Эта деятельность интеллигенции стала одним из важнейших условий тех беспрецедентных достижений эпохального и глобального масштаба, каких добилась наша страна в советские годы. «Теперь же российская интеллигенция стала активным участником процесса интеллектуальной (духовной!) деградации России, - роль позорная, капитулянтская, холуйская, трусливая, шкурническая».

Печальной выглядит судьба интеллигенции и в записках И. Бунина. Интеллигенция с ненавистью относится к простолюдинам: «Нет никого материальней нашего народа. Все сады срубят. Даже едя и пья, не преследуют вкуса - лишь бы нажраться. Бабы готовят еду с раздражением. А как, в сущности, не терпят власти, принуждения! С револьвером у виска надо ими править. А как пользуются всяким стихийным бедствием, когда все сходит с рук. Злой народ! Участвовать в общественной жизни, в управлении государством - не могут, не хотят за всю историю» (3 октября 1917 г., С. 42). Ярко прослеживается абсолютное непонимание нужд простого народа. В разгар борьбы за землю предлагается способ решения социальных проблем: «Нужно просвещать деревню. Футбол и т.д.», а затем, как приговор: «Интеллигенция не знала народа» (3 октября 1917 г., С. 43).

Разрушение привычных, казавшихся незыблемыми, социальных отношений ведет к постепенной маргинализации общества, размыванию социальной структуры. Прежде всего видна беспомощность общественных организаций. Вот попытка создать ячейку «Союза земельных собственников». «Заседание в школе. Жалкое! (около десяти человек). Страшное напряжение и тупость при слушании непонятных слов устава». А вот реакция одного из новых членов «Союза». «Ну, записались! Теперь чтой-то даст бог!» (1 августа 1917 г., село Глотово. - С. 27).

С углублением кризиса общества ускоряется утрата социальных ориентиров. «Много дам, курсисток и офицеров стоят на углах улиц, продают что-то. В трамвае молодой офицер, покраснев, сказал, что он «не может, к сожалению, заплатить за билет» (7 февраля 1918 г., С. 69). «На Тверской бледный старик-генерал в серебряных очках и в черной папахе что-то продает, стоит робко, скромно, как нищий. Как потрясающе быстро все сдались, пали духом!» (9 февраля 1918 г., С. 70). Уличная сценка: лошадь бьется на мостовой, мужик пытается ее распрячь и кричит: «Ребята, подсоби! Но никто не трогается» (20 февраля 1918 г., С. 77). Солдат делится впечатлениями: «Хожу без работы, пошел в совет депутатов просить места - мест, говорят, нету, а вот тебе два ордера на право обыска, можешь отлично поживиться. (1 марта 1918 г., С. 82). А вот собственное наблюдение автора: «Как злобно, неохотно отворял нам дверь швейцар! Поголовно у всех лютое отвращение ко всякому труду» (10 марта 1918 г., С. 86). Вызывание столичного извозчика: «теперь народ, как скотина без пасту-

ха, все перегадит и самого себя погубит» (апрель 1917 г., запись от 24 апреля 1919 г., С. 111). Теперь реплика московского извозчика: «А нам что? Мы народ темный. Скажи одному «трогай», а за ним и все» (14 февраля 1918 г., С. 72). Откровение одного из одесских собеседников: «За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» (25 апреля 1919 г., С. 121). А вот портрет еще одного одессита: «в двух штанах, в двух рубашках, говорит, что грабеж уже идет, боится, что отнимут вторую пару штанов» (30 апреля 1919 г., С. 127). С урезанием хлебного пайка изменяется отношение к прежним приятелям. Вот один из них - «сидит без всякой совести, поедает весь хлеб с полным невниманием к хозяевам. Быстро падают люди!» (6 февраля 1918 г., С. 67).

По мнению Зиновьева, Россия в большей мере живет в мире вообразимом, выдуманном дилетантами и проходимцами, в мире показном, театральном, имитирующем поверхностные формы мира реального, короче говоря - живет главным образом в мире, который иногда называют виртуальным. А в таком виртуальном мире распутье в определенном выше смысле не только логически возможно, но даже неизбежно. Распутье тут есть перманентное состояние бытия, его социальная норма. Тут имитационная суэта, изображающая деятельность по организации жизни, и есть сама эта жизнь.

В дневниках Бунина организация самоуправления выглядит опереточным действием по указке большевистской власти. «Домовый комитет наш трусит - ищет красной материи на флаги» (17-30 апреля 1918 г., С. 60). «Комиссар» нашего дома бегаёт по всему дому, умоляя исполнять декреты» (25 апреля 1919 г., С. 120). «Приходил «комиссар» дома проверять, сколько мне лет, всех буржуев хотят гнать в «тыловое ополчение» (1 мая 1919 г., С. 128). К демократическим институтам автор относится не менее иронично. «Всяческих властей стало несметно, комитеты, союзы, партии росли, как грибы» (12 апреля 1919 г., С. 91). «Комиссар народного просвещения передал управление университетом «семи представителям революционного студенчества». (15 апреля 1919 г., С. 93).

Охрана общественного порядка осуществляется домовою охраной. «У нас в вестибюле дежурство, двери на запоре» (28 октября 1917 г., С. 54). «Я дежурил от шести до семи» (30 октября 1917 г., С. 55). «От трех до четырех был на дежурстве» (31 октября 1917 г., С. 55). «Два раза дежурил» (2 ноября 1917 г., С. 57). Об обеспечении

безопасности на улицах Бунин упоминает один раз, в своем стиле: «Никитская без огней. Прохожих почти нет, а кто идет, так почти бегом. На углу два солдата с ружьями. Стража или грабители? И то, и другое» (22 февраля 1918 г., С. 78).

Интерес вызывает оценка А. Зиновьевым подготовки общественного мнения накануне революционных событий 1917 года. Сложился огромного размера массы: это миллионы крестьян и рабочих, одетых в солдатские шинели. Имелись организации революционеров, которые вели пропагандистскую работу среди населения. Имелись идеи, доходившие до миллионов людей в самом простом и общепонятном виде: долой войну, землю крестьянам, фабрики рабочим, долой помещиков и капиталистов, долой самодержавие, власть рабочим, крестьянам, солдатам! И эти идеи соответствовали интересам большинства населения страны, включая массы. Имелись средства массовой информации, по тем временам достаточно эффективные с точки зрения манипулирования массами. Быстро выработались средства непосредственного общения вождей и агитаторов с массами - митинги, собрания, демонстрации. Период между Февральской и Октябрьской революциями послужил школой для практической деятельности масс и управления ими революционными организациями. Большевики во главе с Лениным поразительно умно использовали все это. Без этого революция не смогла бы быть такой победоносной.

Дневники Бунина изобилуют оценками социальных настроений совсем другого характера. Вот один из его собеседников проявляет полное равнодушие к тому, что происходит в России. «Мне земля не нужна. Реквизиция хлеба? Да тогда я и работать не буду, ну его к дьяволу!» (8 августа 1917 г., С. 28 -29). В более поздней записи: «никто не интересуется ни немцами, ни «Сов. Рос. Респ.» - и не знает ничего» (12 октября 1917 г., С. 47). Или: «вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим. (13 октября 1917 г., С. 48). А вот запись в дни вооруженных боев в Москве: «везде равнодушие - «а, вздор, это уже давно говорят» (27 октября 1917 г., С. 54). «Об общем положении России и о будущем никто не говорит - видимо, это не занимает» (31 октября 1917 г., С. 56). «Опять праздник - годовщина революции. Но народу нигде нет, просто уже надоедает» (27 февраля 1918 г., С. 81). Дворник: (по поводу большевистского террора): «да и что ж с ними сделаешь? Татары, говорят, 200 лет нами владели, а ведь тогда разве такой жидкий народ

был?» (7 марта 1918 г., С. 84). «Люди спасаются только слабостью своих способностей - слабостью воображения, внимания, мысли, иначе нельзя было бы жить» (10 марта 1918 г., С. 85). «Ожидание чего-то, что вот-вот придет и все разрешит» (12 апреля 1919 г., С. 91). «Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чего-нибудь, от чуда, от природы!» (13 апреля 1919 г., С. 92). «В Одессе народ очень ждал большевиков - «наши идут». Ждали и многие обыватели - надоела, смена властей, уж хоть что-нибудь одно, да, вероятно, и жизнь дешевле будет» (24 апреля 1919 г., С. 116).

А. Зиновьев диалектически оценивает события 1917 года: «В 1917 году в России начался грандиозный исторический эксперимент по созданию коммунистического общества, во многом оказавшийся успешным. Одновременно становилось все более очевидным, что самые соблазнительные идеалы коммунистического проекта практически невыполнимы, а те, которые оказались выполнимыми, порождали негативные следствия, не предусмотренные в проекте».

Бунин, основываясь на личных впечатлениях и рассказах знакомых, обличает новую большевистскую элиту, на словах выступающую за социальное равенство. Его товарищ рассказывал, как на него замахнулся хлыстом (в банке) какой-то «товарищ» - из начальства при банке - и крикнул: «Молчать!» «Жены всех этих с(оветских) с(лужащих), засевших в Кремле, разговаривают теперь по разным прямым проводам совершенно как по своим домашним телефонам» (9 февраля 1918 г., С. 70). «Наиболее верным - коммунистам раздают без счета что попало: чай, кофе, табак, вино» (10 июня 1919 г., С. 157). В то же время писатель отдает должное большевикам - «и все то же бешенство деятельности, все та же неугасимая энергия, ни на минуту не ослабевающая вот уже скоро два года» (9 июня 1919 г., С. 151).

Зиновьев обращается к своему собеседнику: «Обрати внимание, у нас почти все так или иначе тоскуют о прошлом. Народ ворчит: при Сталине цены постоянно снижались, а теперь постоянно растут. Руководители шипят: при Сталине порядок был, а теперь распустились. Молодежь вздыхает: тогда идеалы были, а теперь - нет. И поет с умилением о том, что ей хотелось бы подохнуть на той, на Гражданской войне, и чтобы комиссары и т.п. Целый косяк передовой интеллигенции с апломбом твердит, что надо было остановиться на Феврале. А есть правдоборцы, которые считают, что и Февраля не надо было. А

сколько у нас борцов за прогресс, которые тоскуют по подлинному Марксу, подлинному Ленину, подлинному социализму. Даже неглупые люди полагают, что социализм у нас построен неправильно, что надо вернуться... А ты на себя посмотри! Ты же живешь образцами прошлого. Пример Ленина, Троцкого, Сталина тоже маячит перед твоими глазами. Тебе хочется вести за собой, указывать пути...».

Главная идея Ленина и Троцкого - максимальное обострение социального конфликта. Уже первая запись в дневнике Бунина повествует о сходке крестьян, на которой «толковали о «Варфоломеевской ночи» - будто должна быть откуда-то телеграмма - перебить всех «буржуев» (в первую очередь некоего Барбашина). На деревне говорили, что надо вырезать всех помещиков». (1 августа 1917 г., село Глотово. - С. 27). И далее с завидным постоянством - «разговор (крестьян) на тему, как господа их кровь пьют (26 августа 1917 г., С. 35), солдат о господах: «за границу не уедешь - все дороги в один час станут, всех переколем штыками» (9 октября 1917 г., С. 46), бабы-солдатки: «вы, буржуи, капиталисты, войну затеяли. А плохо вам теперь!» (22 октября 1917 г., С. 53), ответ рабочего на надежды господ на немецкую помощь: «раньше, чем немцы придут, мы вас всех переждем» (6 февраля 1918 г., С. 66), реакция прохожей работницы на расклейку театральных афиш: «ишь, расклеивают! А кто будет стены мыть? А буржуи будут ходить по театрам? Им запретить надо ходить по театрам» (7 февраля 1918 г., С. 69), солдат - Бунину: «Деспот, сукин сын!» (16 февраля 1918 г., С. 74), и еще один солдат: «конечно, социализм сейчас невозможен, но буржуев все-таки надо перерезать» (24 марта 1918 г., С. 89), кухарки во время конфискации матрацев в Одессе: «ничего, ничего, хорошо, пускай поспят на дранках, на досках!» (25 апреля 1919 г., С. 121). Даже почти ставшие членами семьи слуги меняются прямо на глазах: «уехала кухарка с детьми. Уехали, даже головой не кивнув» (13 августа 1917 г., С. 29). Или вот показательный отрывок. «Андрей (слуга брата Юлия) все больше шалает, даже страшно. Служит еще аккуратно, но, видно, уже через силу, не может глядеть на нас, уклоняется от разговоров с нами, весь внутренне дрожит от злобы» (7 февраля 1918 г., С. 69). Сельские жители воспринимают интеллигенцию как бездельников. «Бабы одно и то же: «что гуляете, идите к нам солому тресть» (30 сентября 1917 г., С. 40).

Таким образом, записки Ивана Бунина служат дополнительным подтверждением многих идей Александра Зиновьева. В дореволюционной России далеко не все было безоблачно, как стремятся показать современные демократы. В противном случае система не рухнула так мгновенно, утратив поддержку подавляющего большинства населения. Подготовка общественного мнения к разрушению прежних порядков происходила не только путем завоевания сторонников, но и путем внедрения в души людей апатии и безразличия. Как любой социальный эксперимент, коммунистическая революция не обошлась без эксцессов. Более того, построенное общество было не совсем таким, как хотели инициаторы революции. Если выражаться точнее, оно было совсем не таким.

***А.А.ЗИНОВЬЕВ «Я БУДУ ЗАЩИЩАТЬ ТЕБЯ,
РОДИВШАЯ МЕНЯ ЭПОХА»
«ВЕЧЕРНИЙ ДОНЕЦК» 26 МАЯ, 2009.***

Шамара Давыденко- журналист

«Зиновьевские чтения (студии)», что состоялись на минувшей неделе в Донецком государственном университете управления, по сути - открытие украинским студенчеством Александра Александровича Зиновьева (29 октября 1922 – 10 мая 2006) – выдающегося российского логика, философа, социолога и писателя-сатирика, критика советского строя и глобального капитализма. Имя вроде бы новое, но по существу давно знакомое, так как подавляющее число всяких хохм и анекдотов о марксистской идеологии, которые ходило и тогда, и теперь, - профессиональное дело А.А. Зиновьева, кроме его фундаментальнейшей работы «Восхождение от абстрактного к конкретному. На материалах «Капитала» А.Маркса», которая в значительной мере повлияла на возникновение в духовной сфере нашей страны «оттепельного», пограничного, революционного периода отечественной критической мысли. Сейчас издается полное его собрание сочинений в 40 томах. В него входят несколько потоков: прежде всего логические работы, литературные произведения, и шес-

титомник по социологии. Зиновьев стал фигурой планетарного масштаба - огромная переписка, архивные материалы, картины. Особенно высок интерес к нему как к одному из самых основательных исследователей постсоветского социального устройства России (СССР).

– Известно, «Зиновьевские чтения» уже прошли в Париже. Москве, Костроме (потому что это - родина), в Пятигорске и вот теперь впервые в Украине и впервые именно в Донецке. Наверное, это большой плюс для нас, дончан? – С этого вопроса началась беседа нашего корреспондента с первым проректором ДонГУУ, профессором, доктором социологических наук Валерием Васильевичем Бургой и почётным гостем «Чтений», вдовой, директором Исследовательского центра имени А.А.Зиновьева Московского гуманитарного университета и главным редактором журнала «ЗИНОВЬЕВ» Ольгой Мироновной Зиновьевой.

В.В. Бурга: Студия – обучение. Мы выбрали это слово, чтобы в учебе понять, что такое Зиновьев для социологии и, в частности, для украинской социологии. Даже те, кто уже знаком с масштабом принадлежащих перу мастера логических и социологических исследований истории и идеологии, вряд ли когда-либо проецировали их на учебный процесс еще в недалеком прошлом. Времена меняются. Сейчас университет решает вопрос о создании собственного факультета социологии. А какой же социолог будет выпускаться из наших стен, если он не знает богатейшего наследия одного из крупнейших мыслителей XX века? Так что перед нами задача – подготовить преподавателей, знакомя их с работами Зиновьева как логика, философа, так и писателя, автора социальных бестселлеров «Зияющие высоты», «На пути к сверхобществу», «Логическая социология», «Homo Sovieticus» и донести эти знания до студентов. Мы ежегодно намерены выпускать по 50 молодых специалистов, которые так нужны сегодня и в органах государственной власти, и в бизнесе, и в науке.

– Во время одной из встреч в рамках проекта «Публичные лекции «Полит. ру» профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Александр Зиновьев с сожалением, как мне показалось, говорил о том, что у не-

го 600 тысяч оппонентов в лице социологов и политологов всех мастей. А нам бы хотелось, чтобы здесь, в Украине, у него нашлись бы единомышленники. Что на Ваш взгляд, Ольга Мироновна, для этого должно быть сделано?

О.М. Зиновьева: Вы знаете, для того, чтобы появились оппоненты (так или иначе оппонент отталкивается от того, что он уже по крайней мере знает) – их надо воспитывать, их надо обучать знанию. Вот и сегодняшние «Чтения» - повод взрастить новых оппонентов. Пусть будет процесс спорный, противоречивый. Нет ничего страшнее стагнации, запустения и замалчивания, когда ничего не происходит. Пусть диспут будет очень жестким, очень пламенным, может быть, нелицеприятным. Хотя лучше, конечно, придерживаться академических рамок. Но нужно расти, попытаться постигать систему ценностей, представленных другим человеком, ученым, другой наукой, другим мировоззрением. Потому что когда нет диалога, нет и роста, нет движения вперед.

– Вашим мужем была высказана мысль, дескать, общество постсоветское (мы все постсоветские) на такой грани, что уже готово воспринимать новые идеи. В частности, того, что случилось после развала Советского Союза, понимание этого процесса позволит идти дальше. Каким образом это может быть достигнуто?

О.М. Зиновьева: Прежде всего, прежде, чем полагаться на какую-то официальную точку зрения (и это надо всегда иметь в виду) есть собственные мозги. Это величайшее преимущество - иметь право воспользоваться ими. Без влияния со стороны кого бы то ни было: если есть первоисточник, почитайте его сами. Вообще у Сан Саныча (как его называли студенты) была установка: надо стараться переумнить врага, стремиться переумнить геополитического оппонента в том числе. Неважно, является ли он физическим лицом или это какая-то враждебная система, или какое-то государство, или совершенно иной планетарный уровень. Надо пользоваться собственным умом, думать и додумываться до истины, но для этого надо учиться. Для того, чтобы оценить все те процессы, которые произошли с нашей многострадальной страной (я говорю об СССР, мы ведь родились там, и смешно делать вид, что этого не было), нужно

уметь отличать положительное. Чтобы, как говорится, с мутной водой не выплеснуть ребёнка. А то, что происходит на оценочном уровне в постсоветском пространстве в последние 20 лет, как раз чаще всего демонстрирует отношение повально-негативное ко всему тому положительному, созидательному, творческому, что было создано нечеловеческими усилиями и энтузиазмом всего многонационального народа Советского Союза.

– В ряде своих книг «Запад», «На пути к сверхобществу» Александр Александрович показал, что слова «капитализм» и «демократия» - идеологические пустышки. Реальный же Запад совершенно другой. И та социальная система, которая там сейчас существует, - это сверхобщество. Система такого типа, как была в Советском Союзе, но в других условиях. Вопрос: можно ли в современном мире указать ту социальную систему, которая способна сыграть определенную роль по отношению к проблемам глобализации, положительную или отрицательную?

О.М. Зиновьева: Ну, это уже общее место: идеальных систем не бывает. Это неумоимо повторял мой муж. Не существует в природе нечто, что можно было бы назвать идеальным, а уж тем более в сфере, которая является социумом.

Что происходит? Все или почти все, имеющее отношение к истории нашей страны, категорически определяется как «черный провал», преступление, в чем требуют покаяться. А ведь каждая история, история любой страны или системы (за что ни возьмись) – есть кровь, есть война, есть завоевания, есть жертвы. Нельзя заикливаться только на жертвах, как это у нас происходит сейчас...

Интересная проходила недавно дискуссия, в которой принимала участие делегация российских философов – академик РАН В.С. Степин, академик РАН А.А. Гусейнов, академик РАН В.А. Лекторский, профессор М.Т. Степанянц, профессор Б. Пружинин, и куда пригласили и меня. Приглашающая сторона – Международный институт философии в Париже, повод – празднование 60-летия журнала «Вопросы философии» и предстоящего 80-летия Института философии РАН. Все наши академики – высочайшие эксперты - выступили с блестящими докладами, и так получилось, что большая часть докладов (как от этого уйдешь!) была по-

священа Зиновьеву. Причем, произошло негласное разделение «до Зиновьева» и «после...». Мне было приятно, не скрою, присутствовать на этом заседании, тем более, что все происходило во Франции, на литературной родине Александра Зиновьева. И на эту конференцию съехались такие столпы отечественной, и не только отечественной философии!

И вот после одного из последних выступлений вскакивает молодой человек и начинает запальчиво выговаривать: какое, мол, вы имеете право говорить от имени советской и русской философии?! – СССР больше нет, и давайте, дескать, начинать с чистого листа...

Вы понимаете: все, что сделано в нашей стране, – а это не только философия, – это и физика, и химия, и микробиология, и прорыв в космос, и многие сферы науки и техники ...– все это отбрасывается. Ничего, оказывается, этого не было. Давайте с белого листа начинать соревнование. В то время как вы, дескать, делали карьеру, миллионы людей переживали ужасы ГУЛАГа. Он, молодой человек, обрушился с гневной филиппикой на присутствующую высокую делегацию российской академической науки, а все наши академики молчали... Выступила я, которую как и мужа на 21 год выгнали из Советского Союза, и, как тогда считалось, навсегда... Повторю, история каждой страны, каждой системы несет в себе все ее элементы – как положительные, так и отрицательные. Нужно уметь видеть столбовую дорогу, дорогу развития. Это, во-первых, ответила я спорику, а во-вторых, давайте подумаем, можно ли представить себе историю Франции без Варфоломеевской ночи? Или, как вы относитесь к тому, что Наполеона даже мертвого не пускали во Францию на материк, а сейчас все ходят в Пантеон, чтобы выразить ему свое уважение? «Это другое, у вас такая страшная история. Вы должны покаяться!...», – вспылil отягощенный провалами исторической памяти наследник французской революции.

Давайте, господа, будем честными. И будем помнить: была великая наука, техника, человеческие достижения, полная грамотность... Есть, наконец, обязанность и даже привилегия порядочного человека и гражданина объективно относиться к своей стране, и в том числе – к ее истории.

Гражданин и мыслитель Александр Александрович Зиновьев очень хорошо сказал однажды: «Я буду защищать тебя, родившая меня эпоха». А ведь ему досталось больше всех...

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗИНОВЬЕВ (29 октября 1922 г. – 10 мая 2006 г.).....	3
Зиновьева О.М. Приветственное слово.....	6
Смирнов Н.В. Живая память: из воспоминаний об Александре Зиновьеве.....	15

Раздел 1

Вклад А.А. Зиновьева в формирование современной социологической теории

Бурега В.В. Исторический опыт местного самоуправления в Ук- раине: рефлексия по А. Зиновьеву.....	19
Нагорный Б.Г. Современность социологии А.А. Зиновьева....	32
Саенко Б.Е. Эволюция взглядов А.А. Зиновьева на трансформа- цию общественных систем.....	36
Бухтеев Н.М. Поворотный взгляд на социальную реальность: о логической социологии А.А. Зиновьева.....	47
Андрієнко О.В. Демократія і тоталітаризм у філософії О. Зинов'єва.....	55
Никифорова А.Р. Никифорова Н.А. Марксистский соци- альный проект в интерпретации А.А. Зиновьева.....	61
Давиденко А.А. Человек и система государственного управления в социальной философии Александра Зиновьева.....	69
Пасько Я.М. Этнос свободы в творчестве А.Зиновьева: социаль- ные измерения.....	74

Раздел 2

Моделирование социальной реальности

Стасенко С.А. Методологические проблемы представления общества как формальной системы.....	81
Шульга В.В. «Коммунальность» как проявление группового давления.....	88
Сорокин А.А. Роман А.А. Зиновьева «Пара беллум»: обращение к традициям и авторская индивидуальность.....	93

Раздел 3

Социальное пространство и время

Скряк Н.С. Співвідношення фізичного й соціального аспектів часу в розумінні О. Зинов'єва.....	100
Шатохіна Н.П. Диалектические и метафизические аспекты в исследовании.....	105
Гончарова О.Н. Взгляды А.А. Зиновьева на свиптальность...	110

Раздел 4

Глобализация как социальный феномен

Зыбцев В.Н. Роль философского подхода в исследовании глобальных проблем человечества.....	114
Обухова Н.О. Национальная культура в условиях глобализации: фактор понимания.....	117
Кандуба П.Ю. Глобализационные аспекты внешней политики Великобритании на переломе XX-XXI в.в.....	123

Раздел 5

История как согласованная картина прошлого

Катышевцева Е.В. Александр Александрович Зиновьев о социально - историческом процессе: основы концептуального видения.....	128
Клименко Е.Ю. История и социальная теория в работах А.А. Зиновьева.....	133
Яковенко А.В. Левая идея в постцивилизационную эпоху	137
Попов В.Ж. Социальная катастрофа 1917 года глазами Ивана Бунина и Александра Зиновьева: взгляд из прошлого и взгляд из настоящего.....	143
«Я буду защищать тебя, родившая меня эпоха»....	150

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андриенко Елена Владимировна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина.

Бурега Валерий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии управления Донецкого государственного университета управления, первый проректор – проректор по научно-педагогической работе ДонГУУ, председатель Донецкого отделения САУ, г. Донецк, Украина.

Бухтеев Николай Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Гончарова Ольга Николаевна – студентка пятого курса, специальности «социология» Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Давиденко Арсений Александрович – аспирант кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Зиновьева Ольга Мироновна – директор исследовательского центра им. А.А.Зиновьева при Московском гуманитарном университете, г. Москва, Российская Федерация.

Зыбцев Валерий Николаевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Макеевского экономико-гуманитарного института, г. Макеевка, Украина.

Кандуба Тамара Юрьевна – преподаватель кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Катышевцева Елена Валерьевна – кандидат исторических наук доцент Глазовского филиала Удмуртского государственного технического университета, г. Глазов, Удмуртия.

Клименко Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Клименко Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Нагорный Борис Григорьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, Украина.

Никифороенко Андрей Ростиславович – старший преподаватель кафедры социальных дисциплин Донецкого института социального образования, г. Донецк, Украина.

Никифороенко Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Обухова Наталья Алексеевна – аспирант кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Пасько Ярослав Игоревич – доктор философских наук, профессор кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Попов Вячеслав Жанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Саенко Борис Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой специально-правовых дисциплин Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Скоқ Наталья Сергеевна – преподаватель кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, аспирант Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Смирнов Николай Васильевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Донецкого института МАУП, г. Донецк, Украина.

Сорокин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина.

Стасенко Станислав Александрович – старший преподаватель кафедры философии Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина.

Шатохина Наталья Петровна – аспирантка кафедры философии Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина.

Шульга Валентина Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии управления Донецкого государственного университета управления, г. Донецк, Украина.

Яковенко Андрей Вячеславович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, Украина.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
Международной научной конференции

«Зиновьевские студии»
13 мая 2009 года

Языки: украинский, русский

Статьи, включённые в сборник, печатаются в авторской редакции,
за их содержание редакция ответственности не несёт

Донецький державний університет управління
83015, м. Донецьк –15, вул. Челюскінців, 163а

Подписано к печати 26.02.2010. Формат 60х84^{1/16}
Усл. печ. л. 9,30. Печать лазерная. Заказ № 0130. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Норд Компьютер» на цифровых лазерных
издательских комплексах Rank Xerox DocuTech 135 и DocuColor 2060
83003, Украина, г. Донецк, ул. Разенкова 6
Тел.: (062) 389-73-82, 389-73-86

